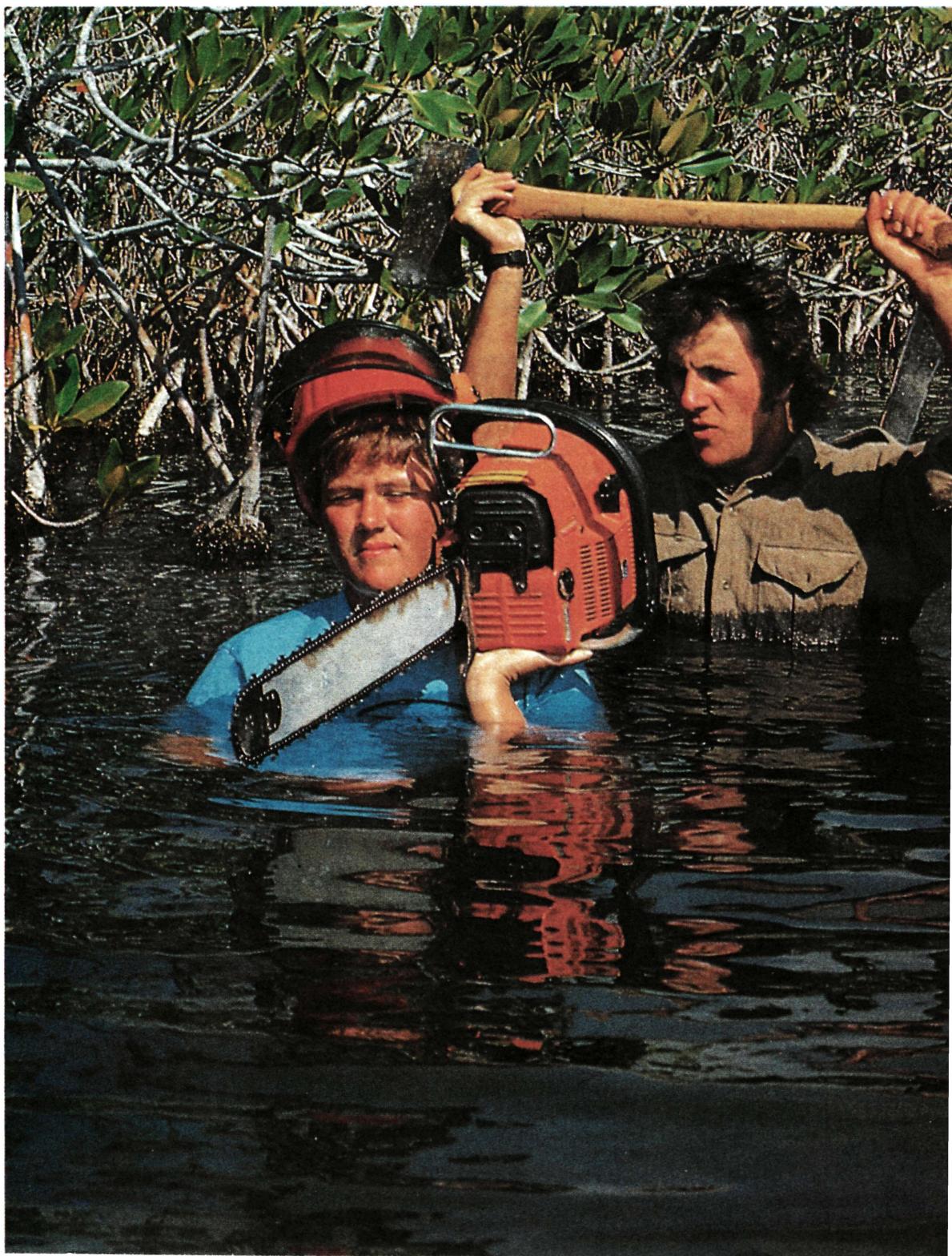

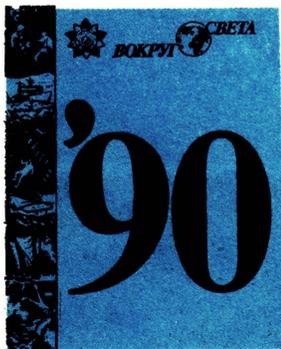
СВЕТА

ВОКРУГ

6 1989

Макетируем журнал

Во многих письмах читатели высказывают различные идеи, которые, на их взгляд, сделают журнал интереснее и привлекательнее. Такие письма мы внимательно читаем, обсуждаем на редакционных легучках. Некоторые из них «Почтовый гилижанс» предлагает вашему вниманию.

В этом номере мы познакомим читателя с нашими планами на 1990 год, в том числе и теми, что подсказаны вашими письмами. Приглашаем всех читателей принять участие в проектировании журнала 1990 года.

ПРЕДЛОЖИТЕ:

— ТЕМУ, РАЗДЕЛ, ЖАНР, РУБРИКУ;

— АДРЕСА КОМАНДИРОВОК НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ;

— АВТОРА, ЧЬИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХОТИТЕ ПРОЧИТАТЬ.

НАКОНЕЦ, СКАЖИТЕ, КАК УМЕСТИТЬ НА ОГРАНИЧЕННОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ ВСЕ ТО, ЧТО ВЫ ПРЕДЛАГАЕТЕ?

Тех, кто пришлет наиболее интересные письма и оригинальные предложения, ждут призы редакции. А теперь начнем с предложений читателей.

Здравствуйтесь, товарищи!

Начну с того, что скажу: в нашей стране с 1941 года нет союзного журнала краеведения, путешествий, приключений, фантастики. «Как это нет,— скажете вы,— а наш «Вокруг света»? Но у вас путешествия, приключения, фантастика только в заголовке. (Ну, может, кроме путешествий.)

Во второй половине 20-х годов, когда Советская власть отметила свое десятилетие, а страна едва-едва покончила с послевоенной разрухой, в СССР выходили с приключенческой тематикой издания: «Всемирный следопыт», «Мир приключений», «Вокруг света», «На суше и на море», а может, и еще какие-нибудь, мне неизвестные. Что мы имеем на сегодняшний день?

В 1946 году возобновилось издание «Вокруг света», и первые несколько лет журнал соответствовал своей традиционной программе или, по крайней мере, старался быть таковым. А потом... Ну а потом вы знаете, как о вас писали: путеводитель по странам...

И вот, чтобы как-то реабилитировать себя перед читателями, с 1961 года в качестве приложения к «Вокруг света» стал выходить «Искатель». Кажется, положение исправилось, и это как-то удовлетворяло читателей на первых порах. А затем начались в 70-м «приключения». «Вокруг света» уменьшился в формате и «похудел», похудел и «Искатель», а цены взвезали. Но этого оказалось мало — «Искатель» исчез из продажи.

Как-то я не поленился и обошел десятка два киосков в Пензе. Вопрос был один и тот же: «У вас «Искатель» бывает?» Большинство киоскеров сказали, что такого журнала они не знают. А в нескольких сказали, что бывает, но они его «выдают» по списку из райкома. В киоске, расположенном в Доме Советов, где помещаются обком КПСС и облисполком, мне вдруг, как я думал, наконец-то улыбнулось счастье: киоскер сказала: «Да, получила 25 экземпляров». Но когда я попросил продать мне один из них, она ответила: «Что вы, они у меня все расписаны пофамильно!» Вот так у нас появился еще один «закрытый» журнал.

Я уверен, что те, кому попадает «Искатель», не выписывают, не покупают и не читают «Вокруг света», а те, кто выписывает десятки лет журнал, то есть истинные его патриоты, не имеют возможности читать «Искатель». Считаю это положение ненормальным.

Вообще-то журнал «Вокруг света» хороший. В особенности, как мне кажется, он улучшился за последние годы: в нем стали появляться даже повести или романы с продолжением.

Для улучшения журнала предлагаю пока (учитывая буржуйный голод, как пишут газеты) следующее:

1. Давать в журнале программу и условия подписки на следующий год.

2. Перенести орден Дружбы народов с обложки внутрь журнала.

3. За счет уменьшения количества и величины очерков печатать в каждом номере 2—3 рассказа.

4. Сделать «Искатель» подписным, то есть разбить подписку на «Вокруг света» на два абонементов — с приложением и без него. Причем с обязательным условием — подписка должна быть безлимитной. Отдельно на «Искатель» подписку не принимать.

Кудряшов Леонид Федорович,

читатель «Вокруг света» с 1861 года (я не ошибся, мне посчастливилось держать в руках журнал 1861 года и кое-что прочесть), подписчик с 1935 года,
г. Пенза.

Благодарю за «Свидание с Аустерлицем» (№ 12, 1988 г.). Отрадно, что А. Тарунов открывает для нас это «разноязыкое братство». Надо помнить дни поражений и побед, тогда будет меньше разобщенности между народами. Если бы так учили нас истории в школе. К сожалению, ее мы видим в замочную скважину.

Спасибо «ВС» за путешествие в нашу историю. Нужен свет для человеческих душ, а не просто освещать географию.

Р. Колин,
г. Тейково Ивановской обл.

Главная беда журнала — в качестве его полиграфии издания, которое год от года становится все хуже и хуже. Некоторые номера просто неприятно брать в руки: бумага неприглядная, качество печати текста плохое, а иллюстрации, особенно цветные, и вовсе безобразные, яркие блеклые, темные, положены со сдвигом. Не иллюстрации, а сплошной полиграфический стыд и брак.

В. Маркевич,
г. Химки Московской обл.

Нечасто редакция «балуется» своих читателей информацией о последних достижениях науки, смелыми научными гипотезами. Очень заметен литературный крен. А ведь журнал прежде всего научный, а уж потом только художественный. Да и то, что публикуется, даже сенсационного плана, к каким я, безусловно, отношу прочитанную мной статью «Знак солнца» (№ 1, 1989 г.), подано как-то блекло, невыразительно, как будто речь идет не об открытии всемирного значения, а о рядовой научной работе.

С. Очкинадзе,
г. Кисловодск

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ!

Фото АЛЕКСАНДРА ГРАЩЕНКОВА. Материал «Рожденные в море» читайте на стр. 43.

После 40 лет работы в международной журналистике я пришел к заключению, что у человека есть неистребимая внутренняя потребность в общении с другими людьми, живущими далеко от него. Именно искатели приключений «сделали» историю человечества. Они часто рисковали жизнью, чтобы нанести на карту мира все новые названия. Освоение Сибири, Африки и Америки расширило человеческое знание.

Дух поиска приключений — одна из лучших черт человека — и побудил нас выпускать журнал «Лос АVENTУРЕРОС» («Искатели приключений»), дабы поддержать этот дух и установить связь путешественников во всем мире.

Особое значение мы придаем работе с молодежью, поскольку в молодых неистребимо желание узнавать как можно больше о других народах. Мы уже выпустили 24 номера журнала на испанском языке, 7 на английском и два издания на французском и немецком языках. Редакция журнала «Вокруг света» предложила нам сотрудничество для того, чтобы люди всей планеты лучше узнали друг друга, могли посещать разные страны, что, несомненно, послужит улучшению международных отношений. Мы также хотим вносить свой вклад в защиту природы нашей планеты, которую мы должны оставить нашим детям и внукам столь же прекрасной, какой она является сейчас.

Люди, которые не знают жизни других народов, сами себя обедняют, и наоборот — расширение контактов между народами служит их взаимно-

му обогащению. В прошлом году в Испании побывало более 50 миллионов иностранных туристов. Многие из них, несомненно, захотят вернуться еще раз. Еще в прошлом веке некоторые русские путешественники побывали в Испании. А один из них — Римский-Корсаков — написал по возвращении из Испании свой знаменитый «Испанский каприз».

Пользуясь случаем, хочу передать всем советским людям, что мы с большим нетерпением ждем информации о вашей стране и надеемся, что вас также интересует жизнь Испании, ее обычай, история, культура.

Энрике МЕНЕСЕС,
главный редактор журнала
«Лос АVENTУРЕРОС»

Магрит

Вильям КРЕСПЕН,
французский журналист

ИГРА В ЗОЛОТОИСКАТЕЛЕЙ

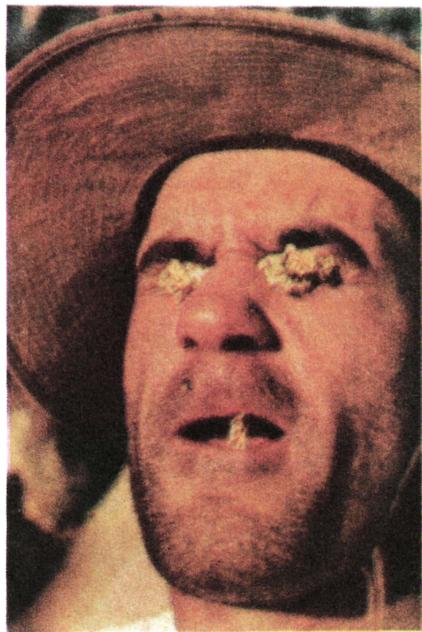
Нет австралийского штата, который не мог бы не похвастаться хотя бы одним месторождением золота. Самые богатые из них находятся в западной части континента, близ Калгурли, Леоноры или Микатарры.

где собирались профессиональные золотоискатели, в основном для того, чтобы похвастаться своей добычей. Иногда, правда, некоторые из них демонстрировали публике золотые самородки действительно внушительных размеров.

Разговор здесь шел обычно о состоянии дорог в округе, о болезнях скота и, конечно же, о золоте. Но не столько о нем самом, сколько об удачливых или невезучих старателях. Росло количество пустых пивных банок, и истории становились все более захватывающими и невероятными.

— Представляете, со скотоводческой фермы исчезли двое подростков 16 и 17 лет, они подрабатывали там разнорабочими, — рассказывал золотоискатель с седеющей бородкой, не выпуская изо рта короткой трубки. — Только месяц спустя их скелеты нашли в нескольких километрах от автомобиля. Машина застряла в песке на одной из дорог в Большой Песчаной пустыне. И все из-за золота... — Такие истории не очень-то вдохновляли, но азарт золотоискательства был сильнее.

Холс-Крик очень напоминает Дикий Запад, каким его показывают в вестернах. Скотоводы, садясь в машину, непременно прихватывают с собой ружья. А тут еще прокатился слух, будто в окрестностях появился убийца и отправил на тот свет пятерых. Мы без сожаления покинули лагерь, забитый испуганными туристами. Полиция успокаивала людей, объясняя, что лагерь и основные дороги находятся под охраной. Мы же рассудили, что убийцей может оказаться и кто-нибудь из ино-

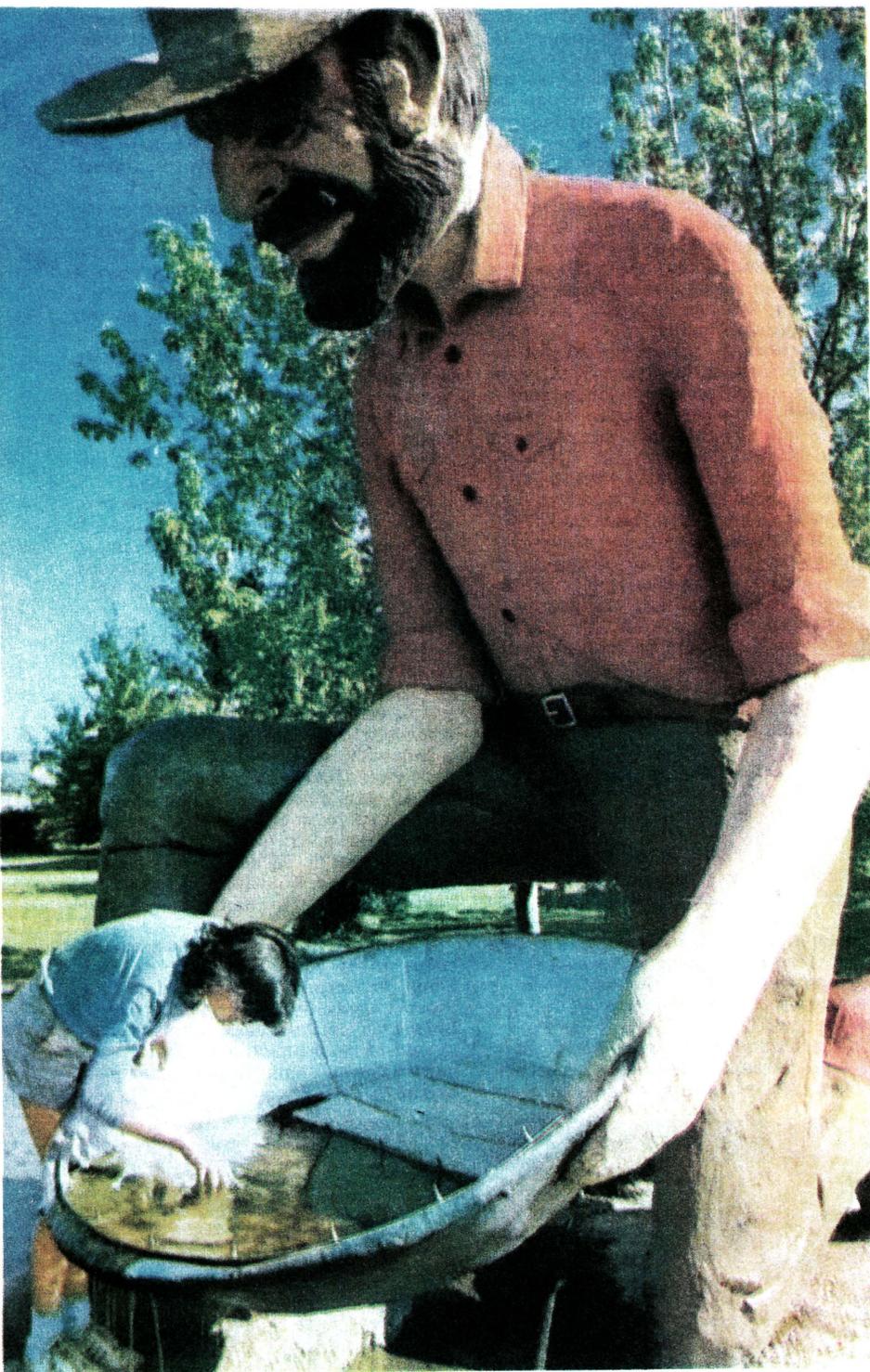

Добиться к этим месторождениям легко, и поэтому крупные горнодобывающие компании перевернули бульдозерами буквально каждый сантиметр земли. Запасы золота истощились, и теперь туда организуют поездки для богатых туристов из США и Японии, чтобы те поиграли в золотоискателей. Их снабжают детекторами для обнаружения металлов, другим снаряжением.

Когда я и Тислейн, путешествующая вместе со мной, впервые побывали на одном из таких месторождений, у нас осталось тягостное впечатление. Тысячи людей суетились на убогих клочках земли в самой настоящей пустыне. Ничего привлекательного в таком золотоискательстве нет.

...Сидя на двух больших камнях, мы смотрели на догорающий костер и с нетерпением ждали наступления утра, чтобы с первыми лучами солнца, пока жара не станет невыносимой, отправиться в Холс-Крик.

В городе мы заглянули в пивную,

У такого глиняного старателя-великана и крупинка золота, наверное, величиной с кулак.

Камнедробилка на заброшенном золотоносном участке.

странцев. Устраиваясь на ночлег, я клал возле себя ружье. Через несколько дней мы узнали, что в ожесточенной перестрелке с полицией погиб двадцатипятилетний турист из

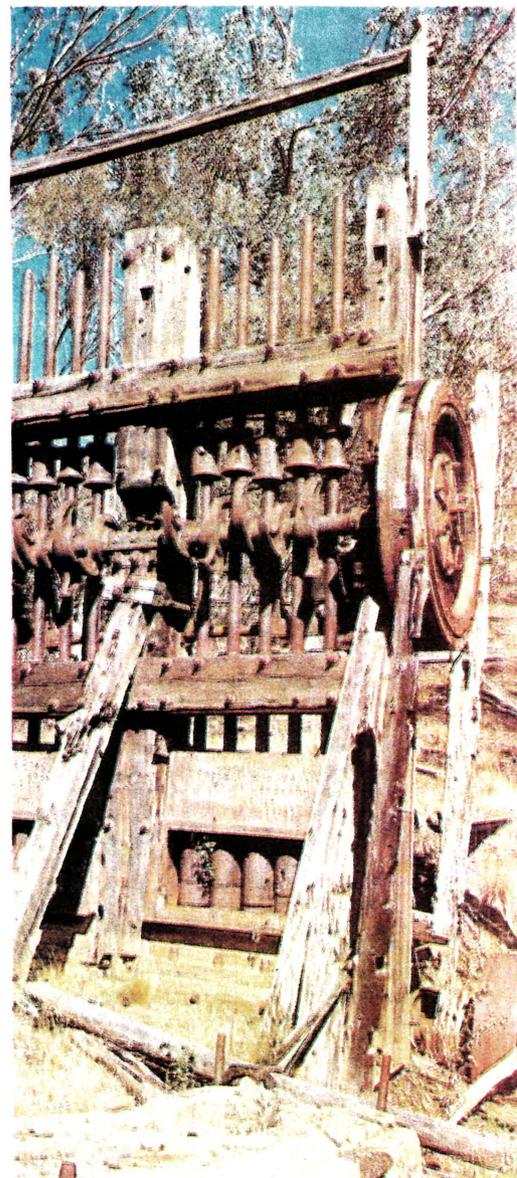
ФРГ Йозеф Шваб. Убийства прекратились.

Жара была невыносимой. Крупные капли пота катились по лицу, а по спине текли целые ручьи. Целые тучи мух атаковали меня. Некоторые из них забивались под стекла очков и мешали смотреть. Нагретые массы воздуха медленно и тягуче поднимались вверх, воздух дрожал от зноя. Почва накалилась, как сковородка, и жгла ноги даже через ботинки. Я

едва терпел. И все же время «охоты» за золотом пролетает незаметно. Лишь случайно оторвав взор от земли, я увидел уже заходящее солнце. Как назло, в это самое время что-то случилось с детектором. Он замолчал. А по поверью аборигенов, именно в эти часы земля выворачивается наизнанку и ее сокровища оказываются на поверхности.

Еще два столетия назад, до прихода белого человека, аборигены совершенно не обращали внимания на золото. Бородатые пришельцы, в свою очередь, не замечали ни аборигенов, ни их женщин, ни бумеранги. Коренные жители смотрели на пришельцев как на сумасшедших, которые кидались на никчемный желтый металл.

Наша полноприводная «тойота» с трудом преодолевала холмы, заросшие остролистным колючим кустарником. Тислейн постоянно смотрела на компас и корректировала движение автомобиля. Только чудом нам удалось не сбиться с намеченного маршрута. Переправа через реку оказалась задачей сложной. Моста не было, а берега круго обрывались вниз трехметровыми уступами. Нам потребовалось пять часов, чтобы взобраться на проти-

вположенный крутой берег. Используя рычажную лебедку, я буквально на руках втащил автомобиль наверх.

За день наша одежда и все в кабине автомобиля покрылось миллиметровым слоем охристой пыли. Пыль была очень въедливой, и потребовались часы, чтобы привести потом в порядок наши детекторы и кинокамеры.

В первые дни «охоты» за золотом тревога не покидала нас. Мы приспособивались к условиям жизни в пустыне. Кроме того, мы еще не приобрели «шестое чувство», необходимое, чтобы отыскать затерявшиеся среди холмов Кимберли долины, где есть золото. Найти же эти места по карте или по рассказам местных жителей практически невозможно: вся местность представляет сплошное переплетение пересохших русел, долин, холмов. Но ведь где-то здесь и прячется золото!

После нескольких часов поиска Тислейн обнаружила первый свой самородок. Он был не очень велик, но воодушевил нас, и мы удвоили усилия. Странно, какой-то маленький кусочек золота, словно чудодейственное лекарство, заставляет забыть все: жару, усталость и другие неудобства.

Когда ищешь золото, нужно следить за тем, чтобы плоскость детектора передвигалась строго параллельно поверхности земли, иначе вы рискуете пропустить маленькие драгоценные самородки. Нельзя поднимать прибор вверх после каждого движения. Очень мешают камни и кустарник. Если вы не можете больше сосредоточить внимание на поиске, нужно немного отдохнуть, попить воды, перекусить и только после этого продолжать работу.

По возвращении в лагерь мы обнаружили, что в палатке зияла огромная дыра. По следам мы определили, что это дело собаки динго, недурно пообедавшей за наш счет. Кроме того, и москитная сетка оказалась разодранной в клочья. Набег продолжались всю следующую неделю: то обнаруживались дырявые мешки, то изгрызенные куски мыла.

Моему терпению пришел конец. Я зарядил ружье и устроил засаду. Ждать пришлось недолго. Динго осторожно подкрадывалась, словно лиса к курятнику. Она останавливалась каждые двадцать метров и чутко приноживалась. Я подпустил ее еще ближе, прижал ружье к плечу, и в этот момент собака меня заметила.

Как ни странно, она не кинулась наутек, а посмотрела на меня печально большими глазами, ее уши смешно свисали. Я опустил ружье. Мне стало стыдно. Слишком неравными были наши силы в этой схватке.

Постепенно унции драгоценного металла накапливались. Особенно нас радовало то, что по австралийским законам золото, найденное в стране, не облагается таможенными пошлинами и налогами. И все же слишком

мало золотоискателей разбогатело здесь: очень велика конкуренция. По мере того как возрастает число охотников за золотом, появляется все больше выкупленных участков на территориях, где оно встречается. Если, проезжая меж холмов, вы заметите человека, целящегося в вас из ружья, можете быть уверены — вы забрались в чьи-то владения.

В последний заезд в Холс-Крик мы встретили наших друзей аборигенов Сэма и Розы, также промышляющих золотом, и договорились вместе поехать на богатый участок, который Сэм недавно обнаружил.

Встали очень рано и прождали нашего проводника два часа. К сожалению, у аборигенов представление о времени сильно отличается от нашего. Они ведут себя так, будто у них в запасе целая вечность.

Наконец мы увидели тучу пыли и услышали шум автомобиля. Это был старый джип Сэма. Мы следовали за ним, пытаясь сделать невозможное — не потерять автомобиль из виду и не захлебнуться при этом пылью. Сэм выпрыгнул из машины. Тотчас же нас окружили четверо детей Сэма в возрасте от пяти до десяти лет и поддюжины собак. Все, и дети и собаки, визжали от восторга. Не обращая на них внимания, Сэм и Розы пошли к участку. За два часа никто не нашел ни единого самородка. В это время дети и собаки, оставшись без хозяйского глаза, подняли такой невообразимый шум, что Сэму пришлось пойти усмирять их. Мальчишки сразу убежали за холм.

Вскоре отсюда раздался радостный крик. Оказывается, ребята обнаружили гуанну — местную разновидность варанов. Ящерица спряталась в нору. Сэм с большим трудом вытащил полутораметровую рептилию, прикончил ее ножом, развел костер и бросил ее на угли.

Приближался полдень, наши друзья аборигены решили, что для поисков золота погода жарковата, и

прилегли в тени акации. Мы перекусили бутербродами, вежливо отказавшись от ящерицы. Потом решили обследовать местность. Но сколько ни бродили — ничего не нашли. Когда вернулись, все семейство, словно стая огромных птиц, облепило ветви большого раскидистого дерева. Дети нашли улей диких пчел. Австралийские пчелы, в отличие от европейских, не жалят, а мед — лаковая добыча аборигенов. Дети веточками выковыривали мед из дупла и угощали нас. Но мы отказались: неизвестно, чего было больше на веточках — меда или грязи.

В этот день мы ничего не нашли. Заметив наше расстройство, Сэм попытался приободрить:

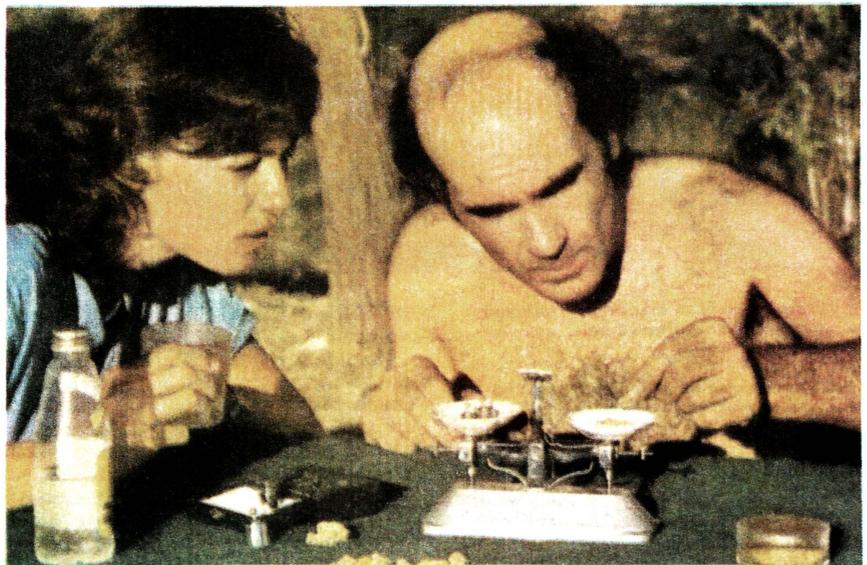
— Завтра повезет. Зато какой сегодня был чудесный день!

— Конечно, — ответил я, хотя ничего в нем чудесного не было.

Впрочем, для Сэма и его семьи это, может, и был прекрасный день. В его представлении мы, белые люди, не знаем, как нужно жить, и вообще давно забыли, что на земле есть другие ценности, кроме золота.

Я вспомнил бородача из пивной Холс-Крика. Он тоже был пришлым, но, похоже, уяснил мудрость аборигенов. Теперь живет в пещере в компании собак. Он ищет золото, но занимается этим не для того, чтобы заработать, а ради своего собственного удовольствия. Этот бородач рассказал нам немало историй об удивительных самородках величиной с кокосовый орех, встречающихся на холмах или в раскаленных песках. Его рассказы больше походили на легенды. Верить им или нет — личное дело каждого.

В один из последних вечеров мы собрали все наши самородки в одну банку и открыли припасенную для этого случая бутылку шампанского. Богатства мы не нашли, но зато окунулись в мир приключений, в мир первозданной природы и отважных людей.

Луис МАНСО,
испанский журналист

ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО СРЕДИ КАУ-НЬЯРО

Чтобы добраться до мест, где живут нубийцы, потребовались терпение и упорство. Наши беды начались еще в Каире, где мы имели неосторожность обратиться за разрешением на транзит, которого прождали месяц. Были и задержки в пути. Короче говоря, только для того, чтобы доехать от Каира до Хартума на грузовике, потребовалось полтора месяца.

Казалось, каждый шаг требовал официального разрешения властей. В одной из деревень глава местного самоуправления задержал нашу группу на восемь дней, пока мы не подарили ему ящик виски. После этого мы как огня боялись встреч с должностными лицами и старались обращаться лишь к местным жителям.

Целью нашей поездки было сделать фильм о нубийцах. Прибыв на место, мы были крайне удивлены, что они не носят в повседневной жизни никакой одежды. Но еще боль-

ше нас удивило то, что власти выставили поблизости полицейские посты, которые пресекали любые попытки кино- и фотосъемки голых граждан своей страны. Чтобы обойти этот запрет, пришлось подпавать полицейских.

Нубийцы южного Судана делятся на несколько групп. У каждой свои традиции и обычаи. Мы жили у людей племени кау-ньяро.

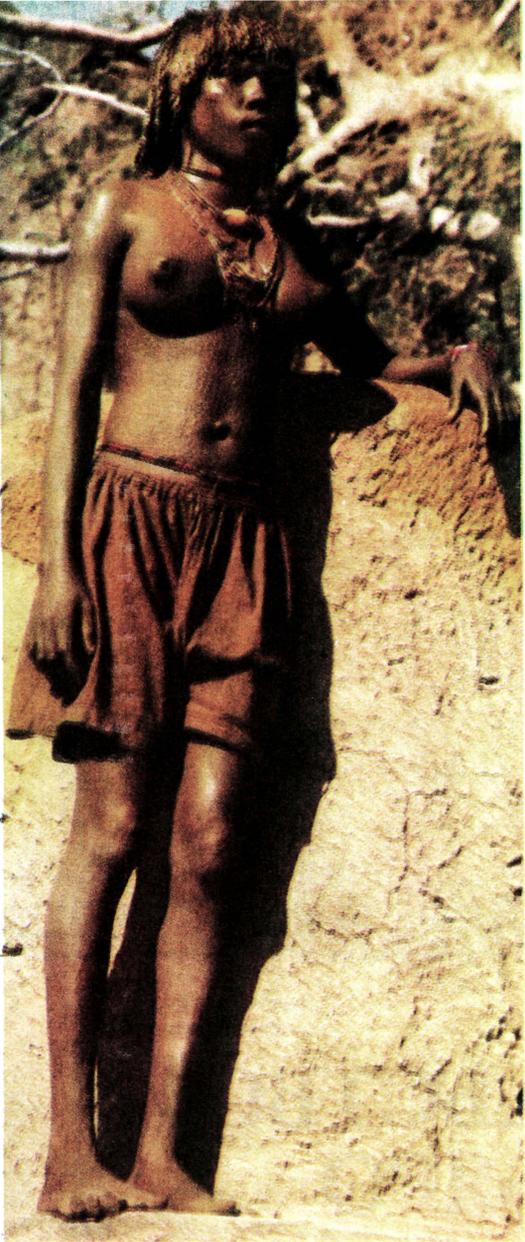
Чтобы снять подходящие кадры, нужно было завоевать расположение местных жителей. Поэтому в первую нашу встречу мы отложили камеры и принялись помогать врачам, присланным сюда. Соорудили временный медпункт и даже вели прием. Очередь выстраивалась огромная. Люди жаловались на самые различные недомогания, начиная с порезов и вывихов и кончая проказой. Мы помогали как могли. На грузовике привозили воду, хотя обычно это обязанность женщин.

Но нам все-таки крупно повезло.

Ведь никто из белых людей никогда не бывал в племени кау-ньяро, а мы прожили с ними весь сезон дождей. Грязь, москиты и малярия делали жизнь невыносимой, особенно в зимние месяцы. По словам нубийцев, они вынуждены с июля по декабрь держать своих коров в стойле и постоянно окуривать дымом, чтобы спасти от насекомых.

Многочисленные трудности, с которыми столетиями сталкивалось это племя: болезни, наводнения, засухи, — закалили его. Это был естественный отбор в чистом виде. Но к нему добавились еще и искусственный, в виде всевозможных ритуальных испытаний и истязаний, которым подвергают себя люди кау-ньяро.

Например, женщины обязаны перенести три мучительных татуировки. Первую — по достижении половой зрелости, вторую — после рождения первого ребенка и третью... Как мы ни билась, старейшины не открыли,

Между тем испытания — удел не только женский. Мужчинам приходится доказывать свою силу и храбрость во время поединков между собой или с представителями соседних деревень. Участники поединков с дубинками в руках выстраиваются друг против друга. Удары также наносятся и тяжелыми металлическими браслетами. По древней традиции, противники не должны уклоняться от ударов, в том числе и от ударов по голове. Поэтому поединки часто кончаются ранениями. Но вот что интересно: во время таких сражений действует неписаное правило — проявлять гуманность к противнику. Те, кому досталось в бою, с гордостью показывают потом шишки и шрамы.

Свою первую схватку с противником юноша должен провести, достигнув половой зрелости. Примерно в это время наносится и первая татуировка девушкам. Если по какой-либо причине юноша испугается поединка, то в течение последующих восьми

лет он будет объектом насмешек всей деревни, и к нему не подойдет ни одна девушка.

Если юноша хочет стать воином, а это весьма почетно, он должен продолжать совершенствовать боевое мастерство всю жизнь. Юноша, впервые принимавший участие в поединке, устраивает для своего противника нечто вроде официального приема с угощениями и подношениями.

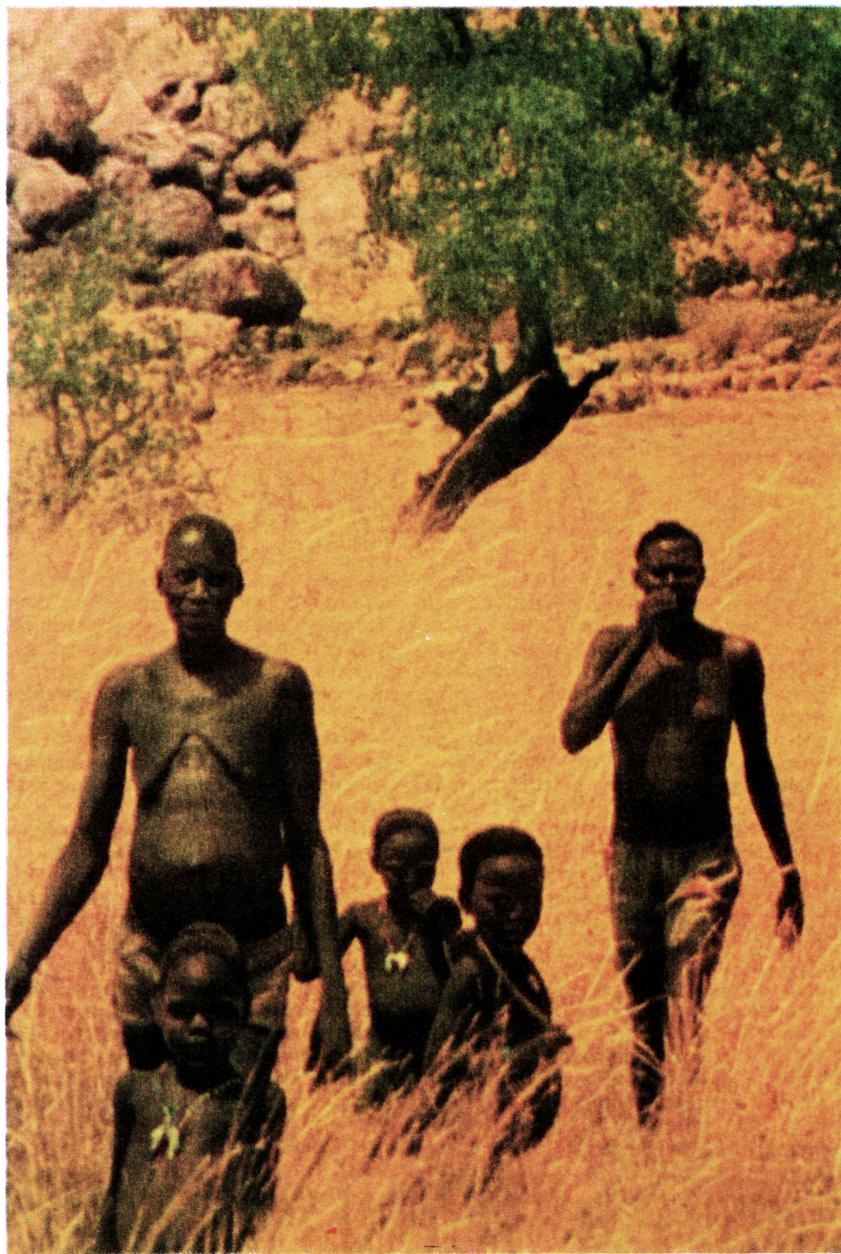
Женщинам запрещается присутствовать на поединках и даже издали наблюдать за ними. Однако они все узнают до мельчайших подробностей от комментатора, который рассказывает им о разворачивающейся на площадке борьбе. Мужчина, который в схватке выдержал удар по голове, вызывает у женщин восхищение и будет пользоваться особым вниманием во время любовных танцев, которыми, как правило, завершается турнирный день.

Главную роль в танцах играют, конечно, женщины. Именно они будут

когда наносится третья татуировка. Женщина, которой делается наколка, и виду не показывает, что ей больно. Только тогда она достойна материнства и может пользоваться уважением соплеменников. Однако, как считают нубийцы, это испытание не идет ни в какое сравнение с тем, что ждет людей в загробной жизни.

Обычно татуировку выполняет престарелая женщина где-нибудь в уединенном уголке деревни. Шипом она делает глубокие насечки на коже. Татуировка на животе и груди означает половую зрелость, на спине и руках — рождение первого ребенка, загадочная третья татуировка покрывает все остальные части тела.

За один сеанс делается несколько сот кровавых надрезов. Но сколько мы ни наблюдали за этой неприглядной процедурой, ни одна из женщин даже не поморщилась от боли.

выбирать отцов для своих будущих детей. При этом женщина может быть замужем.

Нам разрешили находиться во время любовных танцев в построенной специально для этого хижине. Воины сидели кружком, держа в руках прутья, опустив раскрашенные белым порошком лица к земле. В хижину вошли обнаженные женщины и начали танцевать. В ритме танца они повторяли хвалебные слова в адрес сидящих воинов. Темп нарастал, мужчины вели себя все беспокойнее. Их охватила дрожь. И тут в хижине одна за другой появились девушки. Они выбирали воинов и продолжали танцевать перед избранником. Случалось, что две или даже три девушки останавливались возле одного героя. В этом случае вмешивались жены, помогая выбрать самую достойную.

Родить от воина считается большой честью. Вообще воины в племени пользуются всевозможными привилегиями и уступают по иерархии только старейшинам и колдунам.

Свадьбу у нубийцев организует жених, а не родители молодых, как это происходит у других африканских народов. Он платит выкуп отцу невесты, поскольку тот теряет дочь. Выкупом служит обычно корова или несколько овец. Жен может быть сколько угодно. Все зависит от того, сколько хижин сможет построить муж своим избранникам, ведь у каждой хозяйки должен быть свой дом.

Несмотря на патриархальный уклад, жизнь нубийцев претерпевает изменения. Правительство приучает их носить одежду, учить арабский язык. У нубийцев это вызывает ассоциации с временами работорговли, ко-

торую они хорошо знают по рассказам. В селении открыли небольшую лавочку, школу, в которой преподают два учителя. Несколько раз мы были свидетелями жестокого наказания детей в школе за то, что те пришли без одежды.

В лавке продаются предметы первой необходимости. Но вот беда, у нубийцев напрочь отсутствует понятие собственности. Например, у нас как-то пропали солнцезащитные очки. Каждый день мы видели их в руках нового владельца. В конце концов очки нам возвратили. Они были в ужасном состоянии, стекла потеряли прозрачность. Каждый, кто носил очки, считал своим долгом почистить их песком.

Пройдет еще немного времени, и племя кау-ньяро, возможно, навсегда потеряет свою самобытность.

Парусная Вахта

Учебный барк «Янтарь» шел центральной Атлантикой вполветра, тяжело кренясь на правый борт, неся нижние косые, штормовые прямые паруса — марселья и грот-брамсель. За кормой осталась прокаленная тропическим солнцем Куба, вокруг был пустынный ночной океан. Временами в разрывах мрачных осенних туч вспыхивали голубоватые звезды умеренных широт да выглядывала луна.

Дюжина курсантов-первокурсников — новая смена парусной вахты — жались под прикрытием высокого борта на носовой палубе. В нахлобученных на уши берегах, потрепанных, замызганных ватниках, они походили скорее на отпетых бандюг, чем на моряков.

Вахтенный боцман, которого все звали по отчеству — Палыч, покуривал в кулак и разглядывал своих подопечных. «Свои-то телогречки небось поберегли б, а казенные что жалеть? — поносил да выбросил. И пуговицы вырваны с мясом, и карманы полуоторваны».

Курсант Петр Цветков, сунув озябшие руки в карманы, бросал взгляды на боцмана, на его грудь, открытую ветру, и втайне завидовал — надо ж такому здоровому уродиться.

Боцман плюнул на окурок, швырнул его в обрез, наполовину заполненный водой, взглянул на наручные часы, командовал типично боцманским хриплым баском.

— Парусной вахте построиться у фок-мачты!

Встать в строй недолго, но делалось это неохотно, с лендой, с неприкрытым отвращением к строевщине.

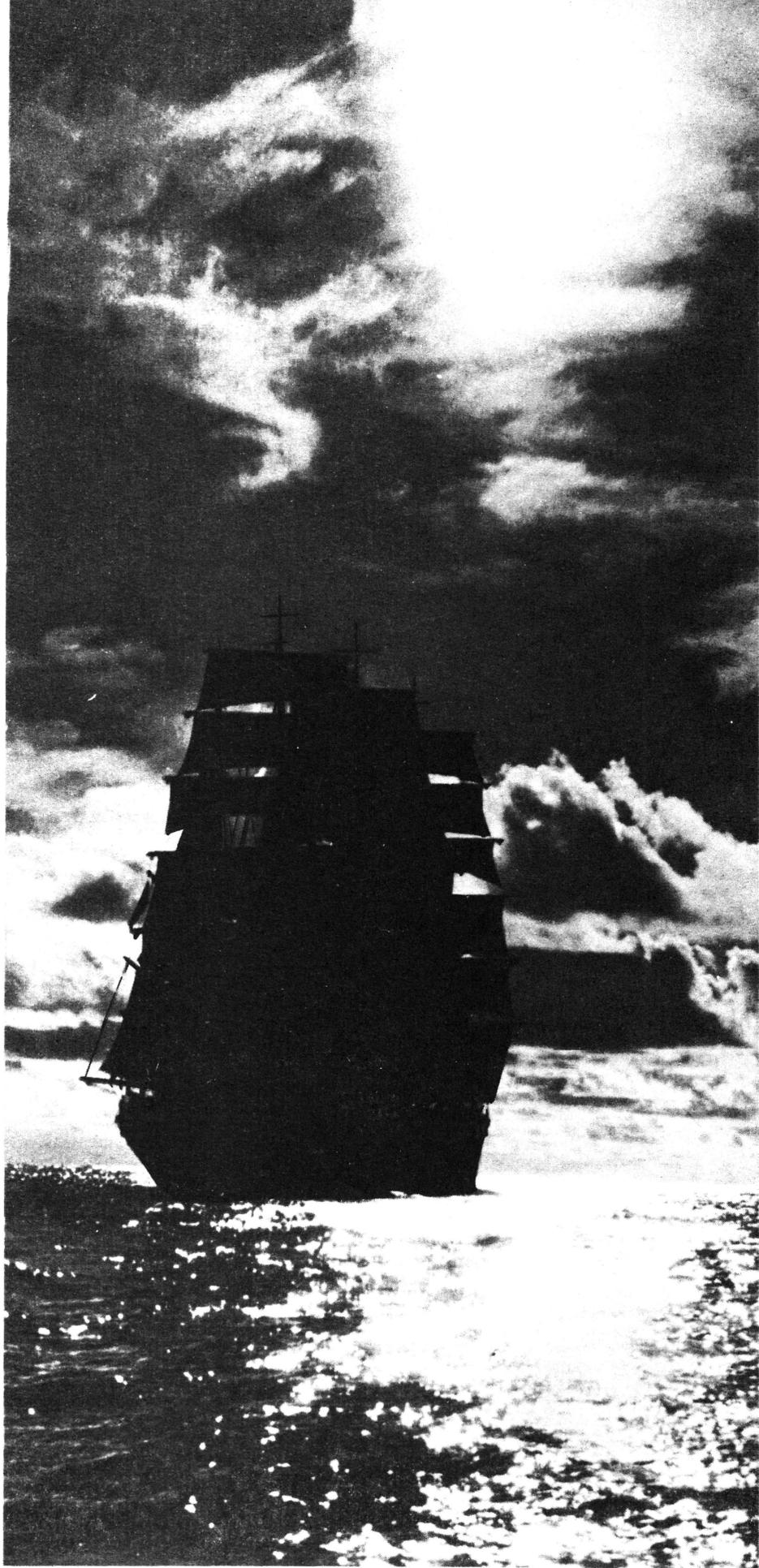
Боцман включил карманный фонарик и, освещая список, лица курсантов, начал переключку. Курсанты отвечали глухими, будто замороженными, голосами. С наветренного борта тучами легела соленая пыль, как

С Владимиром Александровичем Толмасовым, капитаном дальнего плавания и писателем, наша редакция познакомилась в то время, когда он был капитаном учебного барка «Крузенштерн».

Наш читатель, наверное, помнит его очерки «Штормы приходят с запада», «Радея капитан-командора Головинина»...

Предлагаемый рассказ был написан Владимиром Александровичем Толмасовым незадолго до смерти.

стеклянными осколками, секла лицо. Головы глубже проваливались в воротники ватников. Курсанты ежились, тупо смотрели на боцмана. А тому хоть бы что: стоял, как вколоченный в палубу, покачивался вместе с судном. Сверкнул глазами:

— Отвечай веселей!

Курсанты перегагнулись, перемигнулись, стали орать как на пожаре. Боцман только головой pokrutil:

— Хохмачи! — спрятал в карман список, фонарик и звучно сказал: — Двое к штурвалу, один на полубак впередсмотрящим, остальные за мной в тросовую маты плести, кранцы. По первому моему сигналу — все наверх. Понятно?

— Ну... Чего там... Все ясно, — вразной ответила вахта.

Чувствовалось, что робость, нерешительность перед боцманами, так понятные в первые дни практики, давно прошли.

Спустились двумя палубами ниже. В тросовой кладовой тепло, мягкий свет из матовых плафонов скользил по переборкам, окрашенным шаровой краской, по бухтам тросов. Звякали развешанные по тросикам скобы, гакки, блоки. Пахло смолой. За переборками с дробным шумом переливалась в цистернах вода, гулко стлепала в стенки, и гул этот то стихал, то усиливался, подобно грому.

Боцман распределил работу среди курсантов и подозвал Цветкова:

— Видишь эту бухту? — Он показал пальцем на толстенную бухту троса, обшитую мешковиной. — Надо распустить ее и уложить большими шагами вон на те прокладки.

— Готов, — не раздумывая сказал Цветков и натянул рукавицы, — только мне помощник нужен.

— Бери любого, — великодушно разрешил боцман и отошел в сторону.

— Я помогу, — сказал Букин, худощавый, но гибкий, весь какой-то дружинистый паренек, сосед по кубрику.

Цветков согласно кивнул головой.

Вспороди мешковину, и перед ними засеребрился толстый сизальский трос. Ребята только было принялись за работу, как вдруг неожиданно сверху хлынула вода. Цветков выругался и отскочил в сторону: ему показалось, что какой-то шутник поливает его из шланга. Но из чернеющего над ним открытого грузового люка непрестанно хлестал душ пресной воды, и судно накренилось больше обычного.

Случившийся рядом боцман поднял голову и, вытирая попадающую на лицо воду, сказал:

— Шквал! Это шквал с дождем, ребята. Теперь жди всякого...

Вода ручьями бежала по стенкам шахты люка, бурно стекала на палубу, образуя лужи. Цветков, не говоря ни слова, кинулся к трапу и, торпливо стуча тяжелыми ботинками по стальным ступеням, стал подниматься на верхнюю палубу.

— Куда ты!.. — запоздало крикнул ему вслед боцман.

Мысли Цветкова были заняты одним: скорее закрыть грузовой люк на верхней палубе. Ветер наверху был так силен, что едва не свалил с ног. Петр пошатнулся, ухватился за какую-то снасть, согнулся в поясе навстречу ветру. Дождь бил по спине, по макушке, заливал лицо. Так, согнувшись, перебирая руками снасти, он добрался до люка, но поскользнулся, упал, его понесло по палубе к подветренному борту. Уцепиться было не за что.

В этот миг чья-то рука схватила его за ворот. Цветков нащупал эту руку, поднялся и с помощью неведомого помощника оттянул тугую защелку, опустил стальную крышку люка. В последнее мгновение перед тем, как крышка закрыла люк, мелькнуло вниз, в тросовой, мокрое гневное лицо боцмана, и опять стало темно.

— Букин, ты, что ль? — крикнул Цветков.

— Все о'кэй, — прохрипел Букин.

Он помнил внушенную боцманом заповедь: в штормовую погоду одного товарища на верхней палубе не оставляй.

Переводя дыхание, они навалились грудью на крышку люка. Рядом вышла вытяжная труба вентилятора, но еще истощнее ревел в снастях ветер. И дождь был не дождь, а нечто похожее на то, когда на тебя выливают из ведра воду чохом.

— Во дает! — кричал и смеялся Букин, и смех был какой-то дурацкий. — Я мокрый, как цуцик!

Огляделись. Тьма казалась еще гуще, потому что все вокруг заволокло черными тучами.

Разъяренные волны остервенело били в борт, по палубе к подветренному борту потоками текла вода, бурлила и клокотала в ватервейсах, толстыми кручеными струями вылетала сквозь шпигаты в море.

Вдур над мостиком один за другим вспыхнули лучи прожекторов. Их яркий свет выхватывал из мрака верхние реи и бьющийся по ветру и хлопающий одним углом грот-брамсель.

— Грот-брам-шкот лопнул, — крикнул Цветков Букину, — надо доложить боцману!

Под марсовой площадкой грот-мачты зажглись фонари интенсивных огней, размазали желтый свет по верхней палубе. Уже выбежали наверх вахтенные парусной вахты. Заслоня лица от секущего дождя согнутыми локтями, они скользили по палубе, упрямо пробираясь к грот-мачте.

Боцман был уже там. Прижав к губам рупор, он надрылся, стараясь перекрыть рев ветра.

— Слушай сюда! — Было видно, как темнело его лицо, вздувались на шее жилы. — Грот-брамселя шкоты, гитовы и гордени разобрать!

Цветков, вихляясь всем телом и балансируя, как клоун на канате,

подбежал к борту, уцепился за скользкий, точно намыленный, трос гитова, с помощью которого поднимают угол паруса. Кореша тоже, сжимая в руках тросы снастей, стояли, расставив ноги, готовые по первой команде боцмана выбирать эти тросы. Все поглядывали наверх, где на тридцатистиметровой высоте раненой птицей бился по ветру грот-брамсель.

Боцман врос в палубу, поднял рупор:

— Гитовы гордени выбирать. Трави левый брам-шкот!

Правый брам-шкот травить было не нужно — он оборвался. Веревки скользили в ладонях, плохо поддавались усилиям. Парус медленно, словно нехотя, подтягивался к рею, превращаясь из полотнища в пузатую колбасину, но и ее трепал неистовый ветер, грозя сорвать с рея.

— Крепи снасти! — скомандовал боцман. — Надеть страховочные пояса. Становись!

На этот раз его команды выполнялись четко, безукоризненно: обзывала обстановка. Надеть страховочные пояса означало, что предстоит работа наверху, на рее, и Цветков ждал этого, наперед зная, что труднее работу вряд ли придумаешь. Он встал в строй рядом с Букиным.

У Букина вздрагивало лицо не то от холода, не то от волнения. Берет он потерял, короткие волосы прилипли ко лбу и были похожи на размазанные чернильные полосы...

Капитан «Янтая», глубоко засунув руки в карманы дождевика, тоже смотрел на подтянутый к рею парус. Он, казалось, не обращал внимания на ветер и дождь, струями пробегающий по резким морщинам вокруг твердого рта.

Рядом с капитаном переминался с ноги на ногу помощник по учебной работе, короче — помпоуч, и настроенно переводил взгляд с курсантов на капитана, на парус и снова на курсантов.

— Брамсель надо крепить, — вполголоса сказал капитан, ни к кому не обращаясь, — растреплет парусину.

Однако чувствовалось, что думал он о другом, о том, что, если выдержит ткань, может не выдержать крепление рея и тогда — авария.

Неразговорчивый капитан умел хранить свои мысли надежно, и помпоуч, проплававший с ним около года, никак не мог угадать их, и это вызывало в нем раздражение.

Капитан вытянул руки из карманов дождевика, сверкающего в свете прожекторов клеенчатыми складками, перегнувшись через борт мостика, скомандовал рулевым:

— Руль право десять! — И через несколько минут, не отрывая взгляда от «колдунчика», матерчатого конического флюгера на верхушке грот-мачты, сказал: — Одерживай! Так держать!

Судно легло на курс бакштаг левого галса, и при этом всем находив-

шимся на палубе показалось, что ветер стих. Но это было не так. Ветер стал полутным и утратил часть своей разрушительной силы.

— Вы хотите послать наверх курсантов закрепить парус? — обеспокоенно спросил помпуч.

Капитан мелком взглянул с высоты своего роста на помощника. Он угадал: помпуч этого не хотел.

Не отвечая, капитан поставил рукоять машинного телеграфа на «готовые», позвонил в машинное отделение и велел прислать в подготовленный к спуску моторный вельбот вахтенного моториста. Вельбот был готов к спуску всегда на случай спасения упавших за борт. Потом он подозвал вахтенного помощника и сказал ему, чтобы дал телеграфом ход машине, как только из машинного отделения последует сигнал о готовности, и лишь после этого спустился по трапу на палубу. Он не слышал, как раздосадованный и уязвленный молчанием капитана помпуч пробормотал ему вследа:

— Доиграешься! Нашел время...

Помпуч с некоторых пор стал испытывать неприязнь к капитану за то, что тот много рисковал. По его мнению, капитан учебного судна не имел права на риск и каждый рискованный шаг должен соизмерять со степенью ответственности за него. Он досадовал на тех, кто при составлении всяких правил и инструкций буд-то нарочно избегал упоминаний о категорическом запрете риска... И все-таки в своей неприязни помпуч не мог остановиться, и возмущение действиями капитана не кончалось. Их взгляды на то, что должно лежать в основе проведения морской практики, были различными.

Разумеется, если в результате капитанских «экспериментов» — иначе помпуч не называл капитанскую методику — вдруг произошел бы несчастный случай, помпуча к ответственности не привлекли бы. Но, безусловно, он не преминул бы первым обвинить капитана в ошибочности «эксперимента». Сам же он во всем был осторожен, старался избегать любого мало-мальски возникающего риска.

Капитан же считал, что риск — самое сильное средство воспитания, он старался подводить курсанта к такой ситуации, в которой риск становился неизбежным, и это давало бы возможность принять курсанту единственно правильное решение...

Капитан остановился перед строем, внимательно взгляделся в лица курсантов. Они стояли, все разом покачиваясь в такт качке.

— Нужно закрепить грот-брамсель, — сказал капитан, и его услышали все, несмотря на шум ветра, — это надо сделать сейчас, иначе... Не хотелось бы терять парус. Как вы считаете?

Курсанты напряженно молчали. И Цветков, и Букин, и все остальные ждали только одного: кого капитан назовет для работы на рее. И лишь один, из курсантов украдкой

взглядывал наверх, не испытывая желания подниматься. У него была боязнь высоты.

— Я вас понял, — сказал капитан, — добровольцев прошу сделать шаг вперед.

Строй парусной вахты сделал этот шаг, и только тот, кто не в состоянии был подняться выше марсовой площадки, подтянулся к остальным неуверенно и с опозданием.

Капитан прошел вдоль строя, глядя в лица ребят.

Помпуч же, наблюдавший с мостика, думал: для чего вся эта затея — подъем на рей в штормовую погоду, крепление паруса? Ведь непосредственной опасности для судна нет, ничто ему не угрожает. Ну, подумаешь — парус, да черт с ним, с парусом! Новый поставят...

— Добро, — сказал капитан и обратился к боцману. — Отберите четырех самых крепких. Сами пойдете на правый нок брам-рея. Опытного матроса из команды направьте на левый нок. Курсанты должны равномерно разойтись по рею. Еще раз напоминаю — там должно быть не больше шести человек.

Капитан поднялся на мостик, остановился возле прожектора, стал смотреть вверх. Бурча что-то под нос, помпуч отошел на другое крыло мостика, остановился у трапа, но с мостика не сошел и тоже поднял лицо кверху. Однако ничего интересного там он не нашел и, как неприкаянный, стал бродить по мостику.

Боцман шагнул к курсантам. Восемь пар глаз с надеждой смотрели на него. Боцман цепким взглядом оглядел всех. Разумеется, наверху нужны были надежные пары с твердыми ногами и сильными руками.

Показывая пальцем на каждого, боцман отобрал четверых. В их числе оказались Цветков и Букин.

— Подъем по наветренным вантам! — скомандовал боцман. — Делай, как я!

Он вскинул упругое длинное тело на фальшборт. Движения его были точно рассчитаны, в них не было ничего лишнего.

Цветков плотнее нахлобучил берет и двинулся по вантам вслед за боцманом. Ветер дул в спину, забивался под ватник и вместе с дождем охлаждал спину через мокрую робу и тельняшку. Нужно было как можно крепче держаться за ванты и точно ставить ноги на выбленки — деревянные планки, привязанные поперек вант.

Вдруг нога, скользя по выбленке, повисла в пустоте. Цветков не успел испугаться, инстинктивно с силой сжал толстые тросы вант.

— Держись! — крикнули ему снизу.

Он подтянул ногу, облегченно поставил на выбленку.

— Двигаться с осторожностью, не спешить! — раздался усиленный динамиком голос вахтенного помощника.

Цветков взглянул на мостик и, ос-

лепленный светом прожекторов, на миг зажмурился. Он решил не глядеть вниз и, замедлив движение, продолжал подъем.

С трудом протиснувшись сквозь «собачью дыру» в марсовой площадке — мешали ватник и пояс, — он встал рядом с боцманом и перевел дух.

— Как дела? — спросил боцман. В голосе его непривычно прозвучало участие.

— Порядок, — ответил Цветков и услышал, что голос у него заметно дрожит. «Это, наверное, оттого, что я оступился», — подумал он.

— Когда доберемся до рея, следи за мной внимательно и делай все, как я, — сказал боцман, подтянулся на руках и начал подниматься дальше наверх.

Цветков в точности повторил движения боцмана; напряжение превратилось в нервную дрожь, которая никак не отпускала его.

Над головой темнело, будто заливное чернилами, небо. Хлестал дождь. Шквал уже прошел, но за ним тянулся хвост непогоды. А может быть, это была цепочка шквалов...

Цветков увидел, как боцман ступил на перты — тросы, протянутые под реем для передвижения вдоль него, — стал передвигаться по ним на нок рея, в самый его конец.

И тогда Цветков, одной рукой держась за ванты, занес ногу за заспанный леер, опустил ее на перты. Трос закачался под ним, просел. Цветков быстро перехватился за стальной леер, идущий поверх рея, защелкнул карабин пояса за заспанный трос и стал боком двигаться за боцманом. Пальцы одобритительно кивнули ему.

Брам-рей вздрагивал от тяжелых ударов подобранной, но не закрепленной парусины. Было жутко стоять на зыбких пертах, смотреть на огромного парусинового червя и так трудно было решиться подбирать парус и укладывать его на рей, но решаться было необходимо.

Скоро все участники уборки паруса были на брам-рее и ждали команды боцмана.

— Давай! — крикнул боцман и, навалившись животом на стальную иглу рея толщиной почти в полметра, стал с силой подбирать парус.

Цветков тянул упругую мокрую парусину, обрывая ногти, до крови сдирая кожу на пальцах. Он не думал о том, что может упасть, когда наваливался животом на холодную сталь рея. Да это было невозможно: вопервых, Цветков был застрахован поясом, а во-вторых, попутный ветер здесь, на высоте, так прижимал его к рею, что потребовалось бы немало усилий, чтобы оттолкнуться от него. Постепенно к Петру возвращалась уверенность, исчезла нервная дрожь. И Пальч нет-нет оскалит зубы в улыбку да подмигнет:

— Давай, дорогой, давай!

Цветков краем глаза увидел, как Букин вцепился в парусину и изо всех сил старался перевалить ее на рей.

Это ему не удавалось, тогда Цветков, переступая по пертам, пробрался к нему, тронул за плечо и увидел напряженное лицо Букина, улыбнулся ему ободряюще, ухватился за парус.

— Молодец, Петруха! — крикнул боцман.

Наконец брамсель был уложен на рей, перехвачен сезнями — короткими концами, закреплен.

Боцман показал рукой:

— Все вниз!

Когда ребята были на палубе, прожектора уже не горели, огни под марсовой площадкой проявились четче. Море — темное, с бушующими валами и мерцающими барашками на гребнях — опять было рядом.

Боцман снова построил парусную вахту на верхней палубе, и снова к

ним спустился с мостика капитан. Следом за ним, пряча подбородок в воротник, двинулся помпоуч.

Пройдя перед строем курсантов, капитан остановился около Цветкова. Он сказал негромко:

— Всей парусной вахте объявляю благодарность. Боцман, составьте список и укажите отдельно, кто работал на рее. А теперь попробуем угадать, кто же все-таки.

Он опять прошел вдоль строя и безошибочно указал на четырех курсантов.

— Вы просто видели их в лицо перед подъемом, — вырвалось у помпоуча.

Капитан укоризненно посмотрел на него.

— Нет, — сказал он, — мне было некогда. За подъемом следил вахтен-

ный помощник, я наблюдал за обстановкой, управлял судном. Нельзя было допустить шквала с подветра.

— Это точно, — вставил боцман, — тогда бы нас судло оттуда к чертовой бабушке.

— Поделитесь опытом, — не без иронии в голосе сказал помпоуч, — как же вам удалось угадать участников?

— Секрета нет, — сказал капитан, — по глазам. Когда все они выжались на уборку паруса, в их глазах стояла решимость, граничившая с отчаянием и, значит, с долей страха. Теперь же у тех, кто был наверху, во взгляде появилось то, что мы называем победным блеском. Они преодолели страх.

«Январь» ложился на прежний курс.

Макетируем журнал

(Окончание. Начало см. на 2-й стр. обложки)

В последнем номере за 1988 год прочитала статью Рудольфа Итса «Круг равных». Как здорово это звучит! Но в жизни это далеко, увы, не так. Мы латыши, маленький народ, но нельзя обзывать нас националистами за то, что не забыли свой язык, как это случилось, по-моему, с некоторыми другими народами Советского Союза, и если мы не будем сопротивляться, то же самое может произойти и с нами.

За спиной русского народа Великая Русь и миллионы и миллионы русских людей, а латышей всего чуть больше миллиона, за нами грязное море, где уже купаться нельзя, а над головой отравленный воздух, а под ногами клочок земли, перегруженный минеральными удобрениями и всяким мусором так, что зайца редко увидишь и даже червяки исчезают.

З. Фридрихсоне,
п/о Валтайки Кулдингского р-на

Много лет читая журнал, я все время думал о том, почему пишут очень много о жизни народов других стран, а о народах нашей страны — нет. Ведь наше государство такое интересное, столько народов населяет его территорию, и все так переплелось, что о них без конца можно писать и писать. По национальности я казах, а живу на территории РСФСР. Мои родственники — казахи, русские, татары. Хотелось бы знать историю, обычаи, нравы своего народа и тех, с кем живешь бок о бок.

И. Усманов,
пос. Клетский Волгоградской обл.

С великим трудом и унижением купила «Искатель» № 3 за 1988 год. И с нагрузкой, конечно. Но рада этому. Хоть этому! Потому что достать нам, простым людям, журнал нет возможности.

Лучше всего будет, если редакция сама станет принимать заказы на «Искатель», то есть будет производить подписку помимо Союзпечати. Иначе мы, простые, не облеченные властью и не имеющие знакомств люди, не сможем получить журнал.

Если говорить о моих пожеланиях, то хочется видеть в журнале произведения таких фантастов, как Андре Нортон, Ли Брекет, Майкл Муркок. Из наших — Багряка. Из детективных авторов — А. Кристи, Д. Джеймс, а Р. Ренделла, Д. Чейза, Б. Гордон и др.

Е. Останина,
г. Новороссийск

Правление и партком колхоза «Россия» выражают вам большую признательность и благодарность за внимание к трудовым будням нашего коллектива, за то, что вы в публикации «Хлебная изба» (№ 11, 1988 г.) прославляете наших знаменитых хлебопек, а в их лице всех хлеборобов нашего колхоза. Наша хлебная изба пополняется каждый год. Идут работы по созданию «Музея хлеба».

ст. Камышевская
Ейского района Краснодарского края

Вы напечатали статью об адмирале Ушакове. Это прекрасно! Но пора нам узнать подробности о наших соотечественниках-мореплавателях: Крузенштерне, Лисянском, Лазареве, Беллинсгаузене и др.

Мало ли русских людей отдавало силы и здоровье, а то и жизнь во славу нашего Отечества! Я прожил 45 лет и почти ничего о них не знаю. Мне кажется, надо ввести рубрику «Жизнь замечательных людей».

Н. Петров,
с. Ремонтное Ростовской обл.

Судя по вашим статьям, журнал «Вокруг света» серьезно заинтересовался проблемой существования реликтового гоминида, которая, как я понял, не вызывает у вас сомнения. И то, что он еще не предстал непосредственно перед учеными, происходит потому, что все экспедиции не были должным образом организованы. В связи с этим предлагаю ЦК ВЛКСМ или какому-нибудь изданию взять в свои руки поиск реликтового гоминида, а чтобы поиск носил научный характер, проводить его совместно с Географическим обществом СССР и Государственным комитетом охраны природы.

Е. Буяк,
действительный член
Географического общества СССР

Я давний подписчик журнала. Очень люблю его, но крайне недоволен оформлением. Уж очень оно примитивное. А ведь журнал с большими культурными традициями, один из самых старых в стране. Казалось бы, должен служить образцом высокого вкуса, а производит противоположное впечатление. Это касается и обложки, и того, как выглядят его странички. Даже шрифт хочется видеть более четким и красивым. Яркие фотографии смотрелись бы еще более красочно, если бы дополнялись красивыми художественными деталями (рамками, виньетками, прописными буквами и др.). Каждый номер должен быть своеобразным произведением искусства.

Д. Белов,
г. Минск

«Оглянись», — сказала Магда, и я в последний раз увидела Родопы. Круг замкнулся, вернул меня к тем первым дням, когда знакомство с этим горным краем только начиналось...

Несколько часов пути отделяло Смолян, центр Среднеродопских земель, от Софии. Мы же с моей болгарской коллегой Магдаленой Исаевой добирались почти день. Это неторопливое путешествие началось с того, что Магда показывала мне собор Александра Невского в Софии, построенный в память о наших соотечественниках, погибших при освобождении Болгарии во время русско-турецкой войны; античный театр в Пловдиве; Бачковский монастырь под Асеновградом... Именно там увидела я портрет знаменитого Захария Зографа («зограф» по-гречески — «иконописец») и его стенопись в храме Святых Архангелов: суетливые черты, согбенные грешницы, сияющие глаза святых. И весы. Для определения меры человеческих грехов и добродетелей... Не есть ли это, подумалось мне, и весы истории? Ведь художник жил в прошлом веке, а монастырь был основан в одиннадцатом. Четыре столетия спустя его разрушили турецкие завоеватели. Но стоит монастырь, живет монастырь — даже после пяти веков османского владычества.

Возможно, и не тронуд бы меня так Захарий Зограф, если бы и потом, в Родопах, я не встречала множество людей, почитавших, подобно художнику, долгом своим хранить национальное самосознание народа. Наша долгая дорога оказалась естественной прелюдией перед встречей с сегодняшними Родопами.

Уже на исходе дня шоссе закружилось по крутым горным склонам. Все чаще стали встречаться по обочинам выложенные из камня стенки, словно подпирающие горы, не дающие им ринуться на дорогу. Сосны и ели взбирались по каменистым осыпям, вершины утонули в вечернем тумане. В сером сумеречном свете горы казались усталыми. Вдруг в долине под нами мелькнули огни. Длинная цепочка огней. И вскоре мы окунулись в шум большого города — бойкое движение машин, густая толпа людей в центре...

Со всех сторон Смолян окружали горы.

Утром глянула в окно. Город был словно нарисован тремя красками: светлые дома, зеленые горы и синее небо. Он звал на улицу.

Длинный и узкий, вытянутый вдоль главной магистрали, город казался бесконечным. Но это, как ни странно, не вселяло уныния — дома с выступами-эркерами лесенкой поднимались по склону, между зданиями зеленели лужайки, на балконах пестрела герань. На бульваре стайка ребятишек крутилась возле скульпту-

Лидия ЧЕШКОВА,
наш спец. корр.

У ПОРОГА РОДОПСКОГО НЕБА

ры «Орфей и Евридика» — сладко-голосый фракийский певец древности был, по преданию, родом из этих мест...

Потом, когда архитектор Николай Бечев показывал свой город, я узнала многое о том, что увидела этим утром, но первое впечатление не разрушилось. Смолян показался мне обжитым и уютным. Может, оттого неприятно поразил выхлоп газов, висевшие в воздухе; с каждой минутой они становились гуще (поток ма-

шин увеличивался), и даже близкий лес на склонах гор не помогал рассеять эту ядовитую синеву.

...История города Смоляна началась в 1959 году после объединения трех селений — Устова, Райкова и Смоляна, корни которых уходили в глубь веков. Смолян был некогда владением воеводы Момчила, храброго народного защитника. Испытали эти земли и все тяготы османского ига, они соединились с Болгарией лишь в 1912 году. Во все времена это

был очень бедный и отсталый край, где разводили овец, выращивали картофель и работали на лесопиках.

В Смоляне решено было развивать промышленность. Остановились на неметаллоемком производстве. Ведь город удален и относительно труднодоступен — как доставлять сырье? Как вывозить продукцию? Связь — только автодороги. Сейчас, когда в Смоляне уже действует несколько крупных заводов по производству элементов для вычислительной техники, гибких монтажных кабелей, электромеханических и электронных

Город Смоляня.

Хозяйка родопского дома.

изделий, и этих дорог уже не хватает. Начаты проектные разработки по строительству железной дороги.

Было и еще одно — немаловажное — соображение, когда определяли будущее Смоляня: предполагалось создать экологически чистое производство, чтобы сохранить природу Родоп.

Рождение Смоляня — экономического, культурного и административного центра в Средних Родобах — потянуло за собой целый спектр проблем: от строительства города и подготовки технически грамотной рабочей смены до развития легкой промышленности и трудного высокогорного земледелия. Этими заботами и живет ныне Смоляня — новый город с населением в 37 тысяч человек.

...В одном из кабинетов, где нам рассказывали об экономике города и общины, мы неожиданно стали участниками встречи, случайной, но весьма характерной для сегодняшнего Смоляня.

Когда мы вошли к Руске Главчевой, секретарю общинского комитета БКП, у нее уже были посетители. Хозяйка кабинета представила нам Николу Дамянова, известного филолога, историка, этнографа, директора Исторического музея в Смоляне, и его друга и коллегу Петера Юхаса, венгерского ученого-болгариста. Петер Юхас приехал на праздник, посвященный Дням венгерской культуры, проходившим в Смоляне.

— Мы стараемся разрушать нашу природную изоляцию, — улыбнулась Главчева.

Тогда же мы узнали, что до недавнего времени, когда существовал Смолянский округ, у него были дружеские отношения с Дагестаном. Два горных района, много похожих проблем в хозяйстве — контакт был явно полезным. Но в связи с новым административным делением (Смоляня теперь — центр общины, входящей в Пловдивскую область), он «получил» в друзья город Бельцы в Молдавии. Не отвергая контактов с новыми партнерами, смоляне не хотят терять связи с Дагестаном. «Дружат ведь люди, а не административные единицы», — говорят они.

— Горцы знают цену дружбы, — вступил в беседу Никола Дамянов. — Сколько веков отстаивали мы свою независимость! Но всегда будем помнить, что освобождение Смоляня, пусть и не окончательное, пришло вместе с бригадой казаков генерала Черевина...

Наш разговор был прерван (а может, своеобразно продолжен?) появлением полной русоволосой женщины. Она не вошла, а почти вбежала в кабинет, бросившись к Руске Главчевой со словами:

— Серебряная медаль!

Главчева засмеялась, довольная, и, повернувшись к нам, пояснила, что пловчиха из Смоляня только что завоевала награду в Сеуле. (В те дни проходили Олимпийские игры.) Потом сказала:

— Познакомьтесь. Елена Александровна Петрова, работает в Общественном комитете болгаро-советской дружбы.

Я спросила Елену Александровну, как она оказалась в Смоляне, и услышала довольно-таки обычную ныне историю. Жила и училась в Ленинграде, в Горном институте. В институте же познакомилась со своим будущим мужем — болгаринном. Долгое время они работали в Горубсо — Горнорудном болгарско-советском обществе, потом принимали участие в создании регионального вычислительного центра. Двое сыновей выросли у Елены Александровны, один окончил художественное прикладное училище, сейчас в армии; другой учится в Софии, будущий программист. Вот

уже тридцать лет живет Елена Александровна в Смоляне и, естественно, считает его своей второй родиной.

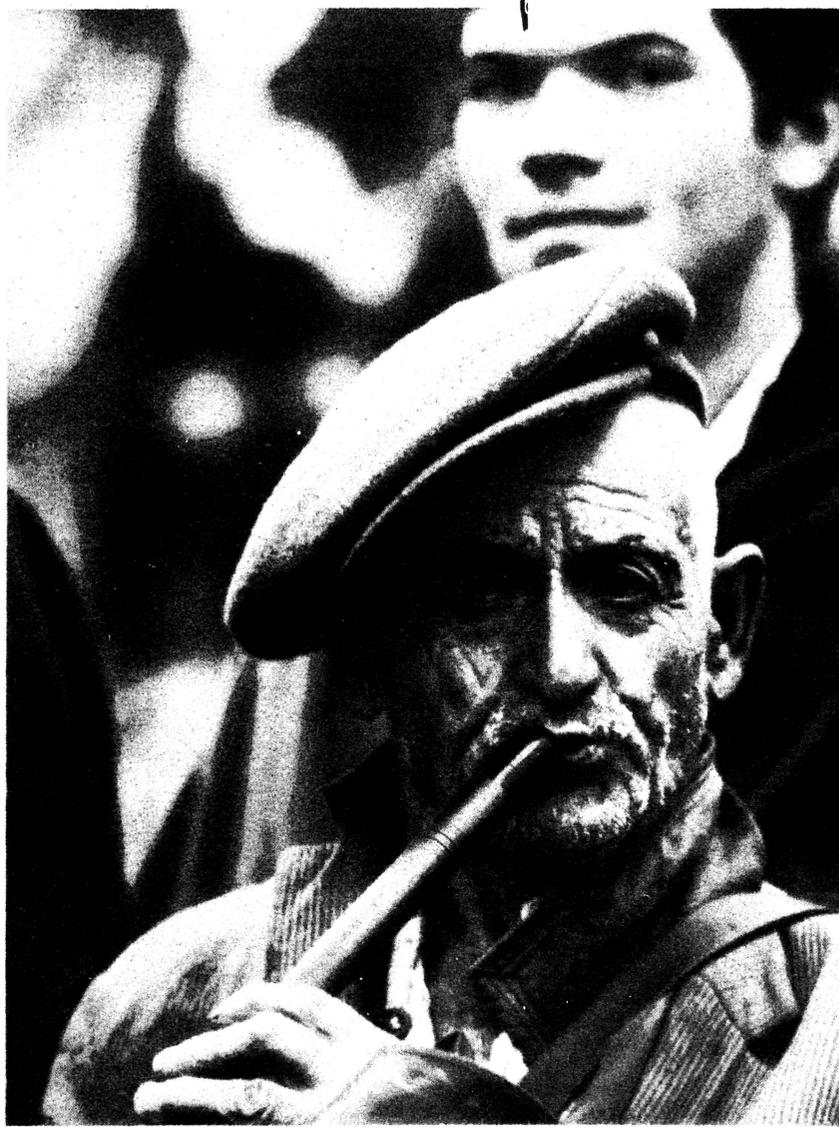
— Знаете,— поддержала нашу беседу Руска Главчева,— советую вам съездить для начала в окрестные села. Там вы прикоснетесь к истокам нашей культуры и тогда лучше поймете и почувствуете наш город.

Село Широка-Лыка со всех сторон окружено горами. Оно лежит в излучине реки («лыка» по-болгарски — это изгиб, излучина), каменные мостики с деревянными перилами перекинуты через речку, и тропки на том берегу уводят на крутые склоны, поросшие черными елями. Широка-Лыка называют еще «деревней семи мостов». Когда-то половина ее жителей были пастухами, а половина — строителями.

Вот и первый дом при въезде в село принадлежал семье пастуха; дому двести с лишним лет, но он так хорошо сохранился, что потребовалось только реставрировать кое-какие деревянные детали, и он снова стал живым и обитаемым. Сначала здесь размещалось музыкальное училище, а в 1979 году, когда училище переехало в новое, специально для него построенное здание, в доме пастуха открылся этнографический музей.

Все это мы узнали от Николы Гечева. Он родом из Широка-Лыки, теперь на пенсии и вот присматривает за домом-музеем, охотно рассказывает приезжим о прошлой и настоящей жизни своего села.

Дом пастуха стоит на склоне горы, у дороги; высокий, сложенный из камня нижний этаж придает дому сходство с башней, но это впечатлительные тут же разрушают выступающие

на высоте эркеры — беленые, отделанные темным деревом, с небольшими окошками, которые смотрят на речку, лес, горы.

Родопский дом... Если я берусь добавить несколько слов к тому, что уже написано о нем, то лишь потому, что своими глазами видела родопские дома и в Широка-Лыке, и в селе Могилице, и в городке Чепеларе, и в старых кварталах Смоляна — все они очень разные и вместе с тем очень похожие. Было время, когда человек уходил в горы, спасаясь от завоевателей, и строил каменную жилую башню-квадрат с маленькими окошками, чтобы чувствовать себя в безопасности. Впоследствии дом расширялся, сохраняя неприступность, — низ оставался каменным. И так как земли было мало, дом на высоте обрстал эркерами. Эркеры — характерная деталь родопской архитектуры. Со временем стал расширяться и нижний этаж — за счет внутреннего двора. Человек словно пленил частичку окружающего пространства, ого-

родил ее высокими стенами, привязал к своему дому. Во дворе шла вся хозяйственная работа, оттуда был вход и в нижний этаж, и наверх. Двор постепенно стал центром жизни, и тогда в верхних этажах стали расти кьошки — нечто вроде застекленных террасок. Кьошк — тоже характерный элемент родопского дома, показатель благосостояния хозяина. Крыши, покрытые «тикли» — серыми пластинами сланца, завершали доманный рисунок верхних этажей. Возведенный в горах, родопский дом всегда оставался домом, про который горец мог сказать: «Мой дом — моя крепость».

Никола Гёчев распахнул дверь...

Первый этаж, полутемный, с каменным полом, — хозяйственный, здесь держали скот, инвентарь и разную утварь; второй этаж — жилой. Деревянный пол, деревянный потолок, широкие деревянные рамы. В окне застыли далекие ели. Солнечный свет ложится бликами на темное дерево, на яркие ковры из овечьей и козьей шерсти, покрывающие пол и лавки. Тепло и уютно кажется в этих строгих стенах.

Никола Гёчев знает, как жили

люди в этом доме, любит их, каждая деталь быта ему памятна. Он показывает кухню с очагом; здесь же подвешена люлька, стоят металлические кувшины и деревянные ведра; на столе — деревянные ложки, деревянная резная печать с крестом и словами «Иисус Христос»: этой печатью метили хлеб...

Очаг в доме был один. Поэтому и потолки низкие, и открыты двери в гостиную, где стоял мангал с угольями. А на третьем этаже и вовсе было прохладно: там, в маленьких комнатах, дочери пастуха хранили приданое. На расписной сундук клали сотканые ими «халишита», «китеники», «козяци» — одеяла, паласы, подстилки, пока не упрутся в потолок.

— Мастерицы наши женщины были, какие мастерицы... — разволновался Никола Гёчев. — И все сами делали, с любовью. Посмотрите на их одежду.

Гёчев показывает вышитые передники.

— У молодой девушки передник желто-красной расцветки, это цвета восхода, ей еще жить и жить! У молодой женщины — оранжево-зеленый,

Смоляне. Фото Сашо Сарандалиева.

это расцвет жизни, а у старой — желто-черный, это цвета заката...

И в женской, и в мужской пастушьей одежде ощущается славянское влияние. До сих пор в Родопах бытуют и славянские названия, связанные с ткацким ремеслом: вретено, гребен, кросна... Как все-таки упорно сохраняли горцы-болгары свои традиции, свой язык. Этнографы в Смоляне рассказывали, что в захоронениях времен османского владычества находят камни с вырезанным крестом. Ставить такие памятники было невозможно, но важно было передать, что дух народа не сломлен...

— Вот так и жило наше село, — рассуждал Никола Гёчев. — Горы, лес, овцы давали все — дом, одежду, пищу. Сто тысяч овец держали, а сейчас крохи остались. С тех пор, как мы перестали гонять стада на юг, к Эгейскому морю, — с тех пор и перевелись пастухи. Но не умерла Широка-Лыка! Потянулись люди к учению, уже целые фамилии сложились — врачей, инженеров, художников, музыкантов... Да и государство заботится, чтобы жило село: у нас работает цех завода «Коммуна», что в Смоляне, и отделение «Валентины» — одежду шьют, да человек сто обслуживают музыкальное училище-интернат. Всего в селе 250 домов, около тысячи человек.

А вы о нашем училище слышали? — спросил Никола Гёчев. — О, такое еще поискать...

Он тронул — один за другим — колокола, висевшие около лестницы. Каждый колокол — «чан» имел свой голос. Для большей звучности мастера часто добавляли в сплав серебро: чаны были предметом гордости каждого родопского пастуха. Можно представить, какой перезвон стоял во время кочевья!

Никола Гёчев взялся проводить нас до училища. Мы шли через все село, слева шумела речка, справа взбирались по склону дома. Они напоминали цветы: серый каменный стебель и бело-коричневые лепестки эркеров на фоне зеленых гор. Возле домов играли дети, грелись на солнышке старушки; кое-где во дворах слышался звук пилы; возле одного дома, вокруг плахи-стола с черными бутылками чинно сидели мужчины...

Музыкальное училище стояло на краю поляны. Здание — современное, с широкими окнами — выглядело притихшим, как в дни летних каникул. Мы постучались, нам открыли, и тотчас в просторном вестибюле с натертым до блеска паркетным полом появилась молодая изящная женщина в строгом костюме.

— Стефка Кушлева, директор училища, — представилась она и добавила с сожалением: — Учеников сейчас нет, они на уборке картофеля. Но классы я покажу...

Кушлева повела нас по просторным чистым коридорам с табличками кабинетов: звукозаписи, народного пения, индивидуальных занятий, болгарской литературы, болгарского

языка... До двухсот школьников со всей Болгарии учатся здесь с восьмого по двенадцатый класс, содержание учащихся оплачивает государство. Такое же училище есть еще только в городе Котел, оно старше этого, но подобных училищ, целиком занятых подготовкой специалистов по музыкальному фольклору, нет больше, как утверждала Стефка Кушлева, ни в одной социалистической стране.

— Принцип обучения у нас такой же, как в любой музыкальной школе, — заметила Кушлева, — а как специальный предмет — народные песни и народные музыкальные инструменты: кавал, гадулка, тамбура, гайда.

Я видела эти инструменты в Смоляне, в Историческом музее. Кавал — это длинная свирель, гайда — волынка (она и в Доме пастуха есть), тамбура и гадулка — струнные...

Кушлева рассказала, как трудно приходилось сначала — не было программы преподавания народной музыки, обучали на слух. Потом помогли плодившие музыканты, Академия наук, стараниями которой собран на сегодня весь фольклор в словах и звуках. Тем не менее ребята ездят по деревням, записывают музыку, и из родных краев каждый ученик после летних каникул должен обязательно привезти запись. Есть при училище и большой ансамбль, выступают в общине, по всей Болгарии, бывают за границей — сейчас вот собираются в Ливию, там много болгарских строителей. «Сегодня надо жить с широко открытыми глазами, — говорила Стефка Кушлева. — Общение помогает больше ценить свое национальное искусство и учит соотносить его с общечеловеческими ценностями». Работают ребята и в кружке, где восстанавливают и просто изучают народные инструменты. Руководит им

Дафо Трендафилов, опытный мастер, сам делает волынки. Ребята обращаются к нему — бай Дафо, «бай» — значит уважаемый человек.

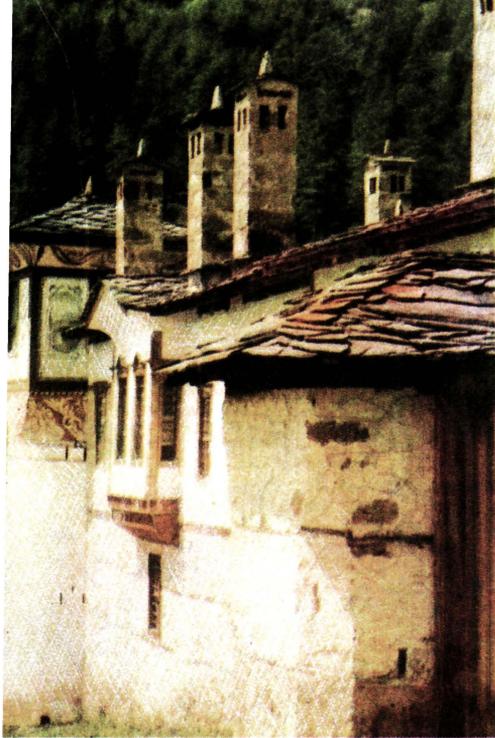
— Ну а праздники, старинные народные праздники? Ученики принимают в них участие? — спросила я, вспомнив выразительные маски кукуров, что висели в Доме пастуха. Никола Гёчев рассказывал, что раньше в начале марта обязательно устраивали в селе праздник, который назывался «пес-понеделник»: в понеделник, после поста, резали скот, собаки шалели от обилия пищи, бежали за кукерами — ряжеными. Отсюда, видно, и пошло такое странное название праздника. Много было музыки, плясок, кукеры давали представления: их маски, словно человеческие лица, выражали доброту, презрение, иронию, злость...

— Знаете, — сказала Стефка Кушлева, немного смутившись, — еще недавно мы изучали народные религиозные праздники только теоретически. Теперь, когда отношение к ним стало более разумным, начали принимать в них участие. И первый был — колядование. Для ребят это было откровением, для нас — хорошей естественной методой познания фольклора...

За двадцать лет училища в Широка-Лыке и Котеле выпустили 1200 специалистов по музыкальному фольклору — в основном они идут в фольклорные ансамбли. Уже сложилась традиция подготовки таких специалистов. И произошло это благодаря тому, что восстановление исторической и культурной памяти народа рассматривается в стране как дело

Каждый «чан»-колоколец имел свой голос. Можно представить, какой перезвон стоял, когда перегоняли стада...

Агушев замок с башней-маяком в селе Могилыце.

государственной важности. Скажем, училище в Широка-Лыке создавалось при горячей поддержке Людмилы Живковой, в то время председателя Комитета культуры. И вот еще что любопытно: ребята, как правило, приходят в училище из семей, в которых в прошлом кто-то увлекался музыкой: или бабка была певуньей, или дед играл на волынке... Потом семья переехала в город, музыкальные традиции стали забываться, и вот теперь внук или внучка, а может, и правнучка, возвращаются из интерната в семью и вместе с ними в дом снова входит народная музыка.

Кстати, и сама Стефка Кушлева тоже оказалась из музыкальной семьи (бабушка хорошо пела); две ее сестры стали знаменитыми певицами, дочь учится в консерватории, а она, кончив консерваторию, перебралась поближе к своему родному Смолян, чтобы всегда звучали в Родопах гайда, тамбура, гадулка и кавал. Недаром говорят, что Родопские горы — это зал для песен.

После Широка-Лыки Смолян смотрится по-новому.

Мы идем по улицам города вместе с молодым архитектором Николаем Бечевым, и он, узнав о нашей поездке в село, говорит:

— Широка-Лыка — село живое, и мы, архитекторы, ратуем за то, чтобы оно таким оставалось. Не надо делать из него музей, не надо консервировать дома и ждать, пока люди доживут в них свой век... Если бы вы знали, сколько ценного находят для себя родопские градостроители в живом селе!

Думается, он имел в виду то, что

предки смолян жили в близком соседстве друг к другу, к своей земле, к природе. Это было естественнее, человечнее, что ли. И архитекторы, создавая сегодня новые формы, ищут средства, чтобы и в современном городе жизнь не разобщала людей, не отделяла их от природы.

Скажем, чтобы сохранить естественную декорацию гор, окружающих город, и не закрывать их от взгляда человека, в Смоляне возводят дома не выше четырех-пяти этажей и придают крышам ломаный рисунок. (Действительно, горы, которые буквально стоят за спинами домов, видны с каждой точки, из каждого окна.) Архитекторы предполагали включить в черту города и Смолянские озера, что неподалеку, но там оказалась непрочная почва, возможны оползни. Потому решили делать озеро на речке Черной и разбить парк на другом ее берегу, перекинув мост из Центра.

Однако из-за того, что Смолян замкнут горами, в городе застаивается воздух. Сейчас готовится проект троллейбусного сообщения, кроме того, строится еще одна улица-магистраль под городом для грузового транспорта. Этим, конечно, здешние экологические проблемы не исчерпываются. Горные склоны сильно оголены, и поэтому сейчас ведется только санитарная рубка, ежегодно в общине высаживают 3200 гектаров новых лесов. Более естественная и чистая жизнь ждет в будущем и речку Черную: хотя очистные сооружения в городе и на предприятиях есть, а на некоторых даже замкнутый кругооборот воды, все равно нагрузка на реку велика, а потому строится коллектор, в перспективе же будет и очистная станция.

— Есть у нас поговорка: по воде идешь, а чувство жажды идет с тобой,— вспомнил Николай.— Это я к тому, что человек в городе часто более одинок, чем где-либо. Вот мы и стараемся делать много зеленых пространств-площадок, скверов, чтобы человек мог присесть, отдохнуть, пообщаться с людьми...

Мы свернули с главной магистрали на боковую улочку и стали подниматься по склону горы к белому длинному зданию. Это был культурный комплекс: здесь размещались исторический музей, художественная галерея и библиотека. Отсюда хорошо был виден город.

— Так с чего начнем? — улыбнулся Николай и сам ответил: — Пожалуй, с Центра. Он строился десять лет, с 1972 года. Вот спроси сейчас любого прохожего: хорош Центр или плох? И он не ответит, потому что сам его строил. Центр стал для нас так же дорог, как некогда дом для горца.

Николай показывал здания, которые входят в Центр: гостиница «Смолян», административный комплекс, здания суда и почтамта. Молодежный дом, театр, банк, торговый центр, больница. Все было рядом, все привязано к магистрали и составляет единую просторную композицию. Здесь

в любой час дня многолюдно. Даже поздним вечером люди гуляли по Центру, стояли на мосту, перекинутом через улицу, и смотрели на горящий огнями город среди гор...

Жилые кварталы выглядели скромнее, чем Центр, но, пожалуй, больше напоминали родопское село.

Оставалось удивляться: как, строя сегодня из панелей, монолитных плит и кирпича (вместо традиционных камня, дерева, тикли), архитекторам Смоляна удалось — пусть не в полной мере, но все-таки удалось — придать национальный колорит городу и избежать удручающей монотонности, свойственной большинству новостроек? Ответ может быть прост: люди любят свой город и хотят, чтобы дети их всегда жили в этих горах.

Смолян скрылся за очередным поворотом дороги, скрылся разом, словно горы поглотили его. Я перебирала в памяти последние встречи, думала и об Агушевом замке в селе Могилыце, который видела накануне...

Замок этот был построен в начале прошлого века неким Агушевым, владельцем тридцатитысячного поголовья овец. Все в доме говорило о достатке (одних комнат было более шестидесяти) и о тяжелом труде тех, кто работал на семью Агушевых. Ткацкие станки, чаны для окраски шерсти, многоцветные халишта — за каменными стенами обширного поместья изо дня в день трудилось множество людей. И вдруг в этот замкнутый, размеренный, приземленный мир ворвалось нечто необычное: сын владельца замка стал моряком. Вернувшись домой, он, еще молодой, но тяжело больной, построил башню-маяк, прилепив ее к стенам отцовского дома. Украсил стены барельефами с изображениями кипарисов, маяков, таинственных замков и, сидя у маленького окошка, под самой крышей башни-маяка, писал свои труды. Из окошка он видел горы, по которым бродили его стада, но мысли моряка были далеки от забот отца...

Башня-маяк — явная нелепица в этом добротном доме, — как ни странно, прижилась. И стал дом замком, и что-то одухотворенное, значительное появилось в нем. Впрочем, это мое толкование, и родилось оно, возможно, потому, что здесь, в Родопах, я не раз наблюдала, как в характере людей, облике их домов, одежде, утвари сочетаются практичность с вдохновенностью, трезвый расчет с поэтичностью.

...Дорога по-прежнему кружит по склонам, но горы уже потеряли свою суровость, стали более плавными, сглаженными, улыбчивыми, что ли. Потянулась цепь водохранилищ. От синевы воды, от общего мягкого рисунка пейзажа дохнуло успокоенностью, добротой, гостеприимством.

— Оглянись,— сказала Магда.

И я в последний раз увидела Родопы.

г. Смолян

В прошлом веке в доме каждого состоятельного англичанина непремьенным престижным украшением был классер с экзотическими бабочками, вывезенными самим хозяином из заморских колоний или приобретенными в Англии у специальных торговцев. Иностранцы смотрели на такое коллекционирование как на очередную забаву британцев, однако уже к концу викторианской эпохи радужные крылышки привлекли собирателей из многих стран. Столетие спустя положение стало просто критическим. Сегодня в природе практически уже нельзя увидеть многих изящных чешуекрылых. Их выловили.

Каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад для воинов племени оранг-азли, живущего в джунглях Малайзии, слово «профессия» едва ли было наполнено каким-либо смыслом, потому как издавна они знали лишь одно занятие — охоту. Сейчас мужчины племени занимаются новым, хотя и незатейливым, но по их мнению, весьма выгодным ремеслом — ловлей редких бабочек. Природная изобретательность, усердие, а главное, убедительный вид монет, предлагаемых вездесущими китайскими торговцами, сделали оранг-азли незаменимыми поставщиками черно-зеленого трогоноптера — князя экзотических бабочек, кстати сказать, символизирующего Малайзию.

Торговцы лукаво объясняют свое пристрастие к такому роду коммерции тем, что бабочка, sewшая на плечо человека, будто бы приносит несчастье и избежать его можно лишь, сделав мотылька своей собственностью. Так или иначе, но ежегодный денежный оборот в торговле бабочками составляет несколько сотен миллионов долларов.

В Европе по сей день можно услышать присказку: «Мотылек пускай порхает, червяка дави». В эпоху утонченных вкусов и изящных манер, именуемую теперь словом «барокко», грациозных мотыльков обвиняли в порче масла и сливок. В зависимости от окраски и времени появления мотыльков считали предвестниками всевозможных несчастий. По сей день, с помощью химических отрав, человек убивает множество разнообразных насекомых и в то же время покупает их коллекции в дорогих классерах.

Жители джунглей Юго-Восточной Азии не собирают таких коллекций. Да и вообще они редко берут в руки какое-либо живое существо, соблазнившись его красотой или редкостью. Мешает тому множество религиозных запретов и суеверий. Хотя, когда речь идет о хлебе насущном, никакой предрассудок не остановит филиппинца или малайца изловить сотню

ГОЛУБАЯ МОРФО С БУМАЖНЫМ ТУЛОВИЩЕМ

другую бабочек, в изобилии порхающих вблизи его жилища, и продать торговцам. Коллекционеры же проживают далеко от этих мест. Собственно говоря, слово «коллекционер» не вяжется с обликом торговых воротил, что скупают оптом миллионы крылатых аборигенов джунглей.

Международный союз охраны природы и природных ресурсов контролирует ежегодный объем «мотыльковой» торговли на 100 миллионов долларов, причем почти треть коллекций и изделий из крылышек бабочек вывозится с острова Тайвань. Здесь в год заготавливают 500 миллионов бабочек. Крылышками инкрустируют декоративные столешницы и дверцы дамских шкатулок, из них составляются тончайшие мозаики и иерог-

лифические тексты. В Бразилии спрос на голубых морфо — крупных бабочек радужной окраски. Около 50 миллионов особей ежегодно используют только для украшения и наклеивания на фарфор. А в художественных отделах гонконгских, токийских, лондонских и нью-йоркских магазинов вывешены живописные шедевры, «написанные мазками» сотен тысяч мотыльковых крылышек.

В Малайзии и Таиланде лавочки китайцев, торгующих бабочками, как правило, стоят на проезжих дорогах. В витринах выставлен товар — блюда, вазочки, лепельницы, на доньшиках которых в остекленевшей акриловой массе лежат бабочки всевозможной величины, расцветки и стоимости. Но в какой восторг можно прийти, если упросить хозяина магазинчика показать внутреннее помещение лавочки, где полки уставлены сотнями коробочек, из которых раздается легкое шуршание, или заглянуть в огромные планшеты и классеры с крупными экземплярами! Здесь же, за столом, сидит в марлевой повязке жена хозяина и с помощью обыкновенного шприца и иглы

надеется даже начать селекцию бабочек. Для этого он уже собирает все известные на сегодня виды чешукрылых, включая те, что считаются исчезнувшими.

В Папуа — Новой Гвинее можно встретить самую большую бабочку мира, прекрасного птицекрыла Александры, двадцати пяти сантиметров в длину. Она встречается исключительно в районе Попондетта в Северном округе. Ни одна попытка расселить ее пока не увенчалась успехом. Но, возможно, в неудачах этих повинна вовсе не деликатность конституции этого существа, а давняя вражда министерства окружающей среды и сельского хозяйства, которое пытается превратить райский остров в огромную плантацию масличных пальм.

Еще в 1978 году в Папуа — Новой Гвинее был создан институт по изучению насекомых. Бабочками там занимается австралиец Питер Клерк. Туземцы отыскивают в джунглях куколки наиболее ценных видов бабочек и приносят «ученому». Так разводить бабочек гораздо выгоднее, к тому же они не подвергаются опасности сломать крылышки о сетку сачка.

Правительственные чиновники почему-то называют этот «институт» природоохранным предприятием, хотя девяносто процентов используемых куколок изымается из природы безвозмездно, пусть и под видом «научного» эксперимента. Разумеется, причина тому — большой налог, выплачиваемый институтом в свободно конвертируемой валюте...

Но, выражаясь привычным нам языком, и на Новой Гвинее есть положительный и прогрессивный опыт в

¹ О ферме бабочек в Англии см. № 1/86.

впрыскивает в основания крылышек препарированных мотыльков теплую воду, а потом ловко прикалывает их к бальсовым планкам с вырезанными вдоль по центру канавками для бумажных туловищ. Теплая вода оживляет цвета в мертвом крыле, а бумажное туловище не разлагается.

Но самый качественный товар поставляют фермеры и прежде всего Дэвид Го¹ — владелец самого большого в мире предприятия по выращиванию бабочек. Оно занимает две тысячи квадратных метров в охраняемом государственном лесном массиве Телук Баханг в 20 километрах западнее Джорджтауна на малазийском острове Пенанг. Дэвид Го с великим удовольствием использует научную репутацию своих европейских коллег из Англии и ФРГ и наживает хорошие барыши. Го сам кормит гусениц, следит за кладкой яиц, потом раскладывает их по стеклянным ячейкам и ждет выводка. Но иногда весь приплод уничтожают паразиты или он неожиданно гибнет от одной из многочисленных неизвестных болезней. Впрочем, Дэвид Го смотрит в будущее с большим оптимизмом,

деле разведения бабочек. Фермой близ Тайпе владеет Пай-Хенг-Бу. Отец его разводил куколок шелкопряда, а десять лет назад стал выращивать ночную бабочку, которая тогда вошла в моду у собирателей. Сегодня Хенг-Бу производит их почти шестьдесят видов и считает, что достаточно иметь 4—5 бабочек, чтобы вывести 500. Ведь каждая самка кладет от 150 до 200 яиц. Все данные о работе фермы заносятся в память компьютера. Может быть, поэтому ферма работает с поразительной эффективностью, а ее продукция полностью скупается британскими коллекционерами.

Как это ни странно, но суперсовременные японцы предпочитают действовать по старинке. Один из самых значительных японских «мотыльковых» дельцов, Нисияма-сан, развернул свой бизнес на Филиппинах. Он не доверяет местным поставщикам. Сеть его заготовительных пунктов охватывает многие филиппинские острова, начиная с Лусона. Там, близ Багио, трое местных ловцов поставляют ему бабочек, которые встречаются только на склонах горы Святого Томаса на высоте 1500 метров. Особенно пристрастие японцы испытывают к длиннохвостым, черно-зеленым и пурпурным крупным бабочкам. Торговля идет бойко и в открытую, хотя вывоз этих бабочек с Филиппин и ввоз их в Японию строго запрещен. По правде говоря, Нисияма-сан только рад этому обстоятельству. Таможенники, контрабандисты и туземные ловцы время от времени получают от него подачки в виде недорогой бытовой электроники, но эти затраты не имеют для Нисиямы никакого значения. Покупая только одну живую бабочку за 15 долларов на Филиппинах, в Японии он расстается с ней не менее чем за десять тысяч долларов!

Впрочем, бабочки на Филиппинах интересуют не только дельцов. При филиале Манильского университета Лос Баньос вот уже несколько лет разрабатывается проект по изучению бабочек. Возглавляет проект молодой ассистент Ф. Каджавайаб. Всех интересующихся его работой, Бонифацио приглашает во двор университета, туда, где студенты изучают морфологию приколотов к деревянной стене насекомых.

Молодой ученый подводит гостей к проволочной клетке, в каких клетках держат кур или кроликов, и уведомляет, что это и есть его проект. Любопытствующие могут рассмотреть в клетке горстку личинок на ветке цитрусового растения.

— Бабочек мы отпускаем в лес, чтобы пополнить их численность, — гордо заявляет Ф. Каджавайаб.

Но выращивает ассистент почему-то тот единственный вид, который в изобилии водится в Юго-Восточной Азии.

По материалам зарубежной печати подготовил С. БУРА

Бело- морская петля

Минувшим летом в Петрозаводске стартовала экспедиция «Поморский коч», организованная журналом «Вокруг света». Ее участники предполагали пройти маршрутом поморских мореходов и достичь берегов Кольского залива. Впрочем, главной особенностью плавания был не сам маршрут, а судно, на котором вышли в море энтузиасты из Карелии, Мурманска и Коми АССР. Восемь лет потребовалось членам петрозаводского клуба «Полярный Одиссей», составившим основную экипаж, чтобы не только воссоздать утраченные чертежи, но и построить новодел средневекового коча. Именно на таком судне в XV—XVII веках совершали арктические плавания поморы.

Председатель клуба «Полярный Одиссей», капитан коча «Помор» Виктор Дмитриев рассказывает:

— В первых же походах по Беломорью мы поняли, что невозможно будет воссоздать коч, не уяснив до мелочей не только условия плавания, но и вообще жизнь поморов. Поначалу думали, что лишь в Беломорье и Архангельске строились раньше большие морские суда. Но оказалось, что по всему побережью шились и лодьи, и шняки, и елы. И в каждой деревне мастер привносил свои неповторимые элементы в это древнее ремесло. Ведь никакие чертежи коча не существовало, а рисунки этого судна помочь нам при его постройке не могли. Поэтому годами по крупницам мы собирали у старых мастеров и изучали древнюю технологию постройки лодок и карбасов в Поморье. С одним из таких народных умельцев, Григорием Ивановичем Белым, мы познакомился в Кеми. Он и поведал нам об особенностях известных ему конструкций поморских судов, показал, как раньше сшивали корпус вичей.

Несколько лет назад, в походе по Беломорью, нам пришлось оставить свое парусно-моторное судно «Полярный Одиссей» в одной их бухт Терского берега Кольского полуострова и сушей добираться до поморского села Варзуга. На речной тоне Колониха задержались посмотреть, как колхозники выбирают из невода улов семги. Здесь и познакомился с рыбаком, который в это время шил себе баркас. Нас заинтересовали некоторые подробности строительства лодки. Дело в том, что у баркаса, как и коча, обшивка идет внакрой — кромка на кромку. Именно на Белом море возник этот совершенно новый, неизвестный ранее тип корабля — ледовое судно с прочным яйцевидным корпусом и срезанными в виде салазок носом и кормой.

А кроме того, собственный опыт мореплавания помог нам понять и разо-

браться, каким все же должен быть поморский коч. И к его строительству мы приступили, надеясь, что, как говорят поморы, «доска сама покажет, что делать». Так и получилось...

Вплоть до XVIII века на кочах «бежали под парусом» и «ходили гребью» по нарасковым северным морям карелы и русские — отважные мореходы, искусно строившие надежные суда. И на Руси повсеместно знали о высоком потомственном мастерстве поморов. Они накапывали веками опыт вождения своих судов, постичь который за короткое время мы, естественно, не могли. Трижды пытались пробиться в Баренцево море из Беломорского горла, и всякий раз встречные северные ветры отбрасывали наш коч назад. Как тут не вспомнить книгу-лоцию поморов, в которой записано: «Весною и летом наибольшую непогоду в Белом море разводит ветер-полуночник. Из океана ударит в горловину, что в трубу, вырвется, катит взвонденье...»

Мы надеялись на Гидрометцентр, но его прогнозы оправдывались далеко не всегда. Помню, когда мы услышали по архангельскому радио, что на ближайшие четверо суток ожидаются сильные северные ветры, то решили уходить к Терскому берегу. Но через сутки ветер неожиданно стих. Мы встали на якорь у села Тетрина. И тут бригадир рыбаков вдруг говорит нам, что «вскоре восток задует, парит сильно». Именно восточного ветра мы и ждали, но рыбаку не очень-то верили — накануне Гидрометцентр сообщил: следует ожидать западных и северо-западных ветров. И действительно, он с северо-запада вскоре и задул, штгилеющее море покрылось мелкой рябью. Мы подняли якорь, поставили паруса и только успели отойти от берега, как ветер зашел с востока и начал быстро набирать силу. Сбылось-таки предсказание старого помора. Спустя сутки мы пришвартовались уже к причалу поселка Умба, расположенного в уютной Пирья-губе Кандалакшского залива.

Таким образом, описав почти тысячекилометровую морскую петлю, возвратились назад. Причины, не позволившие нам пробиться через горло Белого моря, в одном — плохом знании силы и направленности доминирующих ветров в этом регионе. Из исторических источников известно,

что поморы ходили на Мурман лишь в определенные периоды летней навигации. Первые плавания на ранних — само название говорит об этом — совершались вслед за дрейфующим из беломорской горловины льдом. Второй выход поморов в море приходился на июль, когда прогревалась северная часть Белого моря и начинали «работать» устойчивые

ветры. В это время суда обычно грузились на мурманских факториях рыбой и шли далее в Норвегию. Наши неудачные попытки пройти в середине июня беломорское горло лишь подтвердили забытую правоту древних поморов.

И все же считать нашу экспедицию неудачной было бы неверно. Каждая миля, пройденная на коче, становит-

ся для нас еще одним шагом в постижении секретов мастерства вождения поморских судов нашими предками.

И все-таки мы надеемся, что коч «Помор» дойдет не только до Мурманска, но и до Шпицбергена, до берегов Норвегии, как в старину...

Виктор ГЕОРГИ,
участник экспедиции «Помора»
Фото Геннадия В О Л К О В А

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

В свое время Петр I издал указ, запрещающий строительство кочей. Ослушников подвергали немалым штрафам, а построенные поморами суда сжигались. Смысл этого заключался в том, чтобы насильно заставить поморсудостроителей участвовать в создании боеспособных фрегатов и галиотов — царю нужен был флот. И за два с половиной столетия древний опыт строительства отечественных промысловых судов для плавания в суровых арктических водах был утерян. До нас дошли лишь отдельные детали судов. Эти остатки изучаются Полярной экспедицией Института археологии АН СССР, работающей на Шпицбергене под руководством доктора исторических наук В. Ф. Старкова, и нашей Арктической экс-

педицией, организованной НИИ культуры Министерства культуры РСФСР и Академией наук. Цельных конструкций поморских судов до сих пор не найдено. Очевидно, именно поэтому некоторые зарубежные исследователи утверждают, что поморы не могли строить суда для плавания в экстремальных условиях Арктики. Вот почему так важна работа петрозаводского клуба «Полярный Одиссей». Исторические эксперименты крайне необходимы, они откроют нам действительно героическое прошлое северных народов в освоении Арктики.

П. БОЯРСКИЙ,
кандидат физико-математических наук,
заведующий сектором НИИ культуры

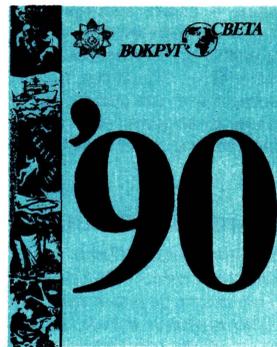
Под новой рубрикой «Вокруг света» предполагает опубликовать лучшее из зарубежной фантастики. Мы решили делать отбор из тех произведений, которые уже прошли строгий конкурс. Это будут рассказы лауреатов престижных американских научно-фантастических премий — «Хьюго» и «Небьюла» (впоследствии мы расскажем, за что и как они вручаются), обладателей награды Гэндальфа, которая присуждается произведению в жанре «фэнтези» (об этом жанре и о том, кто такой Гэндальф, наш читатель узнает тоже), а также писателей, удостоившихся премий в Великобритании, Италии, Болгарии, Японии, Франции, Чехословакии и так далее.

Таким образом, читатель нашего журнала сможет получить определенное представление о том, «кто есть кто» в современной зарубежной фантастике.

Рассказ «Гадкие цыплята» признан Американской ассоциацией писателей-фантастов лучшим рассказом 1980 года, а в 1981 году он получил высшую премию американской фантастики — «Небьюла». Его автор Ховард Уолдроп — из нового поколения американских фантастов. Родился он в 1946 году в Хьюстоне, учился в Арлингтонском колледже (Техас), в Техасском университете. Работал линотипистом, агентом по рекламе. На литературном счету Х. Уолдроба — два романа и множество рассказов, но «Гадкие цыплята» считаются пока лучшим творением автора.

В 1990 году в рубрике «Антология зарубежного фантастического рассказа» будут представлены лауреаты последних лет. РЕДАКЦИЯ БУДЕТ РАДА ПОЛУЧИТЬ ВАШИ ЗАЯВКИ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ И МНЕНИЯ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ.

Ведущий рубрики — писатель-фантаст ВИТАЛИЙ БАБЕНКО.

Ховард У О Л Д Р О П,
американский писатель

ГАДКИЕ ЦЫПЛЯТА

Машина, как назло, сломалась, а в одиннадцать я должен был читать лекцию. Потому пришлось ехать рейсовым автобусом.

Все прошлое лето я провел в лесах; ползал с кинокамерой и магнитофоном по зарослям, снимал и записывал на пленку последнюю оставшуюся на Земле пару белоклювых дятлов. Этот фильм вы можете увидеть теперь в любом местном отделении Одюбоновского общества.

В этом году я планировал что-нибудь столь же запоминающееся для науки, но менее утомительное лично для меня. Может быть, изучение популяции бермудских тайфунников или новозеландской птицы, которая называется пастушок такахе. Месяц (с небольшим) пребывания под теплым (но не горячим) солнцем мне бы совсем не повредил. Опять же и для науки польза...

В дороге я перелистывал книгу Гринвэя «Вымершие и исчезающие птицы планеты». Автобус петлял по фешенебельному району Остина, то и дело останавливаясь, чтобы выпустить мексиканок, негритянок или вьетнамок, работающих на кухнях или в садах владельцев богатых домов.

— Давненько я не видела этих гадких цыплят. — Через проход для пассажиров в мою сторону наклонилась седовласая женщина. Я посмотрел сначала на нее, потом огляделся. Может быть, эта женщина отправлялась за покупками и просто произнесла вслух то, о чем в тот момент думала... Но, вновь взглянув на нее, понял, что слова были адресованы именно мне.

— Когда я была совсем девочкой, по соседству с нами жили люди, которые держали таких вот птиц, — пояснила она и показала пальцем.

Я перевел взгляд на раскрытую книгу. Конечно, мне следовало сказать: «Это невозможно, мадам. Здесь изоб-

ражена вымершая птица с острова Маврикий. Это, вероятно, самая знаменитая исчезающая птица в мире. Может быть, вы спутали ее с какой-нибудь другой редкой птицей, вроде азиатской индейки, павлина или фазана. Извините, мадам, но вы наверняка ошибаетесь».

Мне следовало так сказать...

— О, моя остановка! — спохватилась вдруг женщина и заторопилась к выходу.

Меня зовут Пол Линдберл. Мне двадцать шесть лет. Аспирант Техасского университета, младший преподаватель. Занимаюсь орнитологией. И в этой области мое имя уже достаточно известно. У меня есть, конечно, и свои причуды, и свои недостатки, но я не считаю, что глупость относится к их числу.

Конечно, было глупо с моей стороны догонять эту женщину, когда она поспешила к выходу... Но я все же пошел за ней.

Я влетел в кабинет, подняв со столов вихрь бумаг, и закричал:

— Марта! Марта!

Она выглянула из комнатки, где хранились учебные пособия.

— Боже, Пол! Что случилось?

— Где Кортни?

— На конференции в Хьюстоне. Ты же знаешь. И ты опоздал на лекцию... Что случилось?

— Выпиши мне скорее денег из факультетского фонда!

— Ты же получил деньги только неделю назад. Если же можешь...

— Это для дела! — В нетерпении я забегаю по комнате. — Пойми, Марта! Это и слава, и приключение, и единственный шанс в жизни! Это долгое морское путешествие, которое... Кстати, билет — на самолет! Или до Джексона, штат Миссисипи, или до Мемфиса. Нет, лучше до Джексона. Корешки билетов я привезу! Я буду знаменит! Кортни будет знаменит! Даже ты будешь знаменита! И

Howard Waldrop. The Ugly Chickens: The Best Science Fiction of the Year. (Edited by Terry Carr), Timescape Books: New York, 1981.

© 1980 by Terry Carr.

© Перевод с английского «Вокруг света», 1989 г.

этот университет получит гору денег! Дай мне лист бумаги. Мне надо написать Кортни записку. Когда улетает ближайший самолет, не знаешь? Ты сможешь договориться с Мэри и Чаком, чтобы они заменили меня на лекциях во вторник и в среду? Если не случится ничего неожиданного, я постараюсь вернуться к четвергу. Кортни возвращается завтра, да? Я позвоню ему из... ну, в общем, откуда-нибудь позвоню. Кофе у тебя есть?..

Марта смотрела на меня как на сумасшедшего, но быстро заполнила бланк денежной заявки.

— Что я скажу Кемеджиану, когда буду у него это подписывать?

— Марта, крошка, лапушка. Скажи ему, что я помещу его фото в «Сайентифик Америкэн».

— Он его не читает.

— Тогда в «Нейчур».

— Ладно, попробую.

Женщину, за которой я вышел из автобуса, звали Джозин Джимсон, и то, что она мне рассказала, оказалось настолько невероятным, что просто не могло быть выдумкой. Она посвятила меня в такие подробности, которые мог знать только специалист или кто-то, кто сам видел этих птиц. Я узнал от нее имена и еще много всяких мелочей.

Плюс год — 1927.

И место. Север штата Миссисипи.

Я подарил ей свой экземпляр книги Гринвэя, сказав, что позвоню, как только вернусь. Затем я убежал, оставив ее возле дома той дамы, где она дважды в неделю делала уборку. Джозин Джимсон перевалило уже за шестьдесят.

Чтобы получить представление о том, как выглядит гронт, вообразите себе гренландского тюленя в перьях. Я знаю, это далеко не точное сравнение, но для экономии времени подойдет и оно.

В 1507 году на пути в Индию португальцы открыли в Индийском океане (тогда еще безымянные) Маскаренские острова. Три острова, расположенные на расстоянии в несколько сот миль друг от друга к востоку от Мадагаскара.

Но только в 1598 году, когда старый морской волк, голландский капитан Корнелиус ван Нек вновь наткнулся на них, острова получили названия. Названия эти менялись на протяжении веков несколько раз, когда голландцы, французы и англичане переименовывали острова почти после каждой войны. Теперь они называются Родригес, Реюньон и Маврикий.

Острова эти прославились благодаря большой нелетающей, глупой, уродливой и гурной на вкус птице. Ван Нек и его люди называли их *dod-aarsen*, *dodars* («глупыми птицами») или *пустынниками*.

Всего их было три вида: гронты острова Маврикий — серо-коричневые неуклюжие создания с загнутым клювом, которые весили больше двадцати килограммов; другие немного меньше их — белые гронты острова Реюньон; и пустынники, обитавшие на островах Родригес и Реюньон и походившие на очень толстых и очень глупых гусей со светлыми перьями.

У всех гронтов были толстые ноги, приземистые тела раза в два крупнее, чем у индюков, лысые головы и большие, загнутые крючком клювы, напоминающие нож с ложбинкой для резки линолеума. Способность летать они потеряли очень давно, и крылья их превратились просто в лоскутки кожи размером с человеческую лапону, из которых торчало по три-четыре пера. Довершают описание пушистые хвосты, словно воткнутые в гузку птице по воле ребенка, решившего напоследок немного ее украсить. Естественных врагов у гронтов не было никаких, яйца они высжидали прямо на открытой местности, а неслись где им вздумается.

Врагов у гронтов действительно не было, пока не появились ван Нек и ему подобные. Голландские, французские и португальские моряки, которые останавливались на Маскаренских островах, чтобы запастись свежими продуктами, быстро выяснили, что гронты не только вы-

глядят глупо. Человек мог подойти вплотную к сидящей птице и ударить ее палкой по голове. Или — что еще удобнее — их можно было сгонять в какое-нибудь одно место, словно стадо овец. В судебных журналах тех лет немало записей вроде этой: «Десять человек высадились на берег. Согнали в лодку около полусотни больших, похожих на индюков птиц. Перевезли на корабль, где выпустили их на палубу. Трех птиц достаточно, чтобы накормить команду в 150 человек».

Правда, мясо гронтов почти целиком, кроме грудины, не отличалось кулинарными достоинствами. И потому, вероятно, голландцы называли их *walghvogel*, что означает «противная птица». Но на корабле, который уже три месяца находится в пути из Гоа в Лиссабон, выбирать особенно не приходилось. Сообщалось, однако, что даже продолжительная варка этого мяса несколько не улучшила его вкуса.

Несмотря на все это, гронты выжили бы, если бы Маскаренские острова не превратились в место, куда стекались люди, спасающиеся от религиозных преследований. На плантациях они там выращивали сахарный тростник и другие экзотические культуры.

С колонистами прибыли на острова кошки, собаки, свиньи, коварные *Rattus porvegicus*¹ и цейлонские макаки-резусы. Тех гронтов, что еще остались после голландских моряков, травили на открытой местности собаки (гронты — птицы глупые, но, если надо, бегать они могли довольно быстро). А когда они высиживали яйца, их убивали даже кошки. Сами яйца воровали и пожирали обезьяны, крысы и свиньи. Кроме того, гронтам приходилось соперничать со свиньями из-за кормов — всего того, что росло низко или ползало по земле.

Последнего гронта, обитающего на острове Маврикий, видели в 1681 году. Последний белый гронт упоминается 1720 годом. Пустынники островов Родригес и Реюньон, последние птицы из этого рода (и вида), продержались, возможно, до 1790 года. Точно никто не знает.

Так настал тот день, когда люди огляделись вокруг и неожиданно для себя обнаружили, что живых гронтов нет уже нигде.

Поворот на грунтовую дорогу с подсыпкой из гравия, которую мне отметил на карте человек с заправочной станции, я едва не проскочил. Дорога эта выходила на шоссе буквально ниоткуда, прямо из полей. Лето еще не наступило, но погода стояла жаркая, и каждый раз, когда гравия на дороге становилось меньше, машину буквально заволакивало облаками пыли. Потом дорога превратилась в разбитую тропу, чуть шире, чем сама машина, и к тому же зажатую с обеих сторон забором из провисающей колючей проволоки в три ряда.

С левой стороны теперь простиралось поле, дикое, заброшенное и выглядевшее примерно так, как будет выглядеть забор куда-то исчез. Потом лес придвинулся еще ближе и полностью поглотил дорогу. Ветки заскребли по окнам и крыше машины. Мне показалось, что я падаю в каком-то темном, длинном, лиственном тоннеле. Дорога здесь, должно быть, состояла из вековых отложений перегнившей листвы, но я все же пробивался вперед, не убирав ноги с педали газа.

И чуть не налетел на дом. Дом стоял, может быть, в десяти метрах от стены де-

Теперь по обеим сторонам дороги теснились деревья — настоящий первобытный девственный лес, а проволочный забор куда-то исчез. Потом лес придвинулся еще ближе и полностью поглотил дорогу. Ветки заскребли по окнам и крыше машины. Мне показалось, что я падаю в каком-то темном, длинном, лиственном тоннеле. Дорога здесь, должно быть, состояла из вековых отложений перегнившей листвы, но я все же пробивался вперед, не убирав ноги с педали газа.

И чуть не налетел на дом.

Дом стоял, может быть, в десяти метрах от стены де-

¹ Серая (рыжая, амбарная) крыса, пасюк.

ревьев. Дорога кончалась прямо под одним из его окон. Я успел заметить краем глаза, что кто-то машет мне рукой, и надавил на тормоз.

У машины, заглядывая в окно с моей стороны, стоял мужчина огромного роста. Наверно, человека такого мощного телосложения я за всю свою жизнь не видел. Каждая ладонь у него была размером с рукавицу для игры в бейсбол, и у меня создавалось впечатление, что их обладатель никогда не брал в руки ничего меньше рукоятки топора.

— Как оно там? — спросил он вместо приветствия.

— Нормально, — ответил я, выбрался из машины и протянул руку. — Моя фамилия Линдберл.

Мужчина пожал мою руку, и в голове у меня пронеслось несколько сравнений с медвежьими капканом, челюстями акулы и закрывающимися дверями лифта.

— Это ферма Гаджеров? — спросил я.

— Не-е. — В серых глазах мужчины отразилось недоумение. — Меня зовут Джим Боб Крайт. Это моя жена Дженни, а это Люк, Скино и Шерл. — И он указал рукой в сторону крыльца, где собралось, видимо, все его семейство.

Люди на крыльце закивали, приветствуя меня.

— Значит, говорите, Гаджеры нужны? — продолжил он. — Насколько я знаю, нет в здешних местах никаких Гаджеров. Хотя я здесь вроде как новичок.

По моему мнению, это означало, что в этих местах он прожил всего лет двадцать или около того.

— Дженнифер! — крикнул он. — Ты знаешь кого-нибудь по фамилии Гаджер? — Потом пояснил мне: — Жена прожила тут всю свою жизнь.

Дженнифер спустилась до второй ступеньки крыльца.

— Я думаю, это те, что жили на ферме Спрадлинов еще до самих Спрадлинов. Но Спрадлины уехали во время корейской войны. А самих Гаджеров я не знала. Мы тогда жили в Водяной долине.

— Так говорите, что ищите Гаджеров? — продолжил вопросы Джим Боб Крайт.

— Только их дом. Насколько я понял со слов вашей жены, они уехали из этих мест... Надо полагать, во времена Депрессии?

— Да, у них, должно быть, водились деньги. В здешних местах никто не был достаточно богат, чтобы уехать во время Депрессии, — пояснил мистер Крайт, потом крикнул: — Люк!

Его старший сын неторопливо спустился с крыльца. Растрепанный, в рубашке фасона еще тех времен, когда в моде был твист. Сунув руки в карманы, он остановился рядом с нами.

— Покажешь мистру Линдбергу...

— Линдберлу.

— ...мистру Линдберлу дорогу до старой фермы Спрадлинов. Проводишь его до бревенчатого моста, а то он заблудится.

— Мост рухнул, папуля.

— Когда?

— В октябре, папуля.

— А, черт. Опять работы прибавилось! Ну тогда до ручья. — Мистер Крайт повернулся ко мне. — Без него вы заблудитесь. И смотрите, там змеи, могут укусить.

— Я думаю, все будет в порядке.

— Не возражаете, если я спрошу, зачем вам туда нужно? — Заметно было, что, задавая вопрос, он чувствует себя неловко, потому что обычно такие вещи всплывают в разговоре сами собой.

— Я... э-э-э... специалист по птицам. Я их изучаю. И к нам поступили сведения... нам сообщили, что на старой ферме Гаджеров и в окрестностях... Короче, я ищу одну очень редкую птицу...

— Как «добрый боженька»? Я видел одного лет двадцать пять назад неподалеку от Бруса, — сказал он.

«Добрый боженька» — это одно из простонародных названий белоклового дятла, редчайшего вида дятлов в мире. В любое другое время у меня бы челюсть отвисла от удивления, поскольку считается, что в штате Миссисипи птицы эти вымерли еще в начале века.

— Машина не будет здесь мешать? — спросил я.

— Не-е. Все в порядке, — ответил Джим Боб Крайт. —

Если к закату не вернетесь, пойдем вас искать, о'кей?

Я не сразу сообразил, наказ это или проявление заботливости.

Ручей, к которому мы вышли, огибал поросший лесом холм. Поперек ручья лежало сгнившее бревно, и началось что-то вроде небольшой плотины: с одной стороны вода была с метр глубиной, а с другой — вполонину меньше.

— Видишь тропинку? — спросил Люк.

— Вижу.

— Пойдешь по ней до холма, потом еще через одно поле. Потом снова будет ручей — там можно перебраться по камням — и еще один холм. Тропинка дальше расходится: нужно идти по левой. И то, что осталось от дома, находится немного не доходя до вершины холма. Если дойдешь до большой голой скалы, значит, проскочил мимо. Понятно?

Я кивнул. Люк повернулся и двинулся обратно.

Как сказала мисс Джимсон, дом напоминал собачью будку, а теперь он еще и завалился набок. Кругом росли сорняки. От заборов остались только следы, а на том месте, где когда-то стоял сарай, лежала плоская куча досок. За домом располагались остатки того, что когда-то было уборной. На заднем дворе торчал из земли проржавевший водяной насос. Чуть более ровное место указывало, где раньше был огород: на земле лежал один-единственный выросший тут дикий томат. Исклеванный птицами и уже загнивший. Я прошел дальше и обнаружил еще три кучки древесины, оставшиеся от трех подсобных строений: доски почти сгнили и поросли зеленым мхом. Одно строение служило когда-то коптильной и дровяным складом одновременно. Два других — курятниками. Один из них выглядел немного больше другого, и именно здесь я начал копать...

Я ковырялся в земле, передвигаясь по участку, словно сеттер, разыскивающий куропадку по запаху. Мне нужны были находки, еще и еще. Я не мог удовлетвориться малым.

Когда я с огромным мешком на спине добрался наконец до участка Крайтов, наступили сумерки, правильной даже будет сказать, что уже стемнело. Я устал, пропелет насквозь и перемазался в пятидесятилетних отложениях куриного помета. Крайты сидели на крыльце. Джим Боб, похожий на добродушного великана, спустился по ступеням и двинулся ко мне. Я не стал у них задерживаться. И на прощание подарил Джиму Бобу ксерокопию с репродукции рисунка, изображающего дронта, оставил адрес и номер телефона, где меня можно найти.

Потом сел в машину и, следуя совету Дженнифер Крайт, двинулся в Водяную долину. Там я первым делом отправился к дому почтмейстерши, которая уже собиралась ложиться спать. Начал задавать вопросы. Она села за телефон... Короче, я дергал людей до часа ночи. Затем — снова за руль.

Рядом со мной, на переднем сиденье, находился мешок, набитый костями, клювами, лапами и кусочками яичной скорлупы дронтов.

Знаете ли вы, что один из музеев обменял в свое время на скелет дронта целый скелет синего кита?

Итак, вперед, вперед...

Время от времени в моем воображении представляла одна странная картина. Впервые она привиделась мне задолго до того, как началось все это сумасшествие. И чаще всего — когда я читал, конечно же, не современную литературу или слушал классическую музыку, скажем, «Канон ре мажор» Пахельбеля...

В Гааге сумерки. Свет как на картинах Франса Халса или Рембрандта. Королевская семья и ее гости сидят за ужином в огромном зале и негромко переговариваются. По углам зала стоят стражники с пиками и алебардами.

В иллюстрациях к рассказу использованы гравюры из книги Франсуа Лега «Поездки и приключения», вышедшей во Франции в 1708 году и переведенной на несколько европейских языков.

Рисунки В. НЕВОЛИНА

Вокруг стола расположились по порядку: король, королева, принцессы, принц, еще несколько детей и двое-трое приглашенных дворян. Входят и выходят слуги с блюдами и кубками.

На приподнятом помосте в одном конце зала играет оркестр: клавесин, альт, виолончель, три скрипки и несколько духовых инструментов. Один из королевских карликов сидит на краю помоста и время от времени трогает ногой собаку, которая спит рядом с ним.

Музыка Пахельбеля то затихает, то снова становится громче, и вскоре в зал входит, неуклюже переваливаясь, дронт. Останавливается, наклоняет голову с блестящими, словно капли смолы, глазами, поворачивается, осторожно поднимает одну ногу, потом другую и покачивается под звуки виолончели.

Тут вихрем пролетает по залу мелодия скрипок, и дронт начинает танцевать. Теперь уже его неуклюжее тело исполнено грациозности. К нему присоединяются еще две птицы, которые появляются в этот момент в зале, и все три дронта выстраиваются, поворачиваясь, в круг.

Вступает клавесин. Четвертая птица, белый дронт с осторова Реюньон, снимается со своего места под столом и тоже присоединяется к танцующим. Эта птица грациознее остальных: когда те лишь поворачиваются из стороны в сторону и наклоняются, белый дронт делает полные обороты.

Музыка становится громче. Человек, играющий первую скрипку, замечает птиц и подает знак королю. Но и он, и другие за столом уже обратили внимание на танец птиц. Молча, зачарованно наблюдают они это зрелище, даже слуги замерли, забыв про горшки, котелки и блюда в руках.

А дронты продолжают танцевать, покачивая и кивая своими уродливыми головами. Белая птица наклоняется, делает полшага, затем следует пируэт на одной ноге и снова кружение.

Король без слов берет королеву за руку, они выходят из-за стола, словно дети перед спектаклем, и присоединяются к танцу, вальсируя (это, конечно, анахронизм) среди дронтов, а их родственники, гости и стражники смотрят и кивают в такт музыке.

Затем видение пропадает, оставляя лишь смутное воспоминание о мерцающем камине и танцующих птицах...

Дронтов доставляли в Европу морем. Первых двух, о которых имеются сведения, привез все тот же капитан ван Нек в 1599 году: один из них был подарен штатгальтеру Нидерландов, а второй попал в зверинец императора Священной Римской империи Рудольфа II, где и были сделаны первые рисунки этой птицы.

А голландский художник Рулант Саверей, по чьему-то меткому выражению, буквально «сделал на дронтах карьеру». Он рисовал и писал маслом этих птиц много раз: без сомнения, дронты его просто заворожили. Я бы даже сказал, завладели его мыслями.

Однако наиболее точное изображение, как уверяют специалисты, пришло к нам через полмира: существует индийская миниатюра с изображением дронта, которая хранится сейчас в одном из музеев России¹. Возможно, голландцы или португальцы завезли этих птиц в Индию во время плаваний в Гоа или к берегам полуострова Индостан. А может быть, их доставили туда на несколько веков раньше арабы, которые издавна пересекали Индийский океан на своих кораблях с треугольными парусами и потому могли наткнуться на Маскаренские острова задолго до того, как европейцы собрались в свой первый крестовый поход.

¹ В Эрмитаже. Советский биолог А. Иванов на XII Международном орнитологическом конгрессе в Хельсинки сделал сообщение: «Индийский рисунок дронта». Но откуда появилась у нас в стране эта миниатюра, неясно. (Прим. ред.)

Как-то раз, еще когда я только начинал увлекаться орнитологией (после того, как перестал охотиться на птиц с духовым ружьем, но прежде, чем получить специальное образование), я сел и подсчитал, где оказались все известные истории дронты.

Судьба первых двух, что прибыли с ван Неком, нам уже известна. Еще один жил в 1600 году в парке графа Солмса. Исторические документы упоминают «еще одного в Италии, одного в Германии, несколько штук в Англии и восемь или девять в Голландии». Виллем ван Хоорн знал об «одном, привезенном в Европу в 1640 году, и еще об одном — в 1685-м». Про последнего из них он писал, что тот «также зарисован голландским художником». Еще про двух сообщалось, что они «содержатся при дворе правителя Индши». Один из этих дронтов, возможно, и изображен на индийской миниатюре. Даже при неравнодушном подсчете, считая, что «несколько» — это как минимум три, получается всего двадцать дронтов.

А должно быть гораздо больше, если их в свое время загоняли на корабли десятками.

Что же мы знаем о дронтовых? Несколько судовых журналов да кое-какие отчеты, составленные путешественниками и колонистами... Весьма интересоваля эта птица англичан. Сэр Хеймон Лестрейндж писал о том, что видел в клетке «гогара с острова Маврикий... Будучи столь больших размеров, он не способен летать». Когда птица умерла, из нее сделали чучело, которое хранилось в Оксфорде, но через некоторое время оно пришло в негодность, и его сожгли, оставив только одну лапу и голову.

Франсуа Лега, гугенот, проживший на Реюньоне несколько лет, написал отчет о своих путешествиях, в котором упоминал, в частности, и дронтов. Отчет был опубликован в 1708 году (когда дронты острова Маврикий уже исчезли) и содержал информацию о том, что «некоторые мужские особи достигают веса в сорок пять фунтов...»

В 1761 году Маскаренские острова посетил аббат Пингре. Он застал последних пустынных птиц на Родригесе и собрал информацию о птицах, обитавших на Маврикий и Реюньоне.

После этого остались лишь мемуары колонистов да научные споры относительно того, куда именно в таксономической схеме должны относиться Raphidae: одни утверждали, что к голубиным, другие — к пастушковым. Но вскоре даже эти мелочные споры утихли. О дронтах забыли.

И когда Льюис Кэрролл написал в 1865 году «Алису в стране чудес», читатели решили, что дронтов придумал он.

На заправочной станции, откуда я звонил, творилось бог знает что. Дверной колокольчик звякал и брякал непрерывно, и я едва расслышал ответ, когда все же дозволился.

Ответил мне тип по фамилии Селведж, с которым я долго не мог найти общего языка. Сначала он принял меня за агента по продаже недвижимости, затем за адвоката. Еще через некоторое время он решил, что я просто мошенник. Только с большим трудом удалось узнать от него: мисс Анни Мэй Гаджер (подруга детства Джолин Джимсон) стала теперь (и уже давно) уважаемой мисс Анни Мэй Радвин, а этот тип Селведж ошивался у нее в качестве то ли секретаря, то ли приживалы.

Но вот в трубке что-то щелкнуло.

— Молодой человек, вы утверждаете, что разговаривали с некой Джолин? — задал вопрос. Это был голос пожилой женщины, южный и очень чистый. — Вы имеете в виду Джолин Смит?

— Да! Мисс Радвин, ведь вы — мисс Анни Мэй Радвин и раньше носили фамилию Гаджер? Я разговаривал с Джолин Смит — теперь она стала Джолин Джимсон, — которая прежде жила в Водяной долине в штате Миссисипи...

— Молодой человек, — снова обратился ко мне женский голос, — вы уверены, что вас направила сюда не моя противная сестра Альма?

— Кто? Нет, мадам. Я встретил женщину по имени Джолин...

— Я хотела бы поговорить с вами, молодой человек, — наконец-то услышал я. Потом голос добавил небрежно: — Селведж, объясните молодому человеку, как ему доехать.

Дом мисс Радвин оказался большим красивым особняком. За сорок лет — от хижины на склоне холма в штате Миссисипи до вот такого... Есть разные способы достичь успеха, и я невольно задумался над тем, как именно Анни Мэй Гаджер добила этого. Удача? Вероломство? Вмешательство свыше? Напряженный труд? Судебные тяжбы?

Селведж провел меня в залитую солнцем комнату. Вся мебель в доме была изготовлена где-то между началом века и пятидесятыми годами — у таких вещей словно нет возраста. Они никогда не выглядят очень хорошо, никогда не выглядят слишком плохо, и каждый стул обязательно удобен.

Ко мне вышла очаровательная леди в зеленом брючном костюме. Ей было за шестьдесят. Пшеничного цвета волосы, причем я решил, это их естественный цвет. Голубые глаза, как у моей учительницы в первом классе. Ей удалось сохранить стройность и гибкость, и вообще выглядела она так, будто слово «полнота» в ее словарном запасе отсутствовало.

— Доброе утро, мистер Линдберл. — Хозяйка особняка поздоровалась со мной за руку. — Хотите кофе? Судя по вашему виду, кофе вам совсем не повредит.

— Да, благодарю вас.

После того как я проглотил полчашки кофе одним глотком, хозяйка произнесла:

— То, из-за чего вы хотели меня увидеть, должно быть, очень важное дело...

— Прошу прощения за ранний визит, — сказал я. — Я — аспирант Техасского университета и специализируюсь по биологии. Еще точнее, я орнитолог. И сейчас работаю над диссертацией. Два дня назад я встретился с мисс Джолин Джимсон...

— Как она? Я не видела ее — о, боже! — должно быть, лет пятьдесят. Как бежит время!

— Похоже, она в порядке. Но я разговаривал с ней только полчаса или около того... э-э-э, о тех птицах, что ваша семья держала на ферме, когда вы все жили в Водяной долине.

Мисс Радвин пристально взглянула на меня, потом улынулась:

— Вы имеете в виду «гадких цыплят»?

Я тоже заулыбался и даже чуть не рассмеялся от радости, потому что возлюбил эту пожилую леди.

Отменив все другие дела, Анни Мэй Гаджер рассказывала почти четыре часа, отвечала на мои вопросы, посвятила меня в историю своего семейства.

Ее дедушка Гаджер служил некогда надсмотрщиком на плантации полковника Крисби неподалеку от Мак-Кома в штате Миссисипи. Сам полковник Крисби был наследником семьи мореплавателей, занимавшихся торговлей ливанским кедром и египетским хлопком. А также чаем, специями и вообще всем тем, что сулило прибыли и попадалось под руку.

Когда дед полковника Крисби достиг совершеннолетия в 1802 году, он распрощался со штатом Южная Каролина и двинулся на запад, в леса. Вскоре у него родился сын, будущий отец полковника Крисби, который позже распорядился перевезти из Южной Каролины на новое место все, чем владел отец: рабов, фургоны, лошадей, скот, цесарок, павлинов и дронтов. Последних все принимали за каких-то невероятно уродливых домашних птиц, которых один из дядюшек-мореходов купил у французского купца еще в 1721 году. (Я полагаю, что это были белые дронты с острова Реюньон, если только их не вывезли немного раньше. Дронты с острова Маврикий к тому времени уже вымерли.)

А когда у отца полковника Крисби родился полковник Крисби, он продал факторию и перенес плантацию еще западнее, в Мак-Ком.

Здесь-то в этой семье и появился Гаджер-дедушка,

который занимался плантацией в то время, пока полковник Крисби воевал за независимость Юга. Однако полковник вернулся в Мак-Ком раньше других, поскольку ему не пострадалось: он грудою остановил залп картечи во время разведки боем при осаде Виксберга. Угасал он постепенно и, немного свихнувшись, освободил своих рабов за неделю до смерти. А поскольку рабов не стало, надсмотрщик семье тоже был не нужен.

Так семья Гаджеров оказалась в окрестностях Водяной долины (в те времена ее так еще не называли), погоня перед собой стаю дронов, которых полковник Крисби отписал своему бывшему надсмотрщику за верную службу.

Альма и Анни Мэй — второй и пятый ребенок в семье папаши Гаджера — родились с разницей в три года и, по-коже, возненавидели друг друга с того самого момента, когда Альма впервые заглянула в колыбельку Анни Мэй. Ссорились они постоянно, и то обстоятельство, что Альма, старшая дочь, была любимицей обоих родителей, отнюдь не помогало улучшить их отношений. Для Анни Мэй жизнь превратилась в типичный для нежеланного ребенка в белой бедняцкой семье ад, и она еще в раннем возрасте дала себе слово убежать из дома и в тринадцать лет это обещание выполняла. Единственной подругой Анни Мэй в то время была Джолин Джимсон.

Все это я узнал сегодня утром.

— Отец ненавидел этих птиц, — сказала мне Анни Мэй Радвин, урожденная Гаджер. — Он всегда говорил, что когда-нибудь избавится от них, но так и не решился на это.

А ведь сколько было с ними хлопот! Нам всегда приходилось запира́ть их на ночь и ходить искать яйца. Они иногда откладывали их где-нибудь на улице, а потом забывали, где именно. Случались годы, когда у нас совсем не рождались новые птенцы. И потом, они были так уродливы! Я имею в виду, что раз в год они выглядели просто ужасно, словно вот-вот помрут. У них выпадали все перья, как будто они заболели чесоткой или чем-то другим. К тому же у них отваливалась передняя часть клюва или, еще хуже, болталась, не отпадая, неделю, а то и две. Птицы эти выглядели тогда как большие голые голуби. После этого они теряли в весе, фунтов до двадцати-тридцати, и оставались такими до тех пор, пока у них не отрастали новые перья. Нам все время приходилось убивать лис, которые забирались в «индюшачий дом» — так мы называли курятник, куда загоняли этих птиц на ночь. Я думаю, что они не смогли бы его найти, даже стоя в десяти футах в стороне.

Мисс Радвин останавлилась и взглянула на меня.

— Вот о чем я думаю... Отец сохранял этих птиц как своего рода символ. Пока они оставались в семье, отец считал себя не хуже других. Эти птицы помогали ему сохранять достоинство даже тогда, когда ничего другого у него не оставалось.

Я поинтересовался, что стало с дронтами. Мисс Радвин не знала этого. Однако она сказала, что знает того человека, кто может сказать о судьбе птиц.

Поэтому теперь мне снова придется звонить по телефону.

— Добрый день, доктор Кортни. Доктор Кортни? Это — Пол. Я — из Мемфиса, Теннесси... Слишком долго объяснять... Нет, конечно, нет... Нет еще. Но у меня есть доказательства... Что?.. Ладно, а что вы думаете про вертелы, цевки, оболочки клювов и сами клювы?.. Как откуда? Из их курятника. Где бы вы стали держать своих дронов?.. Извините. Я не спал два дня. Мне нужна помощь... Да, да. Деньги. Много денег... Наличными. Триста долларов, пожалуйста. На почтовое отделение «Уэстерн Юнион» в Мемфисе, штат Теннесси... На то, которое ближе к аэропорту. И мне нужно, чтобы факультет заказал для меня место до Маврикия... Нет, нет. Какой журавль в небе? Дронты! Я знаю, что на Маврикий нет дронов. Знаю... Я могу объяснить... Понимаю, что это означает больше двух тысяч, но... Послушайте, доктор Кортни, вы хотите, чтобы ваше фото появилось в «Сайентифик Америкэн» или нет?

Сейчас я сижу в кафе аэропорта в Порт-Луи на Маврикий. Прошло еще три дня, то есть уже пять дней с того знаменательного утра, когда не завелась моя машина. Боже, благослови ее создателей! И проспал, сидя в разных самолетах, на разных местах, все двадцать четыре часа дороги от аэропорта Кеннеди через Париж и Каир до Мадагаскара, и сразу почувствовал себя человеком.

...Я только что вернулся из дома «противной сестры Альмы», расположенного в фешенебельном районе Порт-Луи, где раньше жили французские и британские чиновники.

Фотография Кортни, конечно, появится в «Сайентифик Америкэн». Моя тоже. Несколько недель еще будут выходить газетные статьи, меня будут показывать в различных телевизионных программах. И я уверен, Анни Мэй Гаджер Радвин в одном конце света и Альма Чандлер Гаджер Мольер — в другом обязательно примут в них участие, чтобы получить свою долю славы.

На столе передо мной лежит пакет документов, газетных вырезок и фотографий. Получается, я пересек половину земного шара только ради них. Я смотрю на пакет, потом перевожу взгляд на окно, откуда открывается вид на громаду горы Монт-Питер-Бот, возвышающуюся над городом и его знаменитым ипподромом.

Может быть, мне следовало сделать что-нибудь символическое. Сдать билет, взобраться на гору и взглянуть оттуда сверху вниз на человека и его свершения. Прихватить с собой бутылку мартини. Сесть под ярким полутропическим солнцем (здесь сейчас начало сухой зимы) и медленно выпить мартини, произнося тосты во славу Каюка, бога Вымирания. Это — за бескрылую гагарку! Это — за каролинского попугая! Это — за странствующего голубя! И за тетерок! А самое главное — за каждого из дронов Маврикия, за белого дронта Реюньона, за пустытника Реюньона и за пустытника Родригеса! За вас, за великих дронтовых, которыми вы были в прошлом!

Как символично, что история дронов закончилась на том же самом острове, где она и началась. Жизнь имитирует дешевое искусство. Слово ксерокс с ксерокса плохого романа. Я и не ожидал найти здесь живых дронов (в единственном месте на земле, где бы их наверняка заметили), но до сих пор не могу поверить в то, что Альма Чандлер Гаджер Мольер прожила тут двадцать пять лет и ничего не знала про дронов, что она ни разу не зашла в музей Порт-Луи, где хранятся скелеты этих птиц и огромное чучело.

После того как Анни Мэй убежала из дома, семейству Гаджеров привалила удача. Случилось это в 1929 году. Тогда Гаджер окупился в политику, оказывая поддержку человеку, который знал другого человека, который работал на Теодора Билбо, у которого везде были связи и который познакомил Гаджера с Хью Лонгом незадолго до того, как этот джентльмен в очередной раз проиграл выборы на пост губернатора Луизианы... Мало-помалу он поднимался по бюрократической (и политической) лестнице штата и умер уже очень богатым человеком. К тому времени Альма Чандлер Гаджер вышла в свет, познакомилась с Жаном Карлом Мольером, единственным наследником семейства, владевшего богатыми плантациями риса, индиги и сахарного тростника, и вышла за него замуж. Жили они счастливо и переехали сначала на острова Вест-Индии, а затем на Маврикий, где находились принадлежащие семейству богатые плантации сахарного тростника. Жан Карл умер в 1959 году, а Альма осталась его единственной наследницей.

Я открываю лежащий передо мной конверт...

Альма Мольер вежливо выслушала мой рассказ (из университета позвонила директору музея в Порт-Луи, который был знаком с мисс Мольер, и договорились, что меня представят) и, в свою очередь, поведала мне все, что могла вспомнить. Потом она послала слугу к одному из подсобных строений на территории поместья (каждое из которых не уступало по размерам двухквартирному дому), и через некоторое время он и еще двое слуг вернулись с грудой коробок, где хранились альбомы с вырезками из газет и семейные фотографии.

— Я не просматривала их с тех пор, как мы уехали с Сент-Томаса, — сказала она. — Давайте посмотрим вместе.

У нас совсем мало снимков. До переезда в Луизиану мы жили невероятно бедно и не знали практически никого, у кого была бы фотокамера. О, посмотрите! Вот фотография Анни Мэй. Я думала, что выкинула все после того, как умерла мама.

Вот эта фотография. Должно быть, ее сделали году в 1927-м. На Анни Мэй какое-то бесформенное одеяние,

которое только условно можно назвать платьем. Она стоит, опираясь на мотыгу, и улыбается кривоzubой улыбкой. На вид ей лет десять или одиннадцать. Глаза ее скрыты тенью от рваной соломенной шляпы. Она стоит босиком на свежеспаханной земле. В нескольких футах позади Анни Мэй огромный дронт-самец выклеивает что-то из земли. На снимке хорошо видны его шутовские крылья и загнутые вверх перья хвоста. Одна нога тоже попала в кадр: очевидно, птица только что выцарапала что-то из всего кома земли, наверное, червяка. Судя по темной окраске, это серый дронт с острова Маврикий.

Альма сказала, что к тому времени у них оставалось только шесть или семь «гадких цыплят»: два белых, остальные — серо-коричневые.

Рядом с фото лежат две вырезки: одна из вышедшей в Брусе газеты «Баннер таймс», другая из оксфордской газеты. Обе заметки написала одна и та же женщина, освещавшая «новости Водяной долины». Обе заметки оповещают об отъезде семейства Гаджеров на поиски своей судьбы в болотистый штат на западе и с сожалением отмечают, что их здесь будет не хватать. Есть еще одна вырезка с небольшим сообщением о «Прощальном Застолье семейства Гаджеров из Водяной долины в прошлое воскресенье» (газета датирована 19 октября 1929 года).

Я спросил, сколько людей пришло тогда к ним.

— Четыреста или пятьсот человек, — ответила она. — Все, кто присутствовал, выстраивались рядами и позировали перед камерой. Только в тот раз не все поместились, и мы сделали две фотографии. Вот на этой мы сами.

Одну из этих фотографий я захватил с собой. Из-за того, что было изображено на ней на переднем плане.

На снимке просто невероятное количество еды: окорока и говядина, цыплята и куропатки, фасоль и ямс, ирландский картофель и кукуруза, баклажаны и горох, репа и масло, хлеб и печенье, патока и томатный соус...

И пять гигантских птиц, каждая раза в два больше индейки. Их ножки, похожие на бицепсы Шварцнеггера, завернуты в бумажные салфетки, как делают на день Благодарения. Птицы зажарены целиком и лежат ножками вверх на огромных, словно столы для коктейлей, блюдах.

По лицам людей на снимке видно, что они здорово проголодались.

— Мы ели несколько дней подряд, — сказала Альма.

Я уже придумал название для статьи в «Сайентифик Америкэн». Она будет называться «Дронт по-прежнему мертв».

Перевел с английского
А. КОРЖЕНЕВСКИЙ

ШАНС ДЛЯ ДОДО

Давным-давно жила на острове Маврикий птица по имени додо...

Нет, так начинать нельзя, ведь история додо вовсе не сказка, а была, даже, можно сказать, суровая реальность. И в этом смысле фантастический рассказ Ховарда Уолдропа вовсе не фантастика. До 1681 года на Маврикий — он же Зваанейланд, он же Иль де Франс — действительно обитали представители отряда голубиных и назывались додо, или додоерс, или дронт, или маврикийские лебеди.

Дронты исчезли между 1681 и 1693 годами, а в 1750 году жители острова уже не знали, что у них когда-то водилась такая птица.

Но дронты жили не только на Маврикий, но и на соседних островах — Реюньоне и Родригесе. Их там называли отшельниками. И там они просуществовали дольше. Но тоже исчезли при прямом участии человека, а вернее, тех домашних животных, которых он с собой привез.

Можно было бы поставить точку в этой грустной, так давно оборвавшейся биографии бескрылой птицы. Но еще два слова. Так сказать, криптозоологический постскриптум.

В 1848 году в бюллетене физико-математической секции трудов Императорской академии наук в Санкт-Петербур-

бурге появилась статья профессора И. Х. Хамеля, суть которой сводится к следующему.

Голландцы называли дронта «валлфогель», то есть «тошнотворная птица», поскольку ее мясо на вкус было весьма неприятно. Французы перевели это название правильно, однако некий Ф. Коше, который провел две недели на Маврикий в 1638 году, написал о ней как о «додо из Назарет». Он подумал, наверное, что *pausée* (тошнота) происходит от «Назарет». Ведь тогда на морских картах имелось наименование «Назарет», причем недалеко от Маврикия. (Оно существует и теперь, правда, сейчас так называется отшель.)

Профессор Хамель полагал, что это была обычная ошибка. Возможно, он был прав. Но когда голландский исследователь Оудеманс проверил старые карты, то обнаружил, что надпись «Назарет» располагалась не рядом с Маврикийем, а недалеко от крохотного островка, который носит на современных картах название Тромлен. О нем известно немного. И Оудеманс заявил, что додо не может быть вычеркнут из списка живых птиц, покуда не будет тщательно обследован остров Тромлен. Он прав: шанс для маврикийского лебедя нельзя считать утерянным.

Н. НЕПОМНЯЩИЙ

Евгений КУРОЧКИН,
кандидат биологических наук

Фото Т. ЕВГЕНЬЕВОЙ,
В. СЕМЕНОВА и автора

САМОСТРЕЛЫ НА ЗВЕРИНОЙ ТРОПЕ

Несколько лет во Вьетнаме работает совместная экологическая экспедиция Академии наук СССР и Национального центра научных исследований СРВ. Один из стационаров экспедиции расположен в тропическом лесу на юге страны, в шестидесяти километрах к северу от городка Анкхе. Советские и вьетнамские ученые заняты здесь исследованием горных тропических экосистем.

Когда я впервые попал на станцию, мне не верилось, что я смогу вынести здесь и неделю. Жара и невероятная духота, опасные болезни, ядовитые змеи и хищные звери, неизвестные ядовитые растения и кровожадные пиявки, дикие крики незнакомых птиц и зверей —

все казалось враждебным человеку. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что по соседству постоянно живут люди — местная народность банар.

Плато Тайнгуен, заселенное банар, занимает обширную территорию на юге Вьетнама в провинции Зялай-Конгум и уходит дальше на запад, в Лаос и Кампучию. В отдельных районах этой гористой местности, поднятой на тысячу метров над уровнем моря, пока сохранились девственные тропические леса, в которых бродят слоны, а на восходе и закате солнца над волнами зеленого океана слышны крики гиббонов. Встречаются носороги и огромные дикие лесные быки, сохранились бенгальские тигры. Особый шумовой фон в таком лесу создают яркие, громкоголосые птицы и цикады.

Банар живут в гармонии с природой,

и их хозяйственная деятельность не нарушает экологического равновесия, сложившегося в тропиках Юго-Восточной Азии за миллионы лет. Однако цивилизация вторгается и сюда. Это сказывается губительно не только на природе. Самых банар прежде насчитывалось несколько тысяч человек. Теперь их становится все меньше. Часть уходит во вновь создаваемые большие поселки при лесоразработках и в сельскохозяйственные кооперативы, ассимилируясь с пришлым населением. Но кое-кто переселяется все глубже в оставшиеся островки джунглей, сохраняя традиционный уклад жизни.

Банар перед выходом на охоту. Небольшой амбарчик для хранения риса и сушеной маниоки похож на жилую хижину.

Вскоре после прибытия на станцию мне пришлось отправиться в соседнюю деревушку, чтобы проконсультироваться насчет предстоящей работы в джунглях. Со мной пошел вьетнамский коллега Сон Кан, неплохо говоривший по-русски.

После первых экспедиций во Вьетнам мои товарищи рассказывали ужасные истории о лесных пиявках. По их совету я тщательно готовился к встрече с этими «чудовищами». Сшил из старой палатки бахилы, обзавелся легкой плотной курткой с завязочками на поясе и на запястьях. Добыл тонкие брюки с «молниями», а не с пуговицами по всем разрезам. Традиционная у нас «энцефалитка» для Вьетнама не подходит — жарко.

Мы привыкли к тому, что пиявки — водные твари. А вот во влажной атмосфере лесов Юго-Восточной Азии они живут и на суше. Наземные пиявки такого же темно-бурого цвета, как наши водные, но обитают в лесной подстилке и нападают с земли, а иногда с травинки и низких кустиков. Правда, есть твари и похуже — зеленые древесные пиявки. Они подкарауливают свои жертвы с кустов и деревьев, расположившись на стволах примерно на уровне плеч и головы человека. Зеленые пиявки норовят впиться в лицо около глаз.

— Вот ты кутаешься, а банар ходят совершенно раздетыми, — сказал, глядя на меня, Сон Кан. — На чистом теле пиявки хорошо видны. Ведь они впиваются не сразу, а ползут, подбираясь к животу, паху, подмышкам, шее, норовя присосаться там, где кожа наиболее тонкая и нежная.

Пока мы шли по лесу, я только и делал, что снимал и сшибал присосавшихся пиявок. Ползущую по телу пиявку, если она забралась под одежду, обычно не замечаешь. Узнаешь о ней, только почувствовав что-то мокрое (это течет кровь) или ощутив посторонний предмет под ремнем или над ботинком (это свернулась шариком насосавшаяся пиявка). Мне приходилось время от времени раздеваться и по тонкой струйке крови отыскивать то место, где только что сидела кровопийца. Прогрызая кожу, пиявки вводят в ранку противосвертывающие и анестезирующие вещества. Поэтому боли нет, а кровь долго не останавливается.

Мы встретили группу банар, и я понял, что деревня уже недалеко. По тропинке шли мужчины в набедренных повязках, женщины — в цветастых домотканых юбках. Ноги — боссы, чтобы ходить бесшумно и чтобы... видеть ползущих по ним пиявок. В руках у каждого панга на длинной деревянной ручке. Как я потом понял, панга — универсальное орудие — нож, и топор, и мотыга. Без панги в лес не ходят — сплетение лиан и колючек далеко не пустит. Пангой легко расчистить путь.

Вот и деревня. Я насчитал десятка два хижин — этаких бамбуковых скворечников на деревянных сваях.

— Это Конханьнг, самое большое

селение банар в округе, — пояснил Сон Кан. Обычно же встретишь дватри домика. Здесь и живет Тяюн — живая энциклопедия местных лесов — старейший из охотников.

Мы подошли к домику, который с виду не отличался от остальных. Те же плетенные из бамбука стены, та же бамбуковая крыша. Под домиком от жары прятались куры, козы и свиньи.

Сон Кан позвал хозяина, и на пороге появился худой, сморщенный старик. Поздоровались. Тяюн спустил из хижины бамбуковую лесенку и пригласил подняться к нему. Я подумал, что он не очень и стар, если лазает несколько раз в день по таким ступенькам. Вход находился на уровне плеч, но, забираясь в хижину, я потерял равновесие и едва не свалился.

В «скворечнике» Тяюна было заметно прохладнее, чем на солнце, полые бамбуковые стебли — хороший теплоизоляционный материал. Посредине помещения догорали полешки, дым просачивался через щели, угольки падали вниз на землю, вызывая иногда недовольное кудахтанье кур.

Тяюн был в хижине один. Члены семьи — две его жены, двое взрослых сыновей, дочь и брат ушли готовить участок под посев. Сухой сезон заканчивался, и надо было сжечь подсохшие деревья и кустарники на вырубке. После того, как участок выгорит догла и останутся только обгоревшие пни, можно будет рыхлить землю мотыгами и палками. Обильно удобренная золой, она дает неплохой урожай четыре-пять лет. Затем участок забрасывают.

Банар выращивают рис и маниок, ананасы и бананы. За многие столетия их земля почти не изменилась. Те же звери, те же птицы, тот же лес. Подсечное земледелие в малых масштабах, очевидно, не приносит лесу непоправимых бед. Небольшие участки сведенного леса вскоре поглощаются окружающими джунглями.

— Я и сам бы пошел в лес, — объяснил Тяюн, — да вот предупредили, что будут гости.

Сон Кан слегка подтолкнул меня и кивнул головой в сторону потолка в дальнем углу хижины. Там было нечто вроде антресолей, где в полумраке трудно разобрать что-либо.

— Тебе нужно обязательно посмотреть его коллекцию.

Один из древних обычаев банар — собирать на протяжении всего лунного года черепа своей добычи и хранить их под потолком хижины. Через год они будут захоронены в укромном месте в лесу, и все начнется сначала. Для зоолога такая коллекция может оказаться бесценной.

Но, увы, мне не повезло. Я увидел лишь «экспонаты» последних трех месяцев. Про себя я прикинул, сколько мяса потребила семья из семи человек за это время. Оказалось, не так уж мало: 7 замбаров, 8 кабанов,

15 мунтжаков, 3 дикобраза, десяток виверр, 18 белок и несколько обезьян.

Выпросить хороший череп взрослого замбара или крупного кабана оказалось невозможно.

— Удача в охоте уйдет, — объяснил мне Тяюн после долгого и стеснительного молчания.

Видя мое разочарование, хозяин решил показать свое боевое оружие. Это были арбалеты самых различных размеров и назначения: от маленьких — с размахом лука 60—70 сантиметров для птиц и мелких зверей, до огромных полотораметровых, из которых можно свалить быка. Плоский, утончающийся к концам лук изготавливается из красного дерева и крепится поперек приклада и направляющего стрелу цевья, тетива — из бамбуковой ленты. Своеобразное спусковое устройство сделано в виде пружки из косточки какого-то зверя. Стрелы, оперенные пластинками бамбука, имеют наконечники разной формы, в зависимости от предназначения. Пучок стрел укладывают в колчан из толстого бамбукового колена и носят подвешенным на тонкой прочной лиане. В отдельный колчан, наполненный ядом, укладывают несколько стрел для крупного зверя и затыкают ртительной ватой. Тяюн пояснил, что яд действует практически мгновенно. Потом, при варке мяса, он разлагается.

Незаметно мы перешли к главной теме нашего разговора, так сказать, к инструкции по технике безопасности. Оказалось, что, помимо арбалетов, банар широко используют для охоты различные самострелы и самолы.

— Если увидите в лесу расчищенный визир, — переводил Сон Кан, — лучше не ходите. Это — охотничий путь. Пользуйтесь проторенными тропами. Уж если очень надо, внимательно присмотритесь к такому визиру. По нему на входах и на поворотах устанавливаются особые говорящие знаки.

— Ищите палочки, — продолжал Тяюн, — воткнутые рукой человека. Они приблизительно метровой высоты. Кончик зачищен и расщеплен. Если в расщеп поперек установлена маленькая палочка, идти ни в коем случае нельзя! Там стоят настроенные самострелы. Если поперечинки нет — самострелы должны быть спущены. Можно попробовать осторожно двигаться по такой тропке. Концы стрел смазаны тем самым ядом. Самострелы хорошо замаскированы.

Я уже сам понял, что ходить в джунглях напрямую практически невозможно — мешают лианы и колючки. Многие колючки не просто острые, а еще и крючковатые и держат за одежду очень цепко. Оставались только тропы. А теперь, оказывается, и по тропам ходить крайне опасно! Я сильно расстроился.

— Но в районе вашей работы, — объявил торжественно Тяюн, — банар

спустили или убрали на всякий случай все самострелы.

К вечеру хлынул ливень. Пережидая его, я не переставал удивляться прочности «скворечника». Он практически не пропускал воду. Тяюн, которому, как выяснилось, восемьдесят семь лет, рассказывал, как в прошлом году пережил внезапное нападение слона. Он проверил на реке рыболовные сетки. Неожиданно на отмель выскочил из леса слон. Деваться было некуда. Да и произошло все, как он сказал, совершенно бесшумно. Слон подлетел, схватил хоботом старика за плечо и швырнул далеко в сторону. Повезло, что не было ни камней, ни деревьев. Тяюн грохнулся о землю и потерял сознание. Подошел слон. Обнюхал. И, видимо, решив, что человек мертв, ушел в лес.

Похоже, что слоны единственные существа, которых опасаются банар. Я поглядел на пять поперечных рубцов на левом бедре хозяина и поинтересовался, не это ли память о встречах со слонами. Сон Кан перевел. Тяюн как-то весь сжался, в глазах погасли огоньки охотничьего задора, с которым он рассказывал нехитрые байки.

Помолчав, ответил:

— Это я сам. Когда умерла моя первая жена, сделал вот так. — Он полоснул рукой по верхнему, самому глубокому, шраму. — Потом погибли двое сыновей и два брата...

Ливень стих. Мы стали собираться назад. Поблагодарив Тяюна, спустились по лесенке на землю. Она была набухшей от влаги. Рядом блестели в каплях дождя такие же плетеные хижины, размером поменьше, на двухметровых сваях.

— Нет, там не живут. Это амбары. В них хранят рис, сушеный маниок и мясо, — пояснил Сон Кан. — А в лесу можно встретить совсем маленькие плетеные хижины, украшенные цветными тряпочками и перьями птиц. Банар сооружают их над могилами родственников. Тяюн как-то показывал.

Вошли в лес. Темнело. Я, признаваясь, совсем забыл про своих маленьких врагов. Включили фонарик, и я от неожиданности отпрянул назад — вся тропа шевелилась, как живая. Пиявки лежали сплошным ковром, вожделенно покачивая головками. По краям на кустиках и веточках тоже сидели пиявки. Мириады! Мириады пиявок!

Подобного видеть еще не приходилось. «Что же здесь будет в сезон дождей?» — с грустью подумал я.

Я никак не мог добыть диких кур для коллекции скелетов. Тех самых банкивских кур, от которых, по Дарвину, произошли домашние породы. Их было вокруг немало. Местами весь лес вокруг утром и вечером оглашался криками петухов: «Ку-ка-реку!» Странно было слышать знакомое кукареканье из дикого леса. На глаза человеку куры старались не по-

падаться. Правда, я несколько раз их видел, но не успевал выстрелить или, как мне казалось, мазал. Ведут себя дикие куры довольно хитро. Почти никогда не взлетают на чистом месте, а, отбежав, поднимаются на крыло за куртиной кустов или уже в лесу.

— Нет ничего проще, — сказал Сон Кан. — Нужны куры? Сколько?

— Ну, хотя бы для начала — две. Петух и курица, — пояснил я.

— Будут. Я знаю одно место, на поле маниока, где их очень много. Рано утром он ушел в лес. Возвратился часам к двенадцати. Без кур и очень возбужденный. Успокоившись, рассказал, что произошло.

Он тихонько крался по краю поля, ожидая встретить кур, но услышал в лесу какую-то возню и странные непонятные звуки. Стал подкрадываться и увидел, как три красных волка терзают небольшого кабана. Раздумывать было некогда. Кан стрелял через растительность на близком расстоянии, но ружье было заряжено дробью на кур! Волки после выстрелов разбежались в разные стороны.

После обеда Кан решил пойти покараулить волков возле задранного кабана. Красный волк, занесенный в СССР в Красную книгу, мог бы стать украшением нашей коллекции. Место находилось в густом лесу, и Кан устроился на дереве в 10—15 метрах от туши. Она была нетронута. И... волки пришли.

Часа в четыре пополудни он увидел сначала одного волка, бесшумно высунувшегося из кустов. Потом — другого. Выстрелить Кан не успел. Волки вдруг исчезли. Вероятно, учуяли человека.

Кан продолжал сидеть и услышал странный шорох. Подняв голову и словно прощупывая воздух длинным раздвоенным языком, медленно вышел крупный лесной варан и напрямик направился к кабану.

Добытого варана Кан еле-еле притащил на базу. Это была внушительная рептилия, длиной метр семьдесят, с пятнадцатисантиметровой головой. Челюсти — сплошной частый острейший зубов. Весил варан шестнадцать килограммов. Скелет и шкуру приготовили для музейной коллекции. А мясо вьетнамские коллеги сварили, и мы все вместе его съели. Вкусное было блюдо, приправленное острым рыбным соусом!

До диких кур мне удалось добраться самому через несколько дней. Я, готовый к неожиданностям, тихо шел по небольшому кукурузному полю в долине маленькой речушки, где рассчитывал встретить трехперсток. Трехперстки — небольшие птицы, помельче перепелок, но внешне очень на них похожие. На лапах у них лишь три пальца — это совершенно особая группа птиц. Взлетают они неожиданно, почти прямо из-под ног, с большим шумом и очень быстро, а пролетев всего 50—60 метров, внезапно садятся. Попасть в трехперстку необычайно трудно. Отпущенное для

выстрела время — доли секунды. А задача ответственная — в нашей фауне имеется только один вид трехперсток, здесь же их три.

И вдруг вместо маленьких трехперсток в пяти метрах от меня одна за другой вырываются три большие птицы — великолепный петух и две курицы.

Когда внутренне готовишься встретить мелких птиц, а неожиданно появляются другие, крупные, переключиться бывает трудно. Веду за петухом, отпускаю метров на двадцать пять, стреляю «восьмеркой» (заряжено на трехперсток), перья падают, но петух летит дальше. После второго выстрела петух падает. Подбегаю. На земле — только несколько перышек, а петуха и след простыл.

Осматриваюсь вокруг — короткое кукурузное жнивье. Петуха не видно. Перезаряжаю ружье. Отмечаю место падения птицы рюкзаком и начинаю медленно ходить все расширяющимися кругами.

Вот я уже от рюкзака ушел метров на семьдесят. Возвращаюсь к нему и начинаю кружить снова.

..Нашел я его под кустом сухой травы, всего метрах в двадцати от рюкзака.

Как же я не замечал его раньше? Огромная яркая птица. И так прячется!

Еще секунда — и петух, прихрамывая, но с приличной скоростью мчится прочь. Стреляю. Мажу. Стреляю. Мажу.

И тут петух исчез. Как сквозь землю провалился.

Начинаю снова искать. Хожу минут десять-пятнадцать. Петуха нет. Рядом заросли сухой травы. Топчу ее ногами — петуха нет.

Ну, думаю, он должен быть все-таки здесь. Больше спрятаться негде. И вдруг петух вскакивает рядом со мной и вновь мчится прочь. Бросаю ружье. И — за ним. Прыжок, другой — неудачно. Еще прыжок — и петух подо мной.

Осторожно беру его в руки. Сердце у меня готово выскочить из груди. У него — тоже. Но петух — в моих руках. Ощупываю. Совершенно не вырывается. Перебиты нога и крыло. Но так вроде бы весь цел.

Трудно же было одомашнить этих строптивцев!

Надо признаться, что нам часто приходилось обращаться к банар за помощью. Что можно сделать без знающих людей в джунглях? Мы ходили с банар на охоту. Всякий раз они заставляли нас раздеваться и ходить босиком, чтобы по-настоящему услышать и увидеть жизнь леса. Узнавали, где и каких можно встретить птиц или зверей. Но некоторые виды, несмотря на все старания, увидеть не удавалось. Так было с рейнардией.

Рейнардия, роскошная фазановая птица, живет в самых глухих лесах Вьетнама и соседних — Лаоса и Кампучии. Она крупнее фазана, но мельче павлина. На голове — маленький

хохолок. Коричневое оперение расцвечено мелкими белыми пятнышками. Но главное — хвост. Он в четыре-пять раз длиннее самой птицы и составлен из десятка длиннющих, широких и каких-то невесомых перьев с необыкновенными глазчатыми серо-голубыми пятнами. Рейнардию видели, не считая банар, единицы лю-

дей во всем мире. В европейских зоопарках она была только однажды в прошлом веке.

Этих таинственных птиц, которых, по словам банар, было вокруг полно, мы никак не могли добыть. И, в конце концов, вынуждены были попросить местных, чтобы они поймали хоть одну птицу.

Ее принесли через день. Это был великолепный самец. Живой. Чистенький-чистенький. Без единого сломанного перышка. Самое удивительное, что характер у него оказался под стать банар. Подумать только, утром еще он разгуливал под пологом родного леса, а сейчас окружен людьми, но держится горделиво и спокойно. Никуда не рвется, не пытается убежать. Ему предложили мяса. Он начал есть. Насыпали вареного риса — поклевал и его. Как будто его вырастили на какой-то рейнардиевой ферме!

Воистину убеждаешься, что самое прекрасное в мире уверено в своем великолепии и совершенстве. Всегда, во все века, у всех народов и, оказывается, у животных.

Один банар занимался делами на большой поляне, недалеко от реки Конг. Неожиданно он увидел, что на него несутся три слона, появившиеся из-за деревьев. Он едва успел залезть на ближайшее высокое раскидистое дерево, растущее на краю поляны. Сколько слоны ни буйствовали внизу, ничего поделаться с деревом не могли. Но и не уходили. Прошла ночь. Утром терпение банар кончилось. К счастью, у него был автомат и двух слонов он застрелил. Третьему удалось убежать. Банар из ближайших поселений разобрал мясо слонов, а кости остались на поляне.

Услышав эту историю, мы решили отправиться на место происшествия,

Животных здесь любят не меньше, чем детей.

Рейнардия — мечта всех орнитологов.

Многопятнистая бойга — ночная ядовитая древесная змея.

Тяюн с внуком возвратились с рыбалки.

надеясь взять для коллекции хотя бы один череп настоящего дикого индийского слона.

В сопровождении вьетнамских коллег мы удалились километров на десять от стационара и наткнулись на охотничью тропу. Стрелы были спущены, но не убраны, о чем говорили воткнутые палочки. Все самострелы тщательно скрыты, хотя особой маскировки они и не требовали. Стояли через каждые десять-пятнадцать метров в таких местах, где, например, тропинка была зажата стенами колючек, или в развилке стволов, или у крупных, упавших поперек деревьев, или среди вывороченных корней.

Копьеметалки устраиваются просто: расщепленный бамбуковый ствол закрепляется одним концом в корнях или между стволами деревьев, а другой конец как пружина отводится на метр-полтора. В нем укрепляется копьё, от которого идет лиана — сторожок поперек тропы. Концы копий темные от яда.

Чтобы добраться до поляны, где были убиты слоны, нам пришлось преодолеть речку Конг. Был сухой сезон, и переправиться на другой берег оказалось совсем несложно. У самой кромки воды ковырялись старик и мальчик банар. Я никак не мог понять, что же они делают. Старик иногда что-то объяснял мальчику.

Мне стало интересно, я подошел и увидел оригинальные самоловы на рыбу. Упругий двух-трехметровый прут втыкался толстым концом в песок и подпирался в нижней трети двумя рогульками. От сильно напружиненного тонкого конца в воду шла леска из растительных волокон. На конце лески — костяной крючок на крупную рыбу. На крючок насаживался небольшой круглый плод. На мелком месте, глубиной в двадцать-тридцать сантиметров, крючок закреплялся на дне сторожком. Самолов был рассчитан так, чтобы рыба, взявшая приманку, выбрасывалась напружиненным удилищем на берег.

Вскоре мы без особых трудностей нашли нужную нам поляну. Уже на подходе нам попадались старые засохшие лепешки слоновьего помета. А временами наплывал характерный запах слоновника. Банар говорят, что слоны каждый год приходят в этот район из горных лесов на западе во время сезона дождей.

Но вот сколько мы ни искали, черепов на поляне не было. Остались только громадные разбросанные на большой площади кости конечностей. По всей видимости, пока мы собирались сюда, черепа сгрызли многочисленные крысы и дикобразы, а может, унесли для своих домашних коллекций и сами банар.

Анке — Ханой

Каждую неделю крестьянин Чоудри Ибрагим запрягал в повозку пару волов и отправлялся из деревни Мехбудабад в Карачи за своим сыном Сардаром, гордостью и надеждой семьи, которого удалось устроить в городскую школу. В тот день неожиданные дела задержали Ибрагима. Мальчик больше часа прождал у школьных ворот, а потом решил идти домой пешком. В школе ребят не раз предупреждали, что нужно остерегаться харкаров — бандитов, похищающих детей. Но Сардар считал, что он уже не маленький, как-никак учится в третьем классе и сумеет постоять за себя. Да и что могло случиться средь бела дня, если до деревни каких-то десять километров?

Мальчик подходил к окраине Карачи, когда возле него притормозил молодой парень на велосипеде. Поинтересовавшись, куда направляется Сардар, он предложил подвезти: ему по дороге, а вдвоем веселее. Остались позади последние дома, и тут спустилась шина. Едва седоки спешились, как велосипедист прижал к лицу мальчика смоченный чем-то пахучим платок. Тот пытался вырваться, но потерял сознание.

«Когда я очнулся, был уже вечер. В быстро сгущающихся сумерках кое-как разглядел, что нахожусь на крошечной полянке, окруженной густыми зарослями. Рядом со мной стоял мой похититель. Я невольно подумал об отце, матери, сестрах, напрасно ждущих меня, и из глаз полились слезы. Тогда парень вытащил нож и, приставив лезвие к моему горлу, прорычал, что, если не перестану реветь, он прикончит меня. В ужасе я смолк. Похититель дал кусок чапати. Как только я проглотил последние крошки, он опять пустил в ход проклятый платок. Дышать стало нечем, в глазах потемнело.

На следующее утро всех доставленных накануне заставили лечь на джутовый мешок. Видимо, пока был без сознания, меня перевезли на новое место. Неподдалеку сидел коренастый мужчина. Его звали Шер Афзал. Он пощупал мускулы на руках и ногах, что-то недовольно пробурчал, а затем приказал пробежать десять кругов. На пятом я свалился. В конце концов Шер Афзал согласился купить меня за 1600 рупий.

На следующее утро всех доставленных накануне заставили лечь на землю, руки и ноги привязали к столбам и раскаленным железом выжгли на икрах клеймо — силуэт тигра. Во время этой пытки мы бились в судорогах от страшной, помрачающей рассудок боли, но палачи не обращали внимания. Новичков распределили по разным группам. Ночевали мы в ямах, прикрытых сверху навесами из листьев. На ноги надевали кандалы, через которые пропускали длинную

Осенью 1959 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию прав ребенка, в которой записано: «Ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации». С тех пор прошло тридцать лет. Однако и по сей день ежегодно во всем мире похищают или продают более миллиона детей.

БЕРЕГИСЬ ХАРКАРОВ

цепь, крепившуюся к железным стойкам.

Каждый день привозили новые партии ребят, которых ждала та же участь. Перед сном мы рассказывали друг другу о себе, о своих семьях, заучивали адреса товарищей, чтобы в случае, если кому-то удастся бежать, он мог бы сообщить родным, где нас искать. Только надежды на успешный побег было мало: ночью сковывали в цепи, а днем не спускала глаз стража.

В лагере харкаров, куда попал Сардар, уже находилось около 150 детей разного возраста. Через несколько дней всех загнали в грузовики с высокими бортами, вдоль которых поставили ослов, чтобы скрыть пленников от посторонних взглядов. Кроме того, в кузовах сидели по два конвоира с оружием. Машины ни разу не остановились, пока не доставили «команду» в окрестности города Чиниота. Там ребят заставили дробить щебень в каменоломне. Во время работы вокруг выставлялась охрана. В случае внезапного появления чужого человека подавался условный сигнал. Услышав его, все должны были разбежаться и прятаться в ямах. Даже ничтожное отступление от этого правила влекло суровое наказание.

На третий год пребывания Сардара в рабстве невольников с теми же предосторожностями перевезли в Паттоки. Снова они дробили камень и рыли каналы. Однажды в лагере поднялась тревога: сбежал один из пленников. Всех обитателей немедленно посадили в грузовики, постоянно стоявшие наготове, и отправили в Банну, где находилась главная база харкаров.

«Здесь мы встретили большую группу недавно похищенных детей, а также ребят из других лагерей, — рассказывает Сардар. — Четверых наших товарищей не успели увезти из Паттоки вместе с нами. Они появились в Банну лишь через неделю и поведали, что произошло после нашего отъезда. Беглецу удалось добраться до ближайшей деревни. Он сообщил старосте о «невольничьем лагере», и тот решил попробовать освободить малолетних узников. Три дня шла перестрелка между жителями деревни и бандитами. С обеих сторон было немало убитых. Лишь на четвертый день прибыла полиция. Мальчик, который привел крестьян, повторил свой рассказ и им. Харкары все отрицали. Мальчик же настаивал, что его слова — сущая правда. Тогда один из харкаров прямо на глазах полицейских разрядил в него свой кольт. Позднее мы узнали, что харкары подкупили полицейских.

Дни шли за днями. Когда я подрос и окреп, Шер Афзал продал меня за 2200 рупий богатому дельцу Яхья Хану. Вместе со мной к нему попали и многие мои товарищи по несчастью. Новый хозяин везде имел своих людей, поддерживал деловые кон-

такты с крупными подрядчиками. Нам было ясно, что власти знают о существовании лагерей для малолетних невольников, но предпочитают «не замечать» их. За это харкары щедро платили местным чиновникам и полицейским.

От смены хозяев наше положение не изменилось. Мы опять дробили камень, из которого в городах строились красивые дома для богатей. Работали с рассвета до заката. Лето ли, зима ли — спали в ямах, скованные цепями. Потом лагерь перевели на новое место — к подошве холма в Ландикотале. Там нас поселили в пещере, вход в которую закрывали массивные ворота. Когда один из наших товарищей ослаб и не мог больше выполнять дневную норму, его положили на спину, ноги крепко стянули мокрой веревкой и оставили лежать под палищим солнцем. Веревку регулярно поливали водой, чтобы сильнее врезалась в тело. Мальчик плакал, молил о пощаде, но все было тщетно. Палачи изуродовали ему ноги. Потом раскаленным прутом несчастному выжгли глаза: ведь слепому калеке щедрее подают милостыню. У меня в ушах до сих пор звучат его вопли. Но земля не содрогнулась, и небеса не разверзлись, видя и слыша его мучения. Мы дрожали от ужаса, а бандиты хохотали.

Чтобы сохранить себе жизнь, нужно было работать и работать, несмотря на слабость и болезни. Таков был преподаанный нам урок. Впредь никто не осмеливался жаловаться на недомогание, даже если едва ковылял, а за ужином не мог поднести ложку ко рту. Умерших закапывали в лесу. Мало-помалу мы превращались в животных, наш разум угасал, а мечты о свободе становились призрачными. Многие смирились с мыслью, что навсегда останутся в рабстве у харкаров».

По словам Сардара, бандиты никогда не боялись. Как-то раз они похитили даже сына одного пенджабского заминдара, когда тот ехал в школу. Эту «операцию» провел известный своей жестокостью харкар по имени Нисар Шах, поставивший рабов Яхья Хану и Джумма Хану. Его логово находилось на кладбище в Шейхупуре, которое превратилось в транзитный пункт для маленьких пленников. Нисар Шах со своим подручным Шах Боди рыскал по всей стране, выслеживая новые жертвы. Маленькие придорожные гостиницы служили харкарам явочными квартирами, где на время прятали «живой товар». В банду входили городские таксисты, помогавшие хватать детей прямо на улицах. В конце концов Нисар Шаха и его подручного арестовали, судили и приговорили к смертной казни. Однако их покровители Яхья Хан и Джумма Хан сумели спасти обоих от виселицы.

«Потом хозяева заключили контракт на строительство дамбы в районе Таунса, и всех нас с обычными предосторожностями перевели на

новое место. Теперь в лагере было больше восьмисот человек. Дамба была уже почти готова, когда начались дожди. Работать стало опасно, но мы с утра до ночи таскали камни, укрепляя многометровую насыпь. Однажды ее все-таки прорвало, и потоки воды унесли трех ребят. Одному удалось спастись. Он добрался до полицейского поста в Музаффаргархе и добился, чтобы начальство выслало его.

Вскоре прибывшие полицейские подразделения окружили наш лагерь. Через громкоговоритель бандитам предложили сдаться. Но у них были осведомители среди полицейских, так что большинство обитателей лагеря харкары успели отправить на грузовиках в Бара. Лишь 16 девочек и 40 мальчиков, в число которых попал и я, а также несколько бандитов, включая схваченного на месте Яхья Хана, привезли в полицейский участок. Впервые за прошедшие годы мы ели свежий хлеб и «дал» — вареный горох со специями. От радости, что наконец-то вырвались из ада, некоторые плакали. Каждый надеялся скоро увидеть своих родных и близких, — вспоминает Сардар. — Вдруг к участку подкатила черная машина, в которой сидел Джумма Хан. Мы умоляли полицейских арестовать бандита, но нас никто не стал и слушать. Их начальник почтительно поздоровался с приехавшим, а затем вступил с ним в беседу. О чем они говорили, я не знаю, зато видел, как оба на том же черном автомобиле отправились домой к одному из старших офицеров полиции.

Туда же в сопровождении полицейских доставили и нас. Там мы рассказали обо всем: о похищении, каторжной работе, побоях и издевательствах. В ответ Джумма Хан достал ворох бумаг с отпечатками наших пальцев, заявив, что мы должны ему много денег, а посему всех следует вернуть обратно. Мы говорили, что бандиты силой заставляли ставить эти отпечатки, но полицейские не хотели верить нам. Потом Джумма Хану надоело слушать. Он приказал мне и еще двум мальчикам следовать за ним. Полицейский офицер кивнул, подтверждая, что мы должны повиноваться. Что оставалось делать? Дрожа от страха, мы вышли на улицу. Там Джумма Хан открыл багажник своей машины, в котором лежал туго набитый мешок. Бандит распорядился внести его в дом, где, кроме офицера, присутствовало еще четверо полицейских. Улыбаясь, Джумма Хан велел моему другу Икбалу развязать мешок. На пол посыпались рупии, много тысяч рупий.

— Забирай деньги и верни мне моих людей, — предложил харкар офицеру.

Нас отвезли обратно в полицейский участок. На следующий день в руки к нам попала газета, где были напечатаны наши фотографии. Когда во двор вошел констебль вместе с Джумма Ханом, Икбал показал на подпись

под фотографиями, в которой говорилось, что эти дети возвращены родителям. Очевидно, готовилась какая-то грязная сделка. Поэтому мы потребовали объяснить, что все это значит. В ответ констебль приказал собираться, чтобы в сопровождении Джумма Хана следовать обратно в лагерь.

Не выдержав, Икбал бросился на полицейского. Короткая схватка, выстрел — мой друг упал бездыханный. Подошли грузовики, и нам приказали лезть в кузов. Шестеро мальчиков отказались. Тогда прямо на территории полицейского участка Джумма Хан и Яхья Хан, которого полиция освободила, перестреляли их. Остальных погрузили и отвезли в Бара».

После всего происшедшего Сардар понял: если он хочет обрести свободу, рассчитывать нужно только на себя. Для начала пленник решил завоевать расположение харкаров, при каждом удобном случае старался услужить им. Такое примерное поведение не осталось незамеченным. Однажды Сардара вызвал к себе Джумма Хан и сказал, что хочет купить его и сделать пастухом. Со слезами на глазах подросток принял благодарить «благодетеля». Через два дня он приступил к новым обязанностям — вместе с четырьмя харкарами стал пасты стадо ослов. Как-то раз, когда они гнали скотину на пастбище, Сардар оказался наедине с одним из харкаров. Трое других ушли далеко вперед.

«Улучив момент, я кинулся на моего стражника, сильно ударил его головой в живот, сбил с ног и бросился бежать, — рассказывает Сардар. — Встречавшиеся на пути деревни обходили стороной. Крестьяне все равно защитить не смогут, а обращаться к полицейским бесполезно. Они наверняка вернут обратно, рассчитывая на щедрое вознаграждение. Когда я подошел к Наушаре, решил зайти в город. Подумал, что уж там-то харкары не осмелятся схватить меня. В этом была моя ошибка. На окраине возле дороги сидели в засаде люди Джумма Хана. Так я опять распросился с надеждой увидеть отца, мать, сестер.

В лагере мне пришлось дорого заплатить за побег. Не могу описать, какие муки я пережил. Придя в себя на следующее утро, увидел, что лежу в луже крови. Есть не давали, но товарищи тайком делились своей скудной едой. На работу меня не гоняли, зато избивали каждый день, чтобы запугать других. Однажды ночью я обнаружил, что тюремщики плохо закрыли замок, и сумел освободиться от цепей. Где бегом, а где ползком сквозь заросли колючего кустарника к утру добрался до ближайших армейских барakov. Там я попросил о помощи. Наконец пришла долгожданная свобода».

Такова трагическая история Сардара Ибрагима, рассказанная пакистанским журналом «Геральд».

Людмила БОГОСЛОВСКАЯ,
доктор биологических наук

Охотники Берцнгова пролива

Фото С. БОГОСЛОВСКОГО,
Б. ЗВОНОВА, Н. КОНЮХОВА,
Н. ПЕРОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СИРЕНИКИ

Едва наша байдара обогнула мыс Чукотский, Тимофей Панаугье сразу засомневался, сможем ли высадиться в Сирениках — вдоль всего южного берега гулял накат, а возле поселка не было от него защиты — ни лагуны, ни берегового изгиба. За мысом Столетия, оценив силу прибойной волны, наш капитан твердо уверился — высадка будет на грани возможного. Да и бензин кончается, а идти еще часа два.

Недалеко от дома стрелок Витя Миенков разрядил карабин в сторону скал, и сильное эхо, вспугнув множество птиц, покатило к поселку. Я догадалась — это способ известить людей в Сирениках, что кто-то идет к ним с моря и нуждается в помощи.

Показался родной берег, весь в пене наката, словно в белом огне. На берегу никого, кроме двух ребятишек, но Тима отдает приказ готовиться к высадке. Он уже принял решение — будем «выкидываться на моторе». Удерживая байдару поперек волны на

кормовом якоре и носовом конце, мы пойдем на моторе «до упора». Успех такой высадки во многом зависит от помощи встречающих, только где они?

Лицо Тимы становится отрешенным. В эти мгновения он один отвеча-

ет за жизнь пятерых людей и должен с честью привести байдару домой. Обычно тихий и застенчивый, сейчас он властно отдает распоряжения. Моторист Сергей Нанухтак бросит якорь, Витя — носовой конец, Коля Конюхов, наш орнитолог, поможет

Менгиры — священные камни эскимосов.

Зверобой из поселка Сиреники.

Очень редко удается сфотографировать вынырывающего серого кита. Белые пятна на его голове — ракушки, которыми обрастает животное.

Нанухтаку выдернуть мотор, а мое дело — сберець документы и полевые дневники от воды, если нас накроет волной или перевернет. Как всегда в трудные минуты, охотники невозмутимы, разговаривают мало.

Влажный воздух содрогается от ударов наката, кидającego на берег тысячетонные валы из воды и камней. Ребятишки заметили нас: один бежит в поселок, другой к берегу — принять конец. Из поселка по склону торопливо спускаются две фигурки взрослых. Успеют ли? Бензина осталось чуть-чуть.

Конец, привязанный к пых-пых — надутой нерпичьей шкуре-поплавку, — летит прямо под ноги подоспевших Николая Ранумая и Розы, верной жены Панаугье, всегда чувствующей приход мужа с моря. Подбегают еще люди, хватают конец, с силой упираются в песок, не давая прибойной волне перевернуть байдару. Нанухтак и Коля рывком вынимают мотор, успевая предупредить чирканье лопастей винта о гальку. Но якорь, брошенный мгновением раньше, не зацепил грунт, нашу лодку продолжает нести на берег, и, как ни стараются принявшие конец, они не могут выбрать и натянуть его. Тогда поразительно ловко, не выпуская румпеля, Тима поддегивает трос якоря, тот входит в грунт и тормозит наш полет.

Отраженная берегом волна высоко задрала нос байдары, но люди, успев выбрать слабинку, вцепились в конец намертво, да и Витя уже прыгнул в кипящую воду и всем телом повис на носу, стараясь удержать байдару от поворота бортом к волне. На помощь ему прыгают Нанухтак и Коля, крича и нам:

— Прыгайте! Прыгайте!

Мы с Тимой быстро выскакиваем из байдары, пока одна волна, перестукивая камнями, отхлынула, а другая с ревом надвигается, подхватив те же камни. Тима еще успевает схватить и сунуть кому-то мешок и бухту троса. Мы бежим, мутный вал догоняет нас на излете, бросает клоцья пены, швыряет камни, но, слава богу, мимо головы. Столкнувшись в воздухе, камни с грохотом разлетаются на мелкие куски, словно осколочные бомбы. Волна все-таки достала Тиму, он смеется:

— Хитрая! За пазуху мне залезла.

Разгрузка байдары начинается сразу, как только киль коснулся дна. Первым передают на берег мотор, самое ценное и самое тяжелое из груза. Увертываясь от воды и летящих камней, женщины и подростки перекидывают из рук в руки канистры из-под бензина, бачки от мотора, рюкзаки, свертки. По мере того, как байдары становятся легче, их подтаскивают и подтаскивают повыше на берег. Вот тяжелые вещи вынуты, и все, вцепившись в борта и подложив пых-пых под форштвень вместо катка, с криком «у-уп!» выдергивают байдару из воды, используя помощь больших волн.

Волочить тяжелогруженую байда-

ру по гальке нельзя — ее обшивка из «расколотой»¹ моржовой шкуры толщиной всего три-пять миллиметров может порваться об острые камни. На берегу вынимают мелочь и, повернув байдару набок, тщательно выколачивают маленьким веслом обшивку, чтобы не осталось случайно попавших под шпангоуты мелких камешков и песка. Потом охотники поднимают байдару на плечи и несут сушиться — недубленая кожа промокла и раскисла. Теперь обшивка должна основательно высохнуть, чтобы при ударе рукой или веслом зазвенеть как бубен. Только тогда можно снова идти в море.

На берегу собрался весь поселок. Помогая себе костылем, прискакал на одной ноге Андрей Анкалин, хозяин байдары. Анкалин был капитаном в первом нашем плавании 1981 года, а в этом не смог участвовать из-за сломанной ноги. Он услышал эхо выстрелов, приник к окну и, заметив нас, сразу заторопился на берег, чтобы хоть чем-то помочь.

Все радуются тому, что байдара из Сиреников впервые за много-много лет вновь побывала далеко на севере, в Беринговом проливе, у мысов Дежнева и Сердце-Камень, интересуются, как ее встречали в других поселках. Панаугье, Миенкова и Нанухтака окружают родные и уводят домой, мы с Колей идем в гостиницу. Пока байдара сохнет, отдыхаем два дня, а потом опять выходим в маршрут...

¹ Обычно шкуры для байдар «раскалывают», то есть расслаивают по толщине надвое специальным ножом. Этим искусством владеют немногие.

ЖИВУЩИЕ ЛИЦОМ К МОРЮ

За последнее десятилетие мы, трое зоологов из Москвы и трое эскимосов из поселка Сиреники, трижды отправлялись на байдаре в длительные плавания. Свыше пяти тысяч километров прошли мы путями древних морских охотников и вполне оценили их умение самым наивыгодным образом использовать свои охотничьи угодья. Наши спутники, эскимосы, были полноправными членами экспедиции. Благодаря им удалось провести цикл уникальных наблюдений за серыми китами и моржами, впервые описать все птичьи базары Чукотского полуострова. Вместе обследовали мы и старые поселки, в которых жилища — нылню — и святилища сложены из костей и черепов гренландских и серых китов.

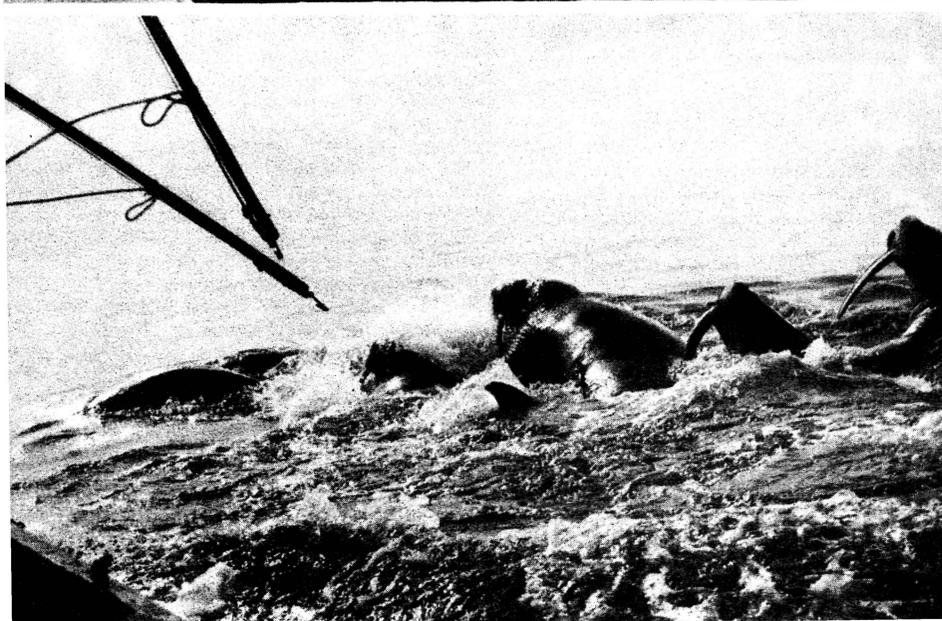
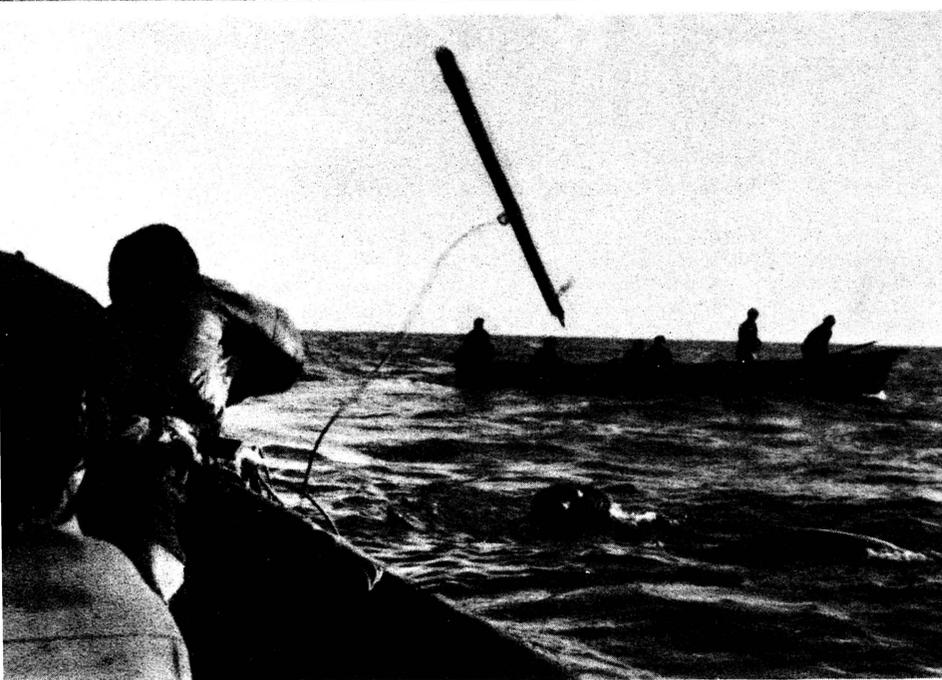
Подолгу живя на Чукотке, работая бок о бок с эскимосами, я многое узнала об этом народе, его прошлом и настоящем и много размышляла о его судьбе...

Существуют две большие общности эскимосских племен — юпик и инуит, расселенные от Берингова пролива до Гренландии. Принадлежащие к группе юпик азиатские, или сибирские, эскимосы являются одним из древнейших народов нашей страны — их предки появились в районе Берингова пролива, на Чукотском полуострове, несколько тысячелетий назад. Народ этот насчитывает сейчас около полутора тысяч человек. Американские эскимосы — их около 54 тысяч — живут на Аляске и в северных провинциях Канады.

Азиатские и американские эскимосы создали совершенно удивительную, неповторимую культуру охотников на морского зверя. Это культура самого северного народа мира, лицо которого обращено к морю.

...Береговая линия Чукотского полуострова молода, по разным оценкам ей от 10 до 40 тысяч лет. Море и теперь продолжает наступать на сушу, и очертания берегов заметно меняются даже на памяти одного поколения. Вот почему остатки большинства древнеэскимосских селений буквально висят над водой и непрерывно разрушаются штормами. На наших глазах обвалились последние землянки селища Кигинини, что на северо-восточной оконечности острова Аракамчечен; основательно разрушены Кивак, Уназик, Яндогай, Аван, все ближе и ближе подбирается море к развалинам Сингак, Имтук, Пуутын. Около сотни древних поселков на Чукотском полуострове, и ни один из них до сих пор не раскопан археологами! Не получилось бы так, как на острове Св. Лаврентия: эскимосы за деньги, наркотики и спиртное разрушают старые поселки, чтобы отдать перекупщикам уникальные предметы из кости, созданные их предками. Об этом с горечью рассказывал в одной из своих статей американский этнограф А. Кроуэлл. У нас же строят прямо на старых жилищах, например, в Сирениках, Инчоуне, Дорино. Множество старинных интереснейших поделок из моржовой и китовой кости расходуется

Идет охота на моржей.

по рукам, лишь единицы попадают в музей.

Еще высяты по берегам холмы, поросшие высокой и необычно зеленой для Чукотки травой. Черная земля перемешана в них с нерпичьими, моржовыми и китовыми костями, остатками китового уса. Все еще хорошо заметны издала выбеленные ветрами и солнцем столбы из огромных, до пяти-шести метров, челоустей гренландских китов; морские охотники ставили такие столбы возле своих святилищ. В этих местах люди постоянно находят костяные вещи разных эпох, и чаще всего встречаются наконецники поворотных гарпуну, среди которых самые старые и самые красивые — древнеберингоморские.

Поворотный гарпун — один из «элементов», на которых основана морская культура эскимосов. Два других — надувая нерпичья шкура-поплавок (пых-пых) и байдара (аньпик), кожаная лодка с деревянным каркасом, собранным на эластичных ременных связях. Эти изобретения, чей возраст, без сомнений, превышает два тысячелетия, определили всю историю эскимосов.

В начале второго тысячелетия нашей эры эскимосы Берингова пролива принимают свое последнее Великое Странствие: вдоль арктического побережья Северной Америки вплоть до Гренландии идут на байдарках, точно таких же, как современные. Легкие, удивительно остойчивые и маневренные байдары пережили суда викингов, русские ладьи и кочи, знаменитые кожаные лодки ирландцев, на которых, как доказал Тим Северин, жители Изумрудного Острова первыми в средневековой Европе добрались до Северной Америки.

Помню, как Тимофей Панаугье рассказывал мне легенду, объясняющую совершенство байдары:

— Байдару когда сделали, то потом улучшали, гоняясь за акмалигак, по-вашему, конюгой-крошкой. Построили — и не догнали. Разобрали, переделали — опять не догнали. Снова разбирали. И так много раз, пока не смогли догнать эту маленькую птичку...

Именно байдару я и выбрала, когда встал вопрос о маломерном судне для нашей экспедиции. На мое решение повлияло также мнение капитана китобойного судна «Звездный» Леонарда Вотрогова и капитана порта Провидения Владимира Беломестнова. Хорошо знающие особенности навигации в этих местах, они высоко оценивали мореходные качества байдары, созданной для высокоширотного плавания с внезапными штормами, непредсказуемыми подвижками ледяных полей и ураганными ветрами.

Готовясь к экспедиции, я слушала и слушала рассказы Людмилы Ивановны Аймана о своем народе. Аймана из рода лякагмит, одного из десяти родов племени уназигмит, или чаплинцев. Это самое большое племя азиатских эскимосов. До наших дней сохранились еще два племени — нывукагмит (наукапцы) и сигиньгмит (сирениковцы). Каждое племя говорит на своем диалекте эскимосского языка, но язык сирениковцев ныне практически исчез, им владеют лишь несколько старых людей; среднее поколение полностью перешло на чаплинский диалект, а молодежь везде

говорит по-русски. Аймана очень переживает утерю молодыми своего языка, ведь она не просто глубокий знаток культуры и традиций эскимосов, но еще и сотрудник Института национальных школ, автор, составитель и редактор многих книг для своего народа.

Вот что рассказывала мне Аймана: — Эскимосы никогда не прятались от моря, они селились не в глубине заливов и бухт, где спокойней, а у открытого моря, там, где ветры, течения и зимой разгоняют лед, где моржи и киты проходят близко к берегу, где неподалеку есть рыбная речка или лагуна и птичий базар. Если место было даже не слишком удобным для жилья, но добычливым, все равно селились. Вот Наукан — там жили на каменных кручах, люди Имтука питьевую воду носили на себе в кожаных мешках, из горных ручьев ее собирали, но не уходили. А в очень уж неудобные места прежде отселялись люди, которые плохо уживались с другими или сделали что-нибудь плохое.

Из моря вся жизнь наша. Нас, детей, с малых лет учили уважать море и берег. Нельзя было появляться на берегу в яркой одежде, например, в красной камлейке. Это отпугивало зверя. Из-за того же нельзя было кидать в море камни, оставлять мусор на берегу.

Мир у нас делится на море и тундру, и мы обозначаем все как «морское» и «тундровое». Вот и слово «там» есть свое для моря (сяма) и свое для тундры (пагантук). Скажут тебе, и сразу ясно, куда смотреть — в море или в тундру. Зря не надо головой вертеть.

Охотник всегда в ожидании зверя. Даже если по берегу просто идет, на море смотрит, все замечает. Всегда к морю лицом старается быть.

Пока лед не уйдет совсем, по пропавшим охотникам не полагаются плакать — они могли еще вернуться по льду. И нередко так бывало. Перед войной моего отца вместе со всей зверобойной бригадой унесло. Мы ждали-ждали, но вот уже и льда нет, и людей нет. Решили, погибли они. И вдруг летом пропавшие вернулись. Всю бригаду привезли охотники с американского острова Св. Лаврентия. Отец потом рассказывал: целый месяц их носило со льдом так, что они видели огни то родного поселка, то поселка на острове, но нигде не могли выбраться. «Паинитук» — специальное слово у нас, чаплинцев, извещающее о приходе вельботов с острова Св. Лаврентия. Этим словом и встретили тот вельбот, в котором наши были. С тех пор это особое для меня слово.

Ушедшие в море, как нитями, связаны с теми, кто остался на берегу. Поэтому береговым нужно правильно себя вести и, главное, ждать. Мы не садились ужинать, пока охотники с моря не вернутся. Старика наши сидели на специальных местах и смотрели, смотрели в море, чтобы дать

знак о возвращении. Весь поселок спешил на берег помочь пристать, вельботы вытаскивать, добычу встретить. Раньше жена добывшего встречала убитого зверя как гостя. Специальный обряд был. Потом добычу делили, одиноких стариков, сирот, бедных людей никогда не забывали. Хороший охотник кормил не только свою семью, но и многих, даже неродных.

ЧТОБЫ БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

Однажды во время плавания мы пережидали «плохой» ветер на мысе Халюскина. Эскимосы верят, что ветром можно управлять, однако главное — не испортить «хороший» ветер неправильными действиями. Еще совсем недавно его выпрашивали, заговаривали. Но прежде надо было сменить свой «грязный» рот на чистый, который, как пишет знаток эскимосского фольклора Е. Рубцова, по просьбе заговаривающего дает ему Небесная Старуха. Существовал специальный заговор для смены рта.

Вспоминаю, как в 1979 году я впервые попала в Сиреники и охотники не хотели брать меня в море, потому что могу принести «плохой» ветер, ведь я — человек, их морю неизвестный, да еще и женщина. Две недели приходила на берег, и две недели охотники, завидев меня, говорили, что погоды нет, а выходили в море, когда я, потеряв всякую надежду, возвращалась домой. И больше всего боялся меня Тимофей Панаугье, прославленный бригадир зверобоев. Припомнив, что в 1977 году то же самое проделывали со мной охотники чукотского поселка Янракинот, я решила, как и там, выступить в роли предсказательницы:

— Моржей добудут только две байдары — байдара Панаугье и та, которая возьмет меня!

Рискнул Алексей Ухтыкак, один из самых старших и опытных промысловиков. Однако первый стрелок его бригады, Николай Каваугье, тут же выскочил из байдары, сославшись на внезапный приступ радикулита. Место Каваугье нехотя занял второй стрелок Виктор Татыга, и все пять байдар вышли в море. На мое счастье, как и когда-то в Янракиноте, предсказание сбылось, и я перестала быть «неприкасаемой».

Ветры, течения, льды, туманы, шторма, приливы и отливы — все это и есть жизнь эскимосов, а самая ее сердцевина — морские звери, рыбы, птицы. Весь быт, культура, язык эскимосов пронизаны пониманием своей неразрывной связи с природой. Люди Берингова пролива считают, что добытый зверь приходит в гости к тому, кто первым увидел его, и, побывав у человека, опять уходит в море. Поэтому он должен иметь целые кости, а уж мясо на них нарастит сам. Сколько я ни наблюдала, разделка морского зверя всегда производится по естественным члене-

ниям, суставам. Костей не рубят, а черепа еще совсем недавно собирали в священные кучи и выкладывали в кругами.

Самые званные гости — гренландский кит и белый медведь. По представлениям эскимосов и береговых, или морских, чукчей, не каждому дано убить кита, лишь тому, кого любит море, то есть Морская Старуха. Удачливый охотник на китов пользовался известностью и почетом, им гордился его род, поселок. Рассказывают, что таким был Панаугье, отец Тимы. Охотник, убивший кита, старался принять и проводить гостя как можно лучше. Не угодишь киту — он больше не придет, поприветившись встреча — опять навестит твой дом. Обряды встречи и проводов кита различны у разных эскимосских племен и даже разных семей. На азиатской стороне Берингова пролива самым сложным и длительным был осенний праздник кита у эскимосов Наукана.

Эскимос, идущий в море, должен многое помнить. Мы давно уже полагаемся на книги и записи. Морские люди Русского Севера, поморы, вели семейные лоции, передавали их от отца к сыну, и каждое поколение заносило туда особенности навигации, свой трудный морской опыт. До нас дошли поморские лоции XVIII—XX веков. У эскимосов не было письменности, их лоции передавались изустно, в подробных рассказах отцов, дедов, бывалых людей поселка.

Устные лоции эскимосов, их особое чувство моря я по достоинству смогла оценить во время наших маршрутов на байдаре. Когда в 1981 году мы пришли из Сиреников в Новое Чаплино и сказали, что хотим обогнуть мыс Чаплина (обычное дело лет двадцать пять назад), все стали нас отговаривать, пугая мощным течением возле мыса, которое «нужно знать». Предлагали даже перевезти нашу байдару на грузовике прямо в одну из бухт пролива Сенявина, где сами чаплинцы постоянно держали свои вельботы. Мы отказались — наш капитан Андрей Анкалин решил обогнуть мыс, пользуясь советами стариков Чаплина. Гордость одного из лучших зверобоев Сиреников не позволяла ехать посуху. Подошли к мысу, Андрей весь подобрался, велел впередсмотрящему Вите Миенкову внимательно следить за силой течения и глубиной, поджал байдару к самому берегу (старик сказал, что обходить надо или под берегом, или далеко в море) и блестяще провел ее.

В 1985 году Тимофей Панаугье и Виктор Миенков провели байдару от Сиреников до мыса Сердце-Камень. У нас была морская карта, но они только раз взглянули на нее в самом начале пути, а ориентировались по тому, что помнили от деда, отца и по рассказам опытных охотников в тех поселках, куда мы приходили. В 1987 году таким же способом вел байдару старейшина сирениковских зверобоев Петр Тыпыхкак. Он даже поставил

своеобразный рекорд: впервые за много десятилетий байдара оторвалась от берега, прошла морем около 80 километров напрямик из бухты Пуутын до острова Ратманова и обогнула его. Пока мы шли, Тыпыхкак все поглядывал на Уэленские сопки — старый охотник из Наукана Асыколян предупредил еще в Сирениках: если над сопками будет облако, к острову лучше не идти.

Тыпыхкак поразил нас на обратном пути. Когда мы уходили с Ратманова, весь Берингов пролив и оба его берега, советский и американский, погрузились в плотный тяжелый туман. Видимость 10—15 метров, старенький шлюпочный компас безбожно врет. Направление на бухту Пуутын взмахом руки указал старпом пограничного сторожевика, и Тыпыхкак повел байдару. После пяти часов напряженного хода (боялись быть раздавленными каким-либо судном) байдара сквозь клубящийся туман вошла точно в горло бухты.

Но охотнику недостаточно хорошо чувствовать погоду, море и берег; он должен разбираться в повадках морских животных, уметь предугадать их поведение во время охоты — ведь голодный «проходной» морж возле Сиреников ведет себя совсем иначе, чем сытый его собрат вблизи Аракамчеченского лежбища. К тому же все морские звери Берингова пролива — великие странники. Дважды в год они кочуют с севера на юг и обратно, проходя много сотен, а то и тысяч километров, да и ежедневно непрерывно перемещаются, выискивая хорошие кормовые угодья.

Эскимосы считают, что звери, как и люди, — разные: добрые и жадные, смелые и трусливые; у них нет для каждого зверя образа-маски, как у нас (лиса всегда хитрая, волк всегда глупый и так далее). Волки, например, могут быть мудрыми, справедливыми судьями и, напротив, глупыми и жадными, которых легко побеждает не только ворон, высшее животное в мифологии эскимосов, но даже маленькая рыбка — бычок.

Очень уважительно относятся эскимосы к киту-косатке, считая ее мужчиной-охотником. Приметив в море косаток, рулевой байдары сыплет им чай, табак. Зверобой видит в них своих помощников: появление косаток пугает моржей, которые выскакивают из воды, стараются держаться на плаву и становятся легкой добычей стрелков. Сходные даже в деталях способы охоты волков и косаток породили представление о том, что два этих животных, в сущности, одно и то же: зимой косатка превращается в волка, а летом снова надевает свою шкуру. Верили, что оба зверя — это человек в другом одеянии. На косаток не охотились. Мне известны пожилые эскимосы, у которых никогда рука не поднялась и на волка.

Каждый год откладывает в памяти охотника свои особенности погоды, поведения зверей, их распределения в море и бухтах. По всем этим призна-

кам он складывает промысловую картину года, которая поможет принять правильное решение, если условия в какой-то степени повторятся. Ловко и согласованно работают морские охотники. Каждый досконально знает свою роль на байдаре или вельботе; зверобой чувствуют друг друга спиной, по взгляду и жесту товарища понимают, что ему надо помочь, и все беспрекословно подчиняются рулевому, самому опытному человеку в команде.

Охота доставляет эскимосам, как и другим охотничьим народам, самое большое удовольствие, она и есть их настоящая жизнь. Эти люди живут не для того, чтобы «производить», «выполнять план» и «покорять природу», а для того, чтобы быть самими собой, сохранить свои обычаи, свой взгляд на мир, свою общинную спаянность, редкие по нынешним временам качества.

ЖЕНЩИНА НЕ РОЖДАЕТ ОХОТНИКА

Эскимосы всегда жили небольшими селениями, лишь центры китобойного промысла, такие, как Наукан, Уназик (Старое Чаплино), Кивак, Аван, Сиреники, объединяли до 200—450 человек. Сейчас только Сиреники остались единственным древним (около двух тысяч лет) живым поселком, из остальных в 40—50-е годы жителей переселили вольем порядком. Приезжее начальство лучше эскимосов знало, где им жить и что делать. Вот и пропадают двести науканцев в выморочном районном центре Лаврентия, а остальные люди этого племени разбрелись по всей Восточной Чукотке. Еще стоят неподалеку от памятника-маяка Семену Дежневу челюсти гренландских китов, бывшие когда-то опорами байдарных суши Наукана. Еще видны тропинки, по которым смелые охотники возвращались с добычей домой. Еще живы старики, помнящие все тонкости охоты в самом горле Берингова пролива, но уходят они один за другим и некому передать секреты — их дети в большинстве своем уже не охотятся, а покупают мороженую говядину и тушенку. Постепенно забывают они вкус бульона с морской капустой, да и где соберешь ее в Лаврентия или Анадыре?

Молодые охотники приходят сегодня на берег сначала после школы, перед армией, окончательно — после нее, в 20 лет, а это все равно, что в такие годы начинать учиться классическому балету. Вот и нарушают ребята даже основные заповеди: бить зверя только наверняка, не стрелять в сторону поселка и поверг голов команды идущей впереди байдары или вельбота. Раньше мальчиков тренировали их, развивая силу, ловкость и смекалку. Тимофей Панаугье вспоминает:

— На детей никогда не кричали и

много им на словах не объясняли, а показывали, старались, чтобы они работали вместе со взрослыми. Если ребята проходили мимо работающих, обязательно должны были помочь. Сызмала постоянно упражнялись. Бегали с камнями с берега в гору. Двигались не шагом, а бегом, чтобы все время тренировать ноги. Иногда ночью старший будил молодого, заставлял бежать, а сам палкой в спину упирается и кричит: «Быстрее! Быстрее!» Хорошо подготовленный молодой охотник бежал так, чтобы не чувствовать палки, да еще чтобы старший запыхался и отстал. Много соревнований устраивали, очень любили состязаться. Не пили тогда, ели свою еду, а не макароны. Очень здоровые были.

Старый зверобой Владимир Тагитук так говорил мне:

— Женщина не рождает охотника.

Единственное место, где остался в нашей стране китобойный промысел, — Чукотка. Серых китов добывает для коренного населения китобойное судно, а местные жители уже вытаскивают тушу животного и разделяют.

Мантак — кожа кита со слоем жира — любимое лакомство морских охотников.

Его надо воспитывать в море с малых лет. Хорошо, когда есть отец или дядя, ходящие в море, они все покажут. Отец и сыновья и на берегу, и в море вместе. Вот и получается у них вся жизнь для охоты. Думаю, правильно так жить.

Ругать за промахи, давать непрошенные советы совершенно не принято. Обладающие чувством собственного достоинства, уважающие себя, эскимосы уважают и личность другого человека, умеют быть выдержанными в любых, самых острых ситуациях. Однажды во время охоты, в самый напряженный момент, когда первый и второй стрелки уже занесли гарпуны, напряглись, приготовившись к броску, вдруг вырубился мотор. Все байдары крутятся вокруг моржей, а наша застыла... Стрелки спокойно кладут гарпуны на место, закуривают, смотрят, как охотятся другие, с юмором комментируют их действия. Рулевой расслабляется, но с моржей глаз не спускает — мотор может завестись в любую минуту, и тут же надо мчаться продолжать охоту. Моторист один копается в моторе, ему помогут, только если он попросит.

Во время охоты говорят мало и только по-эскимоски — в русском

языке нет нужных охотничьих терминов, на нем толково и быстро не объяснишь, что где происходит. Вот несколько примеров:

акылюграк — морж, плывущий без определенного направления;

аргугак — морж, плывущий в заднем или южном направлении;

аругак — морж в море в неподвижном состоянии во время еды;

манилгук — стадо моржей, плывущее к берегу;

путукак — морж, плывущий или спящий в воде так, что голова в воде, а над водой только спина.

Но, пожалуй, лучше всего о своем языке сказал зверобой Николай Прохоров:

— Очень трудно на охоте с молодыми, выросшими не в семье, а в интернате и не знающими нашего языка. У нас вся охота по-эскимосски идет. Я, как только в байдару прыгаю, сразу думаю по-эскимосски. По-русски трудно думать о нашей охоте.

Разрыв между старшими поколениями и молодежью очень велик и продолжает расти. Прежде всего это результат интернатского воспитания, школьных программ. Дети несколько лет изучают историю многих народов Запада и Востока, историю России, Украины, Кавказа, но только не свою

собственную. То же самое на уроках литературы. Пушкин, Гоголь, Толстой — это хорошо, но где богатейший фольклор, где удивительные мифы самих эскимосов? Приезжие учителя в большинстве своем твердо уверены, что их миссия — нести «отсталым и диким» народам Чукотки (Сибири, Дальнего Востока) свет европейской цивилизации. И несут, да так, что зачастую калечат духовный мир детей.

О разрушении традиций, сложной, нередко трагической судьбе эскимосской молодежи мы много говорили с Кукильгином, опытным зверобоем, одним из самых тонких знатоков строительства байдары.

— Наши молодые не в ладах с нами, — размышлял Кукильгин. — Считают нас отсталыми, а сами не уверены в себе, не знают, кто они: образование как у приезжих, а только те в свои дела не очень-то их пускают. У нас мало классов, мы с детских лет охотники, свой язык знаем, предков уважаем. Они школу кончают, много классов, но не охотились изо дня в день вместе с отцами. И вот вроде грамотные, а навыка в нашем деле нет, и не будут они хорошими охотниками. Они совсем другие, чем мы. Удержу ни в чем не знают. Творят что хотят. Бедные!

Кратко и емко сказал о различии поколений Виктор Миенков:

— У нас вся жизнь в море, а у них — на берегу.

Весь мир молодых эскимосов, как и большинства современной молодежи, постепено замыкается на себя, сводится к отношениям друг с другом. Даже взаимодействия с природой начинают постепенно строиться, как с партнером, от которого надо что-то получить, желательно побыстрее и подешевле. Обычаи своего народа кажутся обветшавшей стариной. Не правда ли, через это прошли и мы, а теперь пожинаем горькие плоды презрения к традициям? Двести лет назад мудрый Жан-Жак Руссо заметил, что малейшее изменение обычаев, пусть даже выгодное в определенных отношениях, всегда идет во вред нравам, ибо «обычаи являются моралью народа, и как только он прекращает придерживаться их, у него остается лишь одно правило — его собственные страсти, лишь один тормос — законы».

Молодежь растет без глубокого интереса к культуре своих предков, необычной, во многом загадочной. Крайне мало известно о ритуальных

памятниках Берингова пролива. Китовая аллея на острове Ыттыгран; поля менгиров (священных камней, поставленных вертикально) — огромные на мысе Халюскина и острове Ратманова, поменьше возле каждого традиционного поселка; таинственные выкладки камней возле развалин Синтак; кольца из черепов серых китов по берегам Мечигменского залива — всего не перечислишь...

А множество праздников, общеплеменных и семейных? Вместе со старыми людьми уходят они, уходят пугающе быстро, унося с собой душевное тепло народа. Их не заменяют ребятам барабанный бой, повязывание красных галстуков, прием в комсомол — такое есть по всей стране. Чтобы азиатские эскимосы действительно остались народом, молодежь должна осознать свою национальную самобытность, суть которой — многовековая культура морской охоты. Нужно не дать оборваться этой культурной традиции...

Чуна Макинтайр из поселка Иик, мэр поселка Чивак Джон Пингайяк и его жена Тереза были первыми эскимосами Аляски, которые несколько лет назад приехали в СССР, чтобы увидеться с эскимосами Чукотки. Приехать-то они приехали, но на Чукотку их не пустили. Через год в нашу страну приехал большой коллектив самостоятельных фольклорных ансамблей «Музыканты Аляски в походе за мир», в его составе были три эскимосские группы. Много месяцев собирали они деньги для того, чтобы попасть на Чукотку. Их тоже не пустили туда. Но аляскинцы не сдались и решили: если не получается в Москве, надо строить мост через Берингов пролив.

В начале июня прошлого года в Москву позвонил знаменитый лингвист профессор Майкл Краусс, директор Центра по изучению языков коренного населения в городе Фэрбенксе. Он пригласил московских ученых, этнографов, социологов, биологов, работающих на Чукотке, на встречу аляскинских и советских эскимосов в бухте Провидения. Делегация Аляски, сообщил он, прилетит из города Ном, возглавит ее губернатор штата, в числе делегатов — сенатор штата и экс-губернатор Аляски, руководивший во время войны переброской самолетов из США в СССР по ленд-лизу.

...Мы с Айнаной стоим в большой

группе людей на аэродроме бухты Провидения и смотрим на быстро растущую серебристую точку. Через несколько минут Боинг-737 приземляется. Я держу Айнану под руку и чувствую, как она дрожит — в составе делегации должен быть ее брат. Айнана никогда не видела его. В конце прошлого — начале нашего века часть азиатских эскимосов, в основном чаплинцы, вынуждены были покинуть Чукотку из-за страшного голода. Сначала они поселились на острове Св. Лаврентия, затем некоторые перебрались в города и поселки Аляски. Переселенцы никогда не порывали связи со своей родиной, но сорок лет назад взаимные визиты были запрещены нашим правительством. Шли годы, рождались дети, внуки. Обе стороны пользовались каждой возможностью, чтобы узнать друг о друге. И вот — встреча!

Короткие формальности окончены, пассажиры начинают выходить. Напряжение достигает высшего предела — кто приехал? Выходит профессор Краусс и успокаивает Айнану: приехали все, кто хотел, даже едва передвигающиеся старушки, покинувшие Чаплино в молодости; приехал и брат Айнаны. Узнав его каким-то шестым чувством, Айнана бежит навстречу. Мы с Крауссом смотрим, как, прикинув друг к другу, они плачут от счастья и говорят, говорят. Переводчик не нужен — аляскинцы знают чаплинский диалект так, словно родились и выросли здесь.

Все разошлись по своим родным, живущим в Провидения или приехавшим специально на встречу. Ребята непрерывно просили своих родителей быть переводчиками и, пожалуй, впервые поняли, что надо знать свой язык. Потом собрались в Доме культуры, задавали друг другу вопросы, потом на сцену вышли танцоры и певцы Чаплина, среди них замечательный танцор Геннадий Каяк. Но и аляскинцы приехали со своими бубнами-ярарами... Концерт закончился общей пляской: на сцену поднимались и поднимались эскимосы, даже те, кто давным-давно уже не танцевал.

День счастья кончился. Самолет взлетел, взял курс на Чаплино, сделал над «своей родиной» прощальный круг и скоро растаял на горизонте... Мост через Берингов пролив построен, и, надо надеяться, он будет вечным.

Чукотский автономный округ

Читатели, вероятно, помнят, что в февральском номере нашего журнала шел разговор о многолетней экспедиции, цель которой — способствовать возрождению исконных средств транспорта народов Севера. Весной экспедиция должна была вновь работать на Чукотке.

Но, к сожалению, руководство Чукотского округа проसилось перенести наш прогон на 1990 год: как известно, весной этого года проходила экспедиция «Берингов мост». Тем не менее наша экспедиция не прервалась: ее маленькая научная группа все же работала по своей про-

рамме вместе с охотниками, имеющими упряжки собак.

Проблема возрождения традиционного природопользования народов Севера (транспорт — одна из ее граней, неразрывно связанная с экологией и сохранением культуры) достаточно сложна, и было бы резонно, пока есть время, обсудить ее вместе с вами, дорогие читатели, особенно читатели-северяне. Что вы ждете от экспедиции? Какие идеи можете предложить? Поделитесь своими мыслями и соображениями. Ждем ваших писем.

Нина КРЮКОВА

РОЖДЕННЫЕ В МОРЕ

— Пора! — сказала мужу Катя Багрянская, и они, покинув палатку, стали спускаться по скалистому склону.

Первые лучи солнца уже коснулись прибрежных вод, когда они вошли в море. Здесь, в скрытой от посторонних глаз бухте близ Судака, пока ничто не нарушало тишину. Море удерживало Катю в приятной невесомости. Присутствие самых близких людей успокаивало. И вот настал момент, когда человек родился, словно рыбка скользнув в море — легко и безболезненно, как в свою стихию. Но для новорожденной девочки она и

была своей. Ну а что мама?

Катя Багрянская потом рассказывала нам: «Под необъятным небом я чувствовала себя в тот час чуть ли не центром Вселенной. Казалось, сама природа принимала участие в том, что со мной происходило. Все для меня слилось воедино: и запахи моря, и плеск волн, и крики чаек, и медленно всплывающая с закрытыми глазами моя дочка. А пробуждающийся ветер настойчиво выводил: «Эээ... я...» Мы и назвали девочку Эя, как подсказало море».

Как только Эю извлекли из воды и опустили на пеленки в палатке,

на берегу, она начала ползать, а потом семь часов подряд плавала с мамой в море. Солнечные лучи и свежий ветер, насыщенный фитонцидами, заменили девочке всевозможных лекарственных «защитников», позволили детскому организму в первые часы жизни развиваться естественно. А ее мама уже на следующее утро без посторонней помощи поднялась к дому по узким тропинкам в скалах.

В древних мифах рассказывается, что некогда боги появлялись на свет в океане. Именно он и является, как

доказали ученые сегодня, первозданной колыбелью жизни. Из древних источников известно, что некогда в Египте, Мексике, Греции и люди появлялись на свет в море, озерах или реках.

И вот 25 лет назад выпускник Института физической культуры и спорта Игорь Чарковский сообщил профессорам и преподавателям о своих экспериментах, которые в то время французский еженедельник «Пари-матч» назвал «революционным методом русского акушера». Однако «антифизиологичным» и «опасным» охарактеризовал его журнал «Здоровье».

Нашлись у Чарковского и последователи. Член правления Всемирной организации здравоохранения Марсен Вагнер, посещавший не раз Советский Союз, рассказывал журналистам, что в клиниках Копенгагена уже есть специальные операционные, где новый человек может родиться в воде. Другой известный медик Мишель Одан в своей книге «Возрождение родов» пишет: «До сегодняшнего дня мы вообще не имели никаких сложностей с родами в воде. Никогда не надо было делать искусственное дыхание, вообще не было

никаких инфекций, никакой дополнительной помощи не надо было оказывать роженицам». Хотя доктор Кейт Рассел из Лос-Анджелеса утверждает, что «нет клинических данных, подтверждающих, что это лучше для ребенка».

Несмотря на научные споры, количество детей, родившихся в воде, неизменно растет. Мы знаем, что уже 25 лет назад на Каймановых островах так родился мальчик. Другой — на Багамах, в 250 милях южнее Майами: им оказался шестой ребенок в семье Кристины и Тома Колланан. «С тех пор, как у русского исследователя родился первый водный ребенок, — вспоминает Том, — были приняты сотни успешных водных родов. Акушеры обнаружили, что относительно безгравитационное окружение воды поддерживает мать во время родов. Это облегчает ей боли и снимает тревогу. Мягкое водное рождение не «пугает» и детей. Эти малыши не знают травм и потому быстро развиваются. Водные роды в сочетании с ежедневным обучением плаванию формируют более атлетических и красивых людей».

Эя Багрянская с первых дней жиз-

ни путешествует вместе с родителями. Папа и мама поочередно носили ее на груди в «сумке-кенгуру», и она смотрела на окружающий мир глазами всепонимающего человека. Помнится, именно поэтому, когда я увидела Эю, не решилась сказать ей «агу».

Как и многие другие рожденные в воде дети, Эя спала на воде, а кормила ее мать под водой, и девочка ежедневно многократно проныривала домашнюю ванну. В первые месяцы жизни она легко проплывала шестиметровый бассейн туда и обратно. Ее и сейчас ежедневно дважды обливают холодной водой, чтобы закалялась, не болела, не боялась сквозняков.

Такие дети воды чем-то неуловимо похожи друг на друга: улыбочивые и спокойные, даже надолго предоставленные сами себе, они почти не плачут, не беспокоят излишними капризами взрослых. В этом я каждый раз убеждаюсь, бывая на встречах с Чарковским. Увешанный с головы до ног младенцами, он обычно стоит посреди сцены и демонстрирует, как надо учить плавать малышей.

— Смотрите, как это делается, —

В нашей области катастрофически быстро гибнут леса, особенно вдоль рек Аксу, Арысь и др. Одной из причин является неправильное использование лесных богатств местным населением и равнодушие местных органов власти. Кроме того, в нашей области на реке Арысь намечено строительство крупного Березовского водохранилища, которое затопит обширный участок наиболее сохранившейся поймы реки. К сожалению, общественность относится к этому пассивно, а публикации в газете на эти темы крайне редки. Но ведь гибель этих зеленых оазисов посреди наших сухих степей — не только экологическая, но и эстетическая беда для жителей Южного Казахстана.

А. Гончаров,
г. Чимкент

Искренняя по переживанию за Байкал статья Ф. Штильмарка «Разумья на берегу Байкала» (1989, № 11). Но нет, на мой взгляд, в ней ответа на вопрос — с чего начинать? Помоему, начинать нужно с формирования экологического сознания людей, с их мировоззрения, с формулы мышления и действия. А вот именно на это мы даже не обращаем внимания.

Мы смотрим на природу и видим, что в ней все разрушено секирой логики и действий, и вроде бы хотим восстановить разрушенное, но сами поручаем это делать все тому же «палачу» с секирой, который ничего-то и делать не может, кроме как рубить.

Не видеть этого, не понимать и не говорить об этом не только печально, но и ведет к несчастью.

Говоря так, я как бы отвечаю Е. Шварцу, чья статья напечатана на 2-й странице обложки этого же номера. Я согласен со Шварцем, что нужно объединять усилия тех, кто за экологию. Что нужна какая-то программа конкретных мероприятий, нужна и какая-то теория, нужно всеобщее экологическое образование.

Я союзник «зеленых» со дня своего рождения. И лишь потому, что всей душой с природой, а не потому, что человечество устроило «экологическую катастрофу» и теперь должно как-то спасти ее.

А. Петренко,
г. Днепрпетровск

обращается к залу Чарковский.— Дети не ведают чувства страха перед водой. Надо только уловить момент, когда малыш рефлекторно затаивает дыхание.

Бултых, бултых — плюхаются они один за другим в стеклянный аквариум.

Может быть, детям, рожденным в воде, и в самом деле суждено будет составить ядро нового этноса, способного по-новому осваивать окружающий мир, обживать океан и космос. Кстати, об этом и мечтает Игорь Чар-

ковский. Давайте представим: новые поколения привыкнут к жизни в водной среде, люди станут осваивать морские просторы за счет своих выросших физических и психических способностей. А их проводниками в новый дом — океан станут дельфины. Более того, эти вольнолюбивые обитатели водной стихии повлияют и на поведение человека, научат свободно перемещаться в трехмерном пространстве, что, быть может, даст новый импульс... к развитию нашего интеллекта...

ЗА БРОНЕНОСЦАМИ

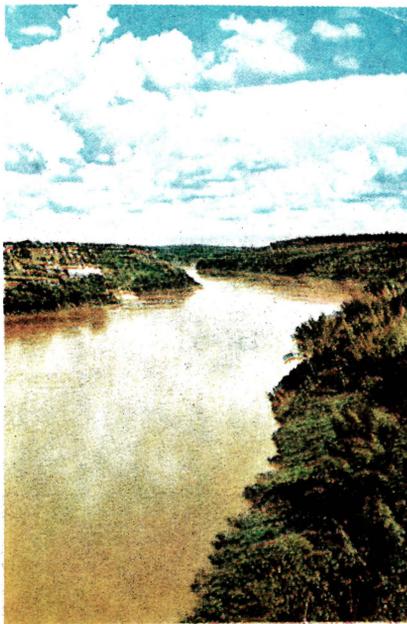
Когда мы с кинооператором Чарлзом Лейгусом собрались в Парагвай на поиски броненосцев, кое-кто из знакомых не скрывал удивления: неужели ради них стоит пускаться в столь далекое путешествие? Это недоумение мне понятно. Что обычно привлекает нас в животных? Великолепный наряд птиц, грация и скрытая сила крупных кошек, пугающая и вместе с тем завораживающая загадочность змей, заискивающая преданность собак, проказливый, сродни человеческому, интеллект обезьян — каждое из этих качеств снижало себе немало ревностных поклонников. Ничего подобного у броненосцев нет. Они не слишком красивы, и только глаза имеют удивительно трогательное выражение. Насколько мне известно, их нельзя обучить забавным трюкам (по правде говоря, я подозреваю, что броненосцы вообще не бог весть какого ума), поэтому милыми ручными зверушками они никогда не становятся. И все же в них есть изюминка, которую весьма приблизительно можно передать словами «чудной» или «диковинный».

В Европе нет ни одного зверя, хотя бы отдаленно напоминающего такие необычные существа, как кенгуру, гигантский муравьед, ленивец, броненосец. Ни по внешнему виду, ни по внутреннему строению они не похожи ни на одного из обитателей нашего континента. Это — последние представители себе подобных, оставшиеся от тех времен, когда большинства современных животных еще не было на земле. Их без преувеличения можно назвать диковинными.

Современные броненосцы как бы соединяют наш мир с доисторическим прошлым, и именно ощущением волнующей связи времен я могу объяснить свою страсть к этим животным. Не исключено, что до наших дней они дожили благодаря своему панцирю. Их можно считать весьма процветающим семейством неполнозубых с богатым разнообразием видов, от крошечного, не больше мышки, броненосца-пигмея, живущего в песках Аргентины, до полутораметрового гигантского броненосца, обитающего в амазонской сельве.

В Гайане нам с Чарлзом доводилось снимать и ловить ленивцев и муравьедов, но так и не удалось увидеть дикого броненосца. Так что все надежды возлагались на Парагвай. Когда по приезде туда нас спрашивали о цели

Главы из книги Д. Эттенборо «В тропики за животными», которая готовится к выходу в свет в издательстве «Мысль».

путешествия, я отвечал, не вдаваясь в подробности:

— Мы прибыли сюда на поиски тату.

Тату, как я полагал, означало «броненосец». Это не испанское слово, так называют броненосца на гуарани, который наравне с испанским считается официальным языком в Парагвае.

Реакцией на мой ответ всегда был взрыв хохота. Сначала я объяснял это тем, что человек, разыскивающий броненосцев, должен казаться парагвайцам фигурой в высшей степени комичной, но вскоре стал подозревать, что тут что-то не так. Когда же мой сакраментальный ответ довел старшего служащего Национального банка до пароксизма смеха, граничащего с истерикой, я решил, что пришло время самому обратиться за разъяснениями. Но он опередил меня, задав еще один вопрос:

— И каких же именно тату?

У меня и на это был готов ответ:

— Черных тату, волосатых тату, рыжих тату, гигантских тату, вообще все тату, какие только есть в Парагвае.

Моя тирада вызвала у служащего настоящие конвульсии. Я терпеливо ожидал возможности продолжить разговор. До этих злополучных вопросов мой собеседник казался мне человеком открытым, внимательным, к тому же он прекрасно владел английским. Немного придя в себя, он спросил:

— Может быть, вы имеете в виду животных?

Я утвердительно кивнул.

— Видите ли, — объяснил он, — на гуарани «тату» — это еще и не слишком приличное слово, означающее, ну, — он замялся, — ну, такую, знаете, молоденькую дамочку не слишком строгого поведения.

Тут до меня наконец дошла вся анекдотичность ситуации. В дальнейшем я отвечал на все вопросы о тату с видом записного шутника, и эта моя дежурная острова нередко помогала устанавливать непринужденные отношения с владельцами ранчо, таможенниками, крестьянами и индейцами.

В предыдущих совместных экспедициях нам с Чарлзом пришлось испытать немало всяческих неудобств. Нередко, чтобы отвлечься от мыслей о ломоте в ногах и пустоте в желудке, мы предавались мечтам об идеально организованной экспедиции, в которой роскошь полевых условий сочеталась бы со сказочными успехами в главном — сьемках и отлове диких животных.

На Новой Гвинее мы прошагали не одну сотню утомительнейших миль, разыскивая неуловимых райских птиц. К концу этого путешествия Чарлз категорически заявил, что, по его мнению, идеальная экспедиция должна быть прежде всего обеспечена механическими средствами передвижения. Во время плавания на Комодо, когда все наше меню состояло из отварного риса, я оговорил в проекте воображаемого предприятия особый пункт о передвижной кладовой со всевозможными консервированными деликатесами. На Калимантане, сидя в какой-то обветшалой горе-хижине и пытаясь спасти кассеты с пленкой от потоков дождя, мы единогласно решили, что без водонепроницаемого жилища нашей будущей идеальной экспедиции не обойтись.

В менее кризисных, но столь же безрадостных ситуациях мы, стараясь вернуть себе душевное равновесие, обсуждали подробности нашего утопического проекта. Я не мог отказать себе в удовольствии иметь неиссякаемый запас шоколада, а Чарлз ратовал за право спать в чем-нибудь таком, что гарантировало бы защиту от муравьев, многоножек, ос, комаров и прочих кусающих и жалящих насекомых. Мы с таким вдохновением отдавались своей мечте, что в конце концов буквально сроднились с ней, никогда не позволяя себе, однако, всерьез надеяться на ее осуществление. Велико же было наше изумление, когда, не успев еще как следует

осмотреться в Асунсьоне, мы получили от местного отделения британской мясопромышленной фирмы предложение, которое, казалось, превращало в реальность наши самые смелые фантазии.

Олицетворением этих грез стало девятиметровое дизельное судно, быстрое и вместительное, носившее имя «Кассель». Оно обладало такой малой осадкой, что могло без труда доставить нас со всем снаряжением и припасами вверх по мелким извилистым речкам в самые глухие дебри. Мы оформили сделку, боясь поверить в реальность происходящего.

До отплытия у нас оставалось три свободных дня, и мы решили посвятить их знакомству с народной музыкой, которая славится далеко за пределами Парагвая. Когда триста пятьдесят лет назад на этой земле появились первые испанские поселенцы и миссионеры-иезуиты, музыка индейцев гуарани ничем особенным не выделялась. Она была простой и монотонной, медленной и минорной. Миссионеры не только обратили гуарани в новую веру, но и познакомили их с европейскими музыкальными инструментами. Индейцы быстро научились ими пользоваться. Музыкальные от природы, они вскоре целиком отдались новому увлечению. Восп-

риняв тот или иной европейский танец — польку, галоп или вальс, — они привносили в него своеобразный ритм и в то же время какую-то южную негу. Индейцы стали изготавливать музыкальные инструменты сами. Гитару они оставили в прежнем виде, а из арфы сделали фактически новый инструмент — маленький и легкий. В отличие от европейской концертной арфы индейская модель не имеет педалей, поэтому на ней нельзя брать полутонов. Тем не менее этот инструмент обладает богатыми возможностями, и парагвайский арфист искусно использует их. Он не только виртуозный исполнитель, но и неистощимый импровизатор. Его пальцы скользят по струнам, рождая захватывающее глассандо и сохраняя при этом опьяняющий ритм.

Один из самых известных в Парагвае мастеров музыкальных инструментов жил в нескольких милях от Асунсьона, в маленькой деревушке Лике. Мы отправились к нему. Его небольшой дом был окружен благоухающей апельсиновой рощей. Сам хозяин сидел на рабочей скамье и неторопливыми мягкими движениями полировал какую-то деталь арфы. Позади него под крышей сарая расхаживали два ручных попугая, а в саду, на деревянной перекладине, сидел прирученный ястреб. Мы расположились под апельсиновыми деревьями, а жена мастера вынесла нам холодный тонизирующий чай мате. Пока напиток ходил по кругу, хозяин играл нам на гитаре, законченной им совсем недавно. С соседней фермы подошли двое подростков и тоже взяли гитары. Целый час они играли и пели. Их неподражаемые голоса звучали сладостно и вместе с тем мужественно. В них безошибочно можно было узнать голоса истинных парагвайцев. Одна мелодия сменяла другую, полную чарующих ритмов и синкоп. Парагвайские мелодии нежны, в них нет характерной для музыки соседней Бразилии порывистости, почти грубой дикости, привнесенной негритянской частью населения. Потом гитару передали мне, и старик попросил исполнить «уна кансьон ингlesa». И я исполнил, показав все, на что был способен.

Гитара, оказавшаяся у меня в руках, была великолепно сработана и обладала богатой и сочной тональностью. Не в силах сдержать свое восхищение, я спросил в максимально тактичной форме, нельзя ли купить эту гитару.

— Нет-нет, — ответил старик с такой горячностью, что на мгновение я испугался, что оскорбил его. — Я не могу позволить вам взять эту гитару, она не очень хорошая. Я сделаю вам другую, особую, и вы будете петь, как птица.

Когда через месяц мы вернулись в Асунсьон, гитара ожидала меня. Она была изготовлена из какого-то красивого парагвайского дерева, а на конце грифа старый мастер сделал инкру-

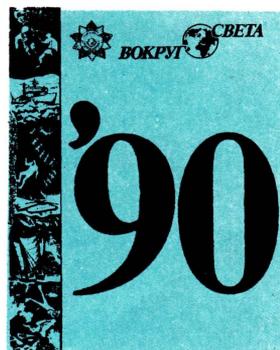
В 1990 году журнал «Вокруг света» традиционно предоставит свои страницы известным и пока не очень известным зарубежным путешественникам, исследователям, естествоиспытателям.

Вы познакомитесь с неопубликованными рассказами о животных западногерманского зоолога и писателя Бернхарда Гржимека.

Из новой книги прославленного путешественника и этнографа Тура Хейердала узнаете о его открытиях на острове Пасхи.

С Яте Тином и Ниной Расмуссен вы еще, конечно, не знакомы. Супруги из Дании вместе со своими малолетними детьми пересекли на двух мотоциклах Латинскую Америку, побывав в самых труднодоступных районах Амазонии и Кордильер, и написали ставшую популярной в Европе книгу. Журнал опубликует главы о самых интересных приключениях отважного семейства.

Чешские исследователи Рената и Ярослав Малинови собрали и проанализировали все известные доселе факты о космических пришельцах. Об этом журнал также расскажет в будущем году.

стацию из кости в виде моих инициалов.

Наконец наступил долгожданный день. «Кассель» покинул причалы Асунсьона и, рассекая коричневую воду, пошел вверх по широкой реке Парагвай, а мы стали обживать свой плавучий рай. Сначала мы разложили камеры и магнитофоны по полкам в просторных и абсолютно сухих стеновых шкафах каюты, потом забили камбуз пакетами супов и овощных гарниров, коробками шоколада, банками джема, мяса и фруктов в количестве, с трудом поддающемся исчислению. Вернувшись в каюту, мы завесили иллюминаторы противомоскитной сеткой, а я устроил над своей койкой небольшую библиотечку. Когда все было разложено, повешено и прибрано, Чарлз включил приемник, поймал Асунсьон, и наш сказочный дом наполнился призывными звуками гитары. Окруженные небывалым комфортом, мыплыли по направлению к величайшему на планете дождевому тропическому лесу, занимающему огромное пространство — от северо-восточной части Парагвая до бассейна Амазонки и Ориноко.

В состоянии эйфории от всей этой неправдоподобной роскоши я вышел на корму полюбоваться лодкой, которую «Кассель» вел на буксире. Она была оснащена тридцатипятисильным подвесным мотором, и мы почтительно нарекли ее катером. Мы уже представляли себе, как будем отправляться на нем за животными, а потом возвращаться на корабль, чтобы вкусно есть и сладко спать.

Кроме нас, на борту находились еще три человека. Нашим проводником и переводчиком был здоровенный темноволосый парагваец, бегло говоривший на испанском, английском и гуарани и, кроме того, знавший пару индейских языков. Звали его Сэнди Вуд. За свою жизнь он перепробовал немало занятий: рубил лес в верховьях той реки, к которой мы направлялись, был охотником и пастухом, а в настоящее время подрабатывал в качестве агента асунсьонского бюро путешествий. Он не только имел солидный лингвистический багаж и хорошо знал лес, но и

обладал уравновешенным характером — словом, во всех отношениях был для нас находкой.

Нам не сразу удалось разобраться в сложной иерархии отношений двух членов команды «Касселя». Стройный и жизнерадостный Гонсалес был повыше ростом и носил морскую фуражку. По его словам, он не только прекрасно разобрался во всех тонкостях навигационного искусства, но и не имел себе равных в умении обращаться с двигателем. А поскольку характер у него покладистый и непритязательный, наш новый приятель великодушно уступил своему компаньону честь называться капитаном, хотя, по правде говоря, утверждал Гонсалес, от капитана у того только и есть, что звание.

Обладатель капитанского звания был приземист и тучен. Он носил темные очки и огромную соломенную шляпу, похожую на колокол. Уголки сжатых губ были всегда опущены, а полумесяц рта выражал непреходящий пессимизм. Любое слово, замечание или вопрос вызывали у него неизменную реакцию: зловещее цыканье зубом.

До места, где мы собирались остановиться и поработать, надо было идти миль семьдесят пять вверх по реке Парагвай, а потом подниматься по одному из ее левых притоков — Жезуи-Гуасу. Мы надеялись за неделю добраться до самых верховьев, где жили только индейцы да с десяток лесорубов.

Первые несколько дней мы часами лежали на палубе и смотрели, как «Кассель» испаривает коричневую гладь реки или разрезает носом заросли водяного гиацинта-каamelота. Это плавучее растение имеет соцветия нежных розовато-лиловых тонов и широкие листья с объемистыми воздушными камерами у основания. Там, где скопления гиацинтов были особенно плотными, судну приходилось маневрировать, чтобы винт не запутался в массе переплетенных корней. Иногда на плавучих гиацинтовых островах дрейфовали птицы, чаще всего — цапли, в том числе и белые. Особое удовольствие доставляло нам наблюдение за яканами. Эти замечательные кулики с каштановым оперением грациозно вышагивали по широким округлым листьям camelота, лег-

ко опираясь на них своими длинными пальцами и высматривая рыбешек, укрывшихся в водяных зарослях. При нашем приближении яканы взлетали, и тогда были видны их желтые подкрылья. Они кружили над нами, болтая длинными ногами, а затем опять опускались на свои гиацинтовые островки, колыхавшиеся на дорожке за кормой.

...В то утро ничто не предвещало первого из выпавших на нашу долю испытаний. Сэнди сидел на юте, потягивая мате. Гонсалес, расположившись на короточках у двигателя, вдохновенно брэнчал на гитаре и громко распевал для собственного удовольствия, так как за шумом мотора никто не мог его слышать. Капитан был в рулевой рубке. Жара стояла адская. В поисках спасения от нее мы с Чарлзом пошли к себе и легли на койки.

Неожиданно мотор заглох. Наступившую непривычную тишину тут же нарушили пронзительные голоса Гонсалеса и капитана: члены команды явно о чем-то спорили. Выбравшись на палубу, мы увидели, как две диванные подушки и сиденье не спеша уплывают за кормой нашего судна. Катер исчез. Сэнди бесстрастно пояснил, что капитан только что заложил перед очерченной camelотовой клумбой такой крутой вираж, что катер перевернулся. Гонсалес, перегнувшись через борт, безуспешно дергал буксирный канат, вертикально уходивший в мутную воду. Капитан с оскорбленным видом восседал на своем троне перед рулевым колесом и громко цыкал зубом.

Полемика капитана с Гонсалесом обнаружила одну немаловажную деталь: ни тот, ни другой не умели плавать. Пока члены команды бросали друг другу выразительные упреки, мы с Чарлзом сбросили одежду и спустились за борт. Место оказалось неглубоким, но все же потребовалось без малого два часа, чтобы поднять катер, привести его в порядок, разыскать три бачка с горючим и сумку с инструментами. Тем временем река без помех уносила сиденье и подушки обратно к Асунсьону. Попытки догнать их успеха не имели. В итоге катер лишился немалой доли комфорта, а у нас с Чарлзом зародились сомнения в навигационном мастерстве капита-

Следующие три дня прошли без приключений. Мы доплыли до устья Жежуи и стали подниматься вверх по ней, задержавшись на часок в деревне Пуэрто-И, последней на нашем пути. Капитан, и без того неизменно пребывавший в мрачном настроении, теперь и вовсе впал в депрессию. Он впервые шел по этой неспокойной реке, и его, по-видимому, одолевали нехорошие предчувствия. На четвертый день, когда впереди показался крутой поворот, из-за которого стремительно выбегал пенящийся поток, капитан застопорил мотор с видом человека, принявшего окончательное решение. Он дал понять, что и так уже не раз рисковал, демонстрируя чудеса судовождения, но что теперь продолжать путь — чистейшее безумие.

В последовавших затем дебатах наш переводчик Сэнди проявил себя искусным дипломатом. Он решил доводить до сведения обеих сторон только те фрагменты дискуссии, которые имели непосредственное отношение к делу. По нашему мнению, поворот был действительно каверзным, но никак не роковым. Отступить и вернуться в Асунсьон, потратив впустую целую неделю, было немыслимо, а остаться здесь означало бы проститься с мечтой о охотке необыкновенных животных. Но капитан непоколебимо стоял на своем. Он мелодраматическим тоном заявил, что не желает умирать сам и не думает, чтобы этого хотелось нам. Но такой аргумент, разумеется, нас не убедил. В разгар спора какой-то захудалый баркасик с захлебывающимся мотором протачился мимо нас и как ни в чем не бывало скрылся за поворотом.

Увидев это, мы пришли в бешенство. Мы просто задыхались от бессильной ярости. Сэнди счел момент подходящим и благоразумно удалился подкрепиться очередной порцией mate. Без него спор волей-неволей сошел на нет.

Мы с Чарлзом последовали за Сэнди, чтобы обсудить ситуацию и найти какой-нибудь выход. Капитан вряд ли уступит, но можно попытаться воспользоваться полупутным транспортом. Ведь прошла же только что одна посудина, значит, не исключено, что пройдет и другая. Утешившись этой последней оставшейся нам надеждой, мы отужинали и отправились спать.

В полночь нас разбудил звук проходящего судна. Выскочив на палубу, мы стали кричать что было мочи, и оно подошло к нам. По счастью, Сэнди знал его капитана, маленького смуглого человека по имени Кейо. Минут десять они беседовали, светя фонариками то на катерок Кейо, то на «Кассель», то на лица друг друга. Мы с Чарлзом терпеливо ожидали, держась в стороне от освещенной арены переговоров.

Наконец Сэнди повернулся к нам и сообщил, что Кейо направляется к небольшой лесозаготовительной станции в верховьях Куругуати, притока

Жежуи, то есть именно туда, куда мы мечтали попасть. Но поскольку он уже вез трех пассажиров — лесорубов с их багажом, для нас места не было. Кейо соглашался взять только самое необходимое из нашего снаряжения и минимальный запас продуктов. Сами же мы могли бы пойти на нашем катере.

— А как мы вернемся? — промямлил я.

— Ну, точно этого никто не скажет, — беспечно ответил Сэнди. — Если вода там высокая, Кейо может и задержаться на несколько дней. Если нет, он вернется сразу же, и тогда вы можете застрять там недельки на три, а то и дольше.

Раздумывать было некогда — Кейо торопился. Будь что будет — решили мы, скрепили сделку авансом и быстро перегрузили свои вещи на его судно.

Спустя полчаса Кейо отбыл, увозя наши камеры и магнитофоны стоимостью в несколько тысяч фунтов. Мы наблюдали за удалявшимся желтым кормовым огнем, пока он не исчез во мраке, а затем вернулись на свои койки, уверяя друг друга, что не испытываем ни малейшего беспокойства относительно нового поворота событий.

На следующее утро мы с несколько натянутой любезностью распрощались с капитаном и Гонсалесом, отвязали катер и затарахтели вверх по реке вслед за своим снаряжением, благополучно миновав злосчастный поворот. Вскоре мы догнали Кейо, хотя он с ночи шел без остановок. Его катер упорно пробивался вперед, но, загруженный по самый планшир, делал от силы три узла против наших восемнадцати. Благоразумнее всего было бы пристроиться за ним на буксире и держаться ближе к пище, постели и своим камерам, но это еще больше замедлило бы его ход. Поэтому, презрев осторожность, не сулящую нам никаких дополнительных удобств, мы забрали у Кейо свои гамаки, суточный запас провизии, а также камеру на случай возможных съемок, и продолжили самостоятельную скачку по волнам.

Река сделалась более извилистой. Скорость благоприятно сказалась на нашем настроении, и, лихо, проходя поворот за поворотом, мы с удовольствием наблюдали, как волны веером разбегаются за кормой и теряются в прибрежных зарослях.

Чем выше забирались мы по реке, тем величественнее становился лес вокруг нас. Мы неслись теперь меж высоких стен, за которыми возвышалась цитадель настоящих лесных гигантов. Именно за ними устремлялся человек в эти необжитые края. Шум мотора распугивал птиц. То тут, то там мелькали туканы с гротескными клювами, ярко-красные ара, всегда державшиеся парами, стайки синелобых амазонов. Чаще других птиц мы видели черных с алым надхвостьем

тоди-тиранов, которые с пронзительными криками вились у своих булавовидных гнезд, свисавших над водой.

Немного погодя птицы перестали попадаться, и лес опять стал казаться сумрачным и недоброжелательным. Брызги за кормой сверкали в лучах солнца всеми цветами радуги, мы проносились вдоль прибрежных зарослей совсем близко от глухой зеленой стены, и казалось, будто невидимая граница разделяет два мира: яркий радостный — реки, и темный мрачный — леса. Такое же чувство возникает, когда из теплой светлой комнаты смотришь сквозь хрупкое стекло наружу, где царит сырой холодный сумрак. Я знал, что, если мотор вдруг откажет, если мы налетим на затопленный ствол и получим пробойну, если грозные тучи на горизонте разразятся бурей, нам не избежать серьезных, по-настоящему опасных испытаний, и я не переставал мысленно возвращаться к нашей каюте на «Касселе», где мы могли бы сейчас безмятежно наслаждаться комфортом.

На каюте мы подошли к устью Куругуати и решили дожидаться здесь Кейо. На мысе, очищенном от кустарника, стояла убогая хижина, которой иногда пользовались лесорубы. Повсюду валялись обрывки ржавой проволоки и пустые канистры из-под горячего, земля вокруг была обезображена пятнами масла и бензина. У хижины слонялся солидный мальчишка-индеец, угрюмо наблюдавший за нашими попытками приспособить ржавые канистры под опоры для гамаков.

Ночью послышалось ровное пыхтение катера Кейо. Не останавливаясь, он свернул на Куругуати, и мы прокричали вслед, что догоним его утром.

На рассвете мы быстро собрались и поплыли дальше. За штурвал сел Сэнди, сразу же набравший сумасшедшую скорость. Надвинув шляпу до бровей, он с невозмутимым видом вертел штурвал и так резко бросал лодку на поворотах, что она едва не черпала воду. Я полулежал на корме, закрыв глаза, и сердце у меня ныло от дурных предчувствий.

Внезапно я услышал предупреждающий крик Сэнди. В тот же миг страшно затрещали ветки, что-то отвратительно закричало, и от резкого толчка я упал на дно лодки. Мы остановились. Нос лодки уткнулся в берег, а сама она угрожающе раскачивалась на поднятой волне. Оказалось, лопнул рулевой привод. Из-за тесноты починкой мог заняться только один человек, и им оказался я.

Только через час мы снова двинулись в путь, но теперь уже Сэнди было не до лихачества. Хотя моя кустарная работа дала на удивление хороший результат, опасность повторного обрыва все же оставалась. Через некоторое время мы нагнали Кейо и снова обошли его. Я вздохнул с облегчением. Теперь, если с нашим приводом что-нибудь и случится, мучиться

не придется — нужно будет только дожидаться Кейо.

В полдень гнетущая предгрозовая атмосфера последних дней разрядилась оглушительными ударами грома, и тяжелые капли дождя побежали рябью по поверхности реки. Атмосферные явления, по-видимому, повлияли на мотор: он заглох. Мы отчаянно дергали шнур стартера. Мотор завелся в тот момент, когда ненастье разразилось в полную силу.

Следующие часы я до сих пор вспоминаю с содроганием. Дождь лил стенами. Мотор глох все чаще, но мы не решались заглянуть внутрь, опасаясь, что он может замолкнуть навсегда, если вода попадет на свечи. Стало холодно. Сэнди упрямо вел лодку вперед, я сидел рядом с ним, не сводя глаз с узла на приводе, а Чарлз лежал на корме, укрывшись дырявым брезентом, и был готов схватиться за стартер, как только мотор в очередной раз заглохнет. А дождь все лил и лил при вспышках молний и раскатах грома. Правда, Сэнди уверял, что теперь совсем близко до хижины, конечной точки нашего маршрута.

День был уже на исходе, когда, выйдя на обширный плес, мы увидели впереди крошечный желтый огонек. В полной темноте мы пристали к крутому берегу и стали карабкаться наверх по узкой тропинке, превратившейся в настоящий водопад.

Свет шел от большого костра, разложенного на земляном полу, в центре маленькой прямоугольной хижины без дверей. Вокруг огня сидели четверо: молодая женщина в брюках и блузке с длинными рукавами, черноволосый мужчина лет тридцати и двое индейских юношей с овальными лоснящимися лицами и миндалевидными глазами. Шум проливного дождя и завывание ветра заглушали все остальные звуки, и наше появление на пороге хижины было для ее обитателей полной неожиданностью.

Мужчина вскочил и приветствовал нас по-испански, но подробные объяснения пришлось отложить: первым делом надо было спасти наши вещи, и вместе с хозяином мы побежали обратно к лодке.

Уложив вещи под навес, мы наконец и сами оказались под крышей. После горячего супа хозяин повел нас в кладовую, где мы могли провести ночь. Здесь все было заставлено бочками, пухлыми мешками, блестящими от масла топорами и разными ржавыми железками. Отовсюду свисала паутина. Огромные коричневые тараканы покрывали грязные стены глянцевым шевелящимся ковром, а наверху, меж балок, порхали летучие мыши. В помещении стояло зловоние от затхлой солонины, но зато было сухо. Исполненные благодарности, мы развесили гамаки и через несколько минут заснули под раскатами грома.

Продолжение следует

Перевел с английского
Н. ВРОНСКИЙ

Вот уже несколько десятилетий не утихают дискуссии между сторонниками и противниками изучения так называемых неопознанных летающих объектов. Дискуссии эти настолько остры, что их участники пока что не в состоянии даже выработать единой терминологии для определения самого феномена. Например, в тезисах докладов Томской школы-семинара за 1988 год встречаются такие названия, как «непериодические быстропотекающие явления в окружающей среде (НБЯ в ОС)», «аномальные явления (АЯ)», «НЛО — транспортные средства для

перемещения гуманоидов», «неотождествленные атмосферные явления (НАЯ)» и другие.

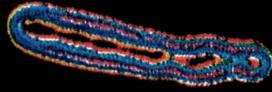
С конца сороковых годов очевидцами полетов необычных светящихся образований, а порой и неких загадочных объектов стали более пятидесяти тысяч людей. Были сообщения и о приземлении этих объектов, и даже о выходе из них человекоподобных существ. Но свидетельства такого рода, не подтвержденные никакими материальными доказательствами, чаще всего игнорируются научной общественностью как не заслуживающие внимания.

Этот таинственный объект — около 100 метров в диаметре, по мнению очевидцев, — неподвижно висел над заливом острова Итуруп (Курилы). Фото Б. Казьмина.

Склон горы Ай-Петри в Крыму фотограф снимал в полдень при ярком солнце, но предмет, находящийся в верхней части снимка, стал виден лишь на негативе.

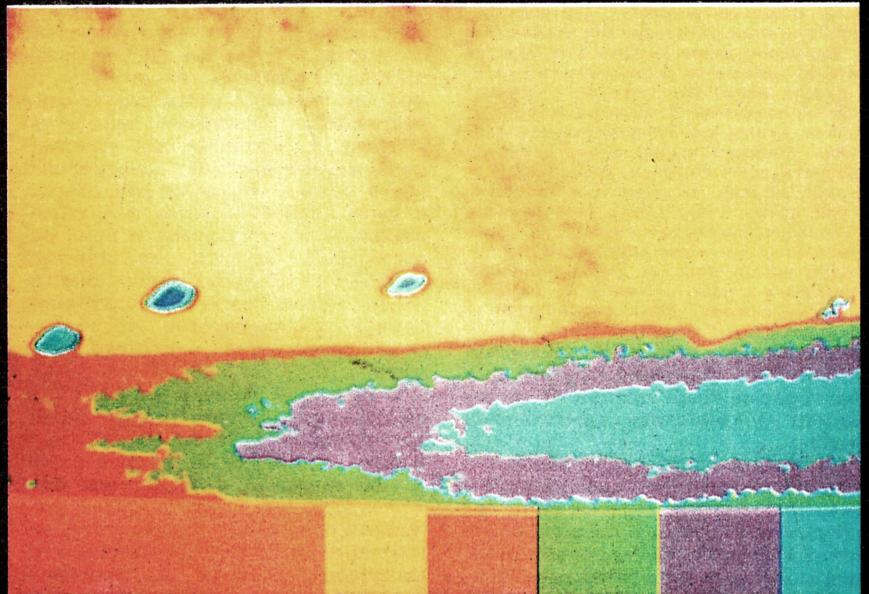
Второй голубоватый шар появился на цветной фотографии, когда при копировании был применен светофильтр.

Цветная реконструкция сделана с помощью компьютера для иллюстрации структурных неоднородностей этого невидимого образования.

А. КУЗОВКИН,
А. СЕМЕНОВ

Водоробы? Плазмиды? Термофаги?

Интересно, что облик таинственных небесных объектов соответствует состоянию массового сознания общества в конкретный исторический период. Так, в средние века люди наблюдали на небе библейские сюжеты. В 1895—1897 годах, за 2—3 года до начала массового дирижаблестроения, над США чаще всего появлялись объекты именно дирижаблеподобной формы. Во время второй мировой войны английские летчики описывали летавшие над Германией светящиеся шары — «секретное оружие немцев». В 1945—1946 годах жители Скандинавских

стран сообщили о пролетах примерно двух тысяч объектов в виде «ракеты «ФАУ-2». После известных событий в Петрозаводске 20 сентября 1977 года феномен НЛО стал связываться с посещением Земли инопланетными аппаратами, управляемыми человекоподобными существами. И тут же в редакции газет, журналов, на радио и телевидение хлынул огромный поток писем от очевидцев наблюдения этих «аппаратов» и их «пилотов».

Например, опытный рыбак и охотник из местечка Старорыбное в районе Хатанги А. В. Гоц сообщил о

том, что в ноябре 1979 года он видел неподвижно висящий на небе огненный шар, который резко взмыл вверх. Было заметно, как по нему полосами скатывался газ, который потом отнесило ветром, и он рассеивался.

«Когда шар набирает высоту, — пишет А. Гоц, — становится просто звездочкой и продолжает полет, шума не производит, может быть невидимым. Видели шары с разных расстояний — от высоты полета самолета до 500 метров. Один шар висел в 10 метрах от льда. Когда я стал приближаться к нему на снегоходе «Буран», внутри его вспыхнула звезда, и он начал от меня удаляться вверх и в сторону. Я все же догнал его,

остановил сани, вышел на свет фары, поднял руки, дабы показать ему, что я не вооружен, и обратился с такой речью: «Эй, инопланетянин, с тобой говорит сын Земли. Не будь трусом, спускайся, я хочу с тобой говорить». Я, конечно, понимаю, что все это смешно. Он меня по крайней мере принял за дикаря — ведь я весь в лохматой одежде. Но как только я это произнес, из темноты вспыхнул второй такой же шар, и они вместе улетели в сторону Луны и исчезли в ее свете...

Но несмотря на всю фантастичность таких «свидетельств», подобные загадочные аномальные явления наблюдают не только многочисленные очевидцы. Они регистрируются и радиолокаторами, фиксируются на фото- и кинокамеры, их чувствуют животные. Однако, по нашему мнению, при изучении довольно большого количества однотипных наблюдений НЛО до сих пор не регистрировались, а подчас и не учитывались некоторые особенности этих явлений.

23 октября 1978 года в 7 часов 15 минут москвич В. М. Дьяченко вместе с женой увидел из окна своей квартиры на улице Новаторов две маневрировавшие в небе светящиеся полосы.

«Я посмотрел на эти полосы и удивился, — рассказывал впоследствии он. — Одна была расположена вертикально, другая — горизонтально. Последняя была примерно вдвое короче. Мы обратили внимание на их розово-желтый цвет. Я сделал несколько снимков с различной экспозицией. В это время полосы начали двигаться. Горизонтальная спокойно поплыла влево, а вертикальная превратилась в ромбовидную звездочку. В этот момент мы заметили вспышку, после которой звездочка развернулась в горизонтальную полосу, и теперь уже две полосы медленно друг за другом поплыли влево, пока не растворились и не исчезли в небе... Пленка, на которой я делал снимки, была специальная — «Микрат-300».

После того, как пленка, предоставленная В. М. Дьяченко вместе с фотоаппаратом, была проявлена, фотоснимки подвергались тщательному анализу.

На первом кадре видна панорама, открывающаяся из окна квартиры Дьяченко — сквер, деревья, берег водоема, над которым в небе висит огромный темный объект, напоминающий по форме дельфина, наклоненного носовой частью к земле. На втором кадре «дельфин» не обнаруживается, но зато видны два темных объекта, похожих на маневрирующие над местностью «чечевицы». На третьем кадре наклоненный к земле «дельфин» появляется снова, но здесь он уже светлее окружающего его фона неба. После дополнительного изучения фотоснимков такие же, как на втором кадре, темные объекты обнаружены в теле светлого и темного «дельфинов».

В своем сообщении автор снимков указывает, что он делал их с выдержками от 1/2 до 1/16 секунды, причем фотоаппарат держал в руках и изображение панорамы на снимках оказалось смазанным, однако «дельфин» на первом кадре и темные объекты

на втором видны совершенно отчетливо. При совмещении изображений «дельфинов» с первого и третьего кадров на экране контуры совпадают почти полностью, однако положение их в пространстве по отношению к деталям ландшафта различно.

Значит, изображенное на них физическое явление перемещалось в пространстве, изменяло форму, с довольно большой частотой меняло интенсивность и цвет свечения. Но когда отпечатанные фотографии были показаны Дьяченко, он заявил, что ни в один из моментов наблюдения не видел изображенных на них объектов.

Дело тут вот в чем. Скорость восприятия человеком зрительной информации находится в пределах 10—72 бит/сек. Сам процесс видения включает подсознательную работу мозга, при которой в ответ на прошедший на сетчатку глаза сигнал в памяти отыскиваются наиболее подходящие признаки-образы, по сумме которых человек и отождествляет источник сигнала. Возможна ситуация, когда перед человеком неожиданно (а именно так и бывает в случаях наблюдения НЛО) возникает незнакомое ему физическое явление. Не что быстро перемещается в пространстве и с большой частотой меняет свою форму, размеры, цвет. Если эта частота превышает пороговую, то мозг не успевает составить из этих разрозненных картинок целостную картину и возникает так называемая метафорическая деформация, когда человек видит не сам объект, а свои индивидуальные или общепринятые представления о нем. Современный человек, воспитанный на технических достижениях цивилизации, может увидеть в описанном случае инопланетный корабль — свои представления о технике будущего.

В 1958 году экспедиция АН СССР во главе с К. Флоренским установила, что взрыв Тунгусского тела произошел в воздухе на высоте около 5 километров. Для объяснения происшедшего выдвигались самые различные гипотезы — от падения гигантского метеорита и аварии космического корабля инопланетной цивилизации до столкновения Земли с микроскопической «черной дырой» и взрыва ядра кометы. Однако убедительных фактических доказательств нет и поныне.

Советский ученый Д. Ф. Анфиногенов на основе исследования структуры взрыва рассчитал азимут проекции его траектории, угол наклона источника взрыва к горизонту, высоту нижней точки взрыва, суммарную энергию взрыва и форму пространства ударной волны. На диаграмме, продемонстрированной им на 12-й и 13-й конференциях по метеоритам, можно видеть фигуру, наклоненную носовой частью вниз и напоминающую по форме дельфина, очень похожего на объект со снимков Дьяченко.

Новосибирские ученые В. К. Журавлев и А. Н. Дмитриев, проанализировав около 2 тысяч сообщений о необычных явлениях 1908 года и результаты исследования многочисленных экспедиций, пришли к выводу: «Согласно нашей гипотезе, кроме шаровых молний и корональных транзитов, в космическом пространстве Солнечной системы существуют плазменные объекты... которые могут быть обнаружены в процессе дальнейшего развития космонавтики и астрономии». Вполне правомерно предположение о том, что одним из источников НЛО, как и Тунгусского феномена, может быть появление в околоземном пространстве и над поверхностью Земли объектов плазменной природы весьма внушительных размеров. Событие, наблюдавшееся Дьяченко в 1978 году над Москвой, предположительно, имеет ту же природу. К сожалению, пока мы можем лишь строить догадки о «конструкции» некоторых НЛО.

Феномен НЛО предстает перед наблюдателем сложным комплексом разнообразных явлений как известного характера, например, электромагнитного, так и в виде необъяснимых пока физических эффектов, необычных воздействий на объекты окружающей среды, людей, технику. Одной из иллюстраций этого может служить эпизод, описанный в научно-популярном фильме Киевской киностудии «В поисках пришельцев», в котором приведен случай, происшедший в районе Петрозаводска в феврале 1985 года, когда некий светящийся шар довольно долго «буксировал» целый товарный состав.

21 апреля 1984 года в Курганской области в 22.30 по местному времени члены семьи Когуровых оказались свидетелями следующего события:

«По дороге из села Ковриги в город Шадринск на расстоянии 3—4 километров от села (по обе стороны дороги — пашня) нашу машину осветило слева голубым светом. Один луч прошел впереди, и машину дернуло, но мы не остановились, а лучи внезапно исчезли. Мы испугались и не могли ничего понять — свет какой-то неестественный. Мы все трое стали наблюдать в окно машины. Через несколько секунд удивленное привело нас в ужас — на пашне слева вспыхнули «фары», в их центре свет был нежно-голубой, а в темноту шли густо-синие лучи. «Фары» создавали нечто вроде «коробки» и были почти одинакового размера, но «фара» сверху была чуть больше и похожа на прожектор. Луч от нее шел прямо на нас. Все это продолжалось несколько секунд, потом стало гаснуть — сначала «прожектор», потом остальное. Больше мы ничего не видели, но останавливаться побоялись — нам показалось, что это что-то разумное. Ведь «они» нас на дороге как бы ловили лучами. На следующий день у мужа левая сторона лица вся горела как будто от ожога, покраснела...»

Сотрудник института неорганической химии СО АН СССР В. А. Харитонов явился участником еще более необычного события:

«В конце октября — начале ноября 1958 года мы с приятелем были на охоте. В то время я проживал в райцентре — селе Довольное Новосибирской области. Уже порядком стемнело. Я стоял лицом на север, приятель мой Иван Грехов — чуть сзади и правее меня. Луна взошла и схватил редкий туман светила нам в спину. Вдруг около 9 или 10 часов вечера с левой стороны над лесом показалась светящийся круг изумительно правильной формы, довольно медленно двигавшийся на нас с северо-западной стороны. Скорость его полета была равна примерно 5 км/час. Лес был освещен этим предметом — довольно отчетливо различались отдельные березы. Было впечатление, будто кем-то включен прожектор средней мощности. Все это выглядело очень красиво и интересно: почти прямо над нами проходил в небе какой-то объект, освещал землю «прожектором» и как будто выбирал место для посадки.

Когда яркий круг с видимыми размерами в 5—6 лунных дисков приблизился к нам, отчетливо стал виден второй круг тоже правильной формы, но меньшей интенсивности свечения... От него исходил яркий фиолетовый свет в виде луча, оставляющий на земле освещенное пятно диаметром около трехсот метров...

Когда мы попали в полосу, освещенную кругом, какая-то неведомая сила прижала нас к земле. Просто положила. По телу прошла дрожь, как будто я попал под напряжение. Это длилось недолго, так как мы находились в крайней зоне светового круга, где освещение на земле было менее ярким, чем в его центре. Продолжая лежать, я повернул голову и увидел, что круг удаляется в сторону северо-востока... Когда я поднялся, меня охватило чувство страха и полного безразличия...

Итальянский ученый Л. Бокконе в своей работе «НЛО — скрытая реальность» рассказывает об исследованиях по обнаружению образований, получивших название «критеры». Лаборатория Бокконе работала в районе Аренцано (Италия) на вершине одинокого холма. Для исследования применялись фотометры, термометры, магнитометры, регистраторы альфа-, бета- и гамма-излучений, другая аппаратура, а также живые индикаторы — собаки. При аномальных и необъяснимых отклонениях в показаниях любого из приборов производилась фотосъемка. Для нее применялась обычная панхроматическая или ИК-пленка, фотовспышки, интерференционные фильтры, электронно-оптические преобразователи. Наблюдения проводились на протя-

жении трех лет, обычно ночью, в течение 7—10 часов. В это время можно было наблюдать и регистрировать явления и присутствовать при «материализации» и «дематериализации» невидимок, обнаруживаемых позже на фотоснимках. В некоторых случаях отмечались слуховые и тепловые ощущения. Исследования показали, что объекты чаще всего регистрируются в инфракрасной и ультрафиолетовой частях спектра.

Резюме, сделанное итальянцами, было ошеломляющим. Они заявили об открытии неведомых доселе «эфирных» форм жизни. По мнению Бокконе, эти живые формы и связанные с их существованием физические явления неизвестны нам потому, что их реальность лежит за порогом воспринимаемой человеческим глазом частоты природного спектра.

Что же тогда такое жизнь и можно ли говорить о какой-то небилогической жизни? Ученый Л. А. Блюменфельд считает, что «принципиальных отличий материи живой от неживой не существует, и потому физических критериев живого предложить нельзя». Другой исследователь, Ю. Н. Благовещенский, утверждает, что критериев живого в чистом виде не существует и не может существовать.

В людском сознании пока еще существуют представления о том, что «живое» отличается от «неживого» более сложной организацией, особой упорядоченностью структуры. Но исследования ученых-синергетиков показывают, что небилогические структуры порой не уступают по сложности известным нам формам жизни. Лидеры брюссельской школы синергетики И. Пригожин и П. Гленсдорф открыли и математически описали изменения в небилогических системах, когда при удалении от термодинамического равновесия в них «может из беспорядка возникнуть порядок». Происходит пока не изученный процесс самоорганизации элементов вещества, иными словами, возникает какая-то новая жизнь.

К. Э. Циолковский считал, что большинство планет дозрело в плане появления на них живых существ и что мы окружены не только такими же, как и мы, плотными существами на биологической основе, но и существами «эфирными», материальность которых намного менее плот-

ная, чем материальность нашего мира. Предвосхищая выводы Пригожина и Гленсдорфа, в работе «Живые существа в Космосе» он отмечал:

«Теоретически всякая энергия может поддерживать жизнь: например, энергия движения и вращения планет, сила тяготения, теплота, атомная энергия и другие ее виды».

На коллоквиуме «Биоастрономия — ближайшие шаги», организованном Международным астрономическим союзом и Международной академией астронавтики 22—27 июня 1987 года в венгерском городе Балатонфюред, профессор Нью-Йоркского университета Р. Шапиро заявил, что гипотеза об универсальности водно-углеродной жизни является одной из «вредных догм», тормозящих прогресс в астробиологии. Иной пример распространенной догмы, считает Р. Шапиро, вывод об отсутствии жизни на Марсе, основанный на результатах первых биологических проб, взятых космическим аппаратом. В книге «Жизнь вне Земли: руководство для разумного землянина по жизни во Вселенной» он предлагает следующую классификацию возможных форм жизни в Космосе:

— **п л а з м о и д ы** — существуют в звездных атмосферах, образуются за счет магнитных сил, связанных с группами подвижных электрических зарядов;

— **р а д и о б ы** — живут в межзвездных облаках, представляют собой сложные агрегаты атомов, находящихся в состоянии возбуждения;

— **л а в о б ы** — организованные структуры из кремния, живущие в озерах расплавленной лавы на очень горячих планетах;

— **в о д о р о б ы** — амебообразные формы, плавающие в жидком метане и извлекающие энергию из превращений ортоводорода в параководород;

— **т е р м о ф а г и** — вид космической жизни, извлекающий энергию из градиента температуры в атмосфере или океанах планет.

Теперь вернемся к наблюдениям на Земле. Возможно, природа феномена НЛО связана со специфическими свойствами этих плазмоподобных образований, достигших такой степени самоорганизации, при которой их можно рассматривать как живые, а возможно, и... разумные?

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

Материалы, которые исследуют авторы статьи, могут составить новый раздел космической антропозологии. Сообразуясь как с классическими, так и современными научными результатами (К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, Илья Пригожин, А. Л. Морозов и др.), мы можем выделить фундаментальное космологическое и космопланетарное явление — монолит живого вещества, который в статье рассматривается в связи с классификацией форм жизни, предложенной профессором Р. Шапиро. Как универсальное космологическое явление жизнь

столь же разнообразна в своих проявлениях, как и давно известное человечеству многообразие форм физической Вселенной. Отказ от белково-нуклеинового «монотеизма» даст новый импульс научному мышлению на рубеже двадцатого века.

Такие исследования и формирующееся в их ходе мировоззрение неограниченно важны для судьбы цивилизации, понимания сути земной формы разумного вещества. Они направлены на преодоление антропоцентризма, космологического эгоизма, самозамыкания земной цивилизации.

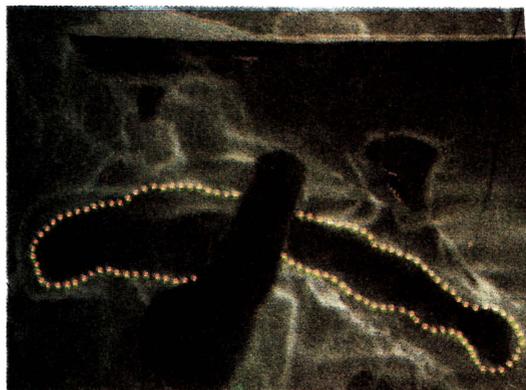
Академик АМН СССР В. КАЗНАЧЕВ

«ОН ВЫГЛЯДИТ, КАК ЖИВОЙ»

Около 150 миллионов лет пролежало яйцо ископаемого ящера, обнаруженное группой ученых из университета Брайам Янг в Прово, штат Юта, при раскопках в коях Кливленд Ллойд южнее города Прайс. Последний год принес много сюрпризов палеонтологам. В каменоломне обнаружены ископаемые останки плотоядных — предков тираннозавров, возраст которых составляет от 210 до 145 миллионов лет. Эти гиганты достигали пятиметровой высоты и весили до двух тонн. 10-сантиметровое яйцо весом в 450 граммов принадлежало

именно такому существу, утверждает геолог Уэйд Миллер. Яйца динозавров поразительно маленьких размеров. «Логичнее было бы предположить, что такие гиганты способны «нести» огромные яйца», — говорит Миллер.

Выкопав яйцо и бережно его упаковав, исследователи направились в госпиталь, где имелся томограф. Сложная аппаратура могла дать объемное изображение внутреннего строения яйца. И когда исследователи просветили его рентгеновскими лучами, то увидели на снимках... эмбрион! «Он выглядит, как живой!» — воскликнул Вэл Дан, делавший снимки.

ОБЖОРА ИЗ ОЗЕРА ВИКТОРИЯ

Еще несколько лет тому назад в самом большом озере Африки, Виктории, резвилось бесчисленное множество окуней всевозможных расцветок и форм. Каждый день рыбаки из Уганды, Кении и Танзании выходили на своих маленьких деревянных лодках на лов и возвращались домой с добычей. Некрупные пестрые рыбки служили для местных жителей важной белковой добавкой к пище.

Сегодня ситуация изменилась. Главный виновник этого — нильский окунь. В своем родном Ниле эта рыба достигает веса 200 килограммов! В 50-е годы прожорливого хищника, несмотря на настоятельные предостережения биологов, выпустили в озеро Виктория английские колониальные чинов-

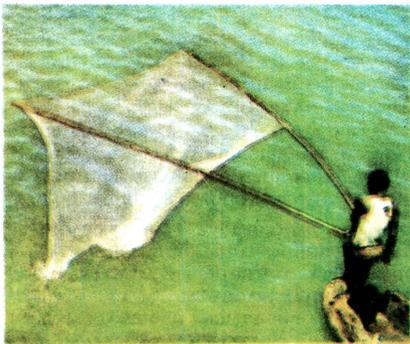
ники из Уганды. И пришелец рьяно взялся за дело — популяция местных окуньков стала катастрофически сокращаться.

Теперь нильские окуни составляют 80 процентов рыбной массы озера. Но лодки у рыбаков слишком малы, а сети слишком тонки, чтобы справиться с зубастыми гигантами. А если это удается, возникает другая проблема: жирная рыба не сохнет на солнце, ее надо коптить на костре. Только вот где взять хворост? Поэтому и возвращаются одинокие ловцы назад ни с чем, в то время как траулеры, принадлежащие крупным рыболовным предприятиям, успешно охотятся на нильского окуня, потом его замораживают и экспортируют в Европу.

Однако, как считают ученые из Музея естественной истории в Лондоне, прожорливая рыба сама себе «роет могилу», опустошая все и вся в озере. Пока что ей на жизнь хватает: она может утолить голод собственным потомством. А потом?

Пример с озером Виктория насторожил и австралийских биологов. Теперь они единодушно выступают против того, чтобы выпустить хищника в водоемы Северной Австралии, а ведь было такое желание — пополнить жирной рыбкой рацион австралийцев.

— Нет уж, — говорят зоологи, — хватит с нас кроликов!

Курьер

Бюро международного молодежного туризма «Спутник» выпустило информационно-рекламный сборник «Ориентир». Это издание приурочено к 30-летию образования крупнейшей советской туристской организации, которая ежегодно обслуживает свыше 5 миллионов туристов.

«Ориентир» сообщает, что в туристско-экскурсионной работе «Спутника» появилось немало нового. Организуются специализированные поездки для молодых художников и архитекторов, любителей истории, поэзии и музыки, для желающих изучить опыт строительства и деятельности МЖК, экологические и другие маршруты. Отдельные программы ожидают юных космонавтов, моряков, программистов.

«Ориентир» вы найдете в любом райкоме, горкоме комсомола, а также во всех бюро «Спутник». Мы предлагаем вам поучаствовать в разработке новых маршрутов. Авторы наиболее интересных предложений смогут проехать по своим маршрутам.

А. КОРСОВСКИЙ,
инструктор БММТ «Спутник»

ГЛАЗ ПАВЛИНА

Роман

8

Рассвет следующего дня был ярким и чистым. Бен с видом знатока бросил взгляд на небо, потянул носом, вдыхая несуществующий ветер, и веско изрек: — Будет жара!

Несмотря на ранний час, доктор Инглби уже слегка вспотел, видимо, от напряженного наблюдения за тем, как мы с Беном нагружаем машину. Он болтался в стороне, время от времени промокая платком лоб и придирчиво проверяя, все ли уложено.

— Быстрее,— лихорадочно торопила нас Карен.— Ну, поехали, а то окажемся там только в середине дня!

Наконец мы тронулись в путь.

Мили через две нам открылся залив Гровенора. Как только машина остановилась, все выбрались наружу. Я не спеша оглядывал первозданную красоту места. Маленькая бухта, белый пляж и далеко справа — внушающая благоговейный трепет стена утесов, а слева — выдающийся в море мыс. Длинная зеленая лента земли, изгибаясь дугой, окаймляла залив. Нас обступили заросли диких бананов, их широкие листья поникли в ожидании ветра.

Потом я увидел крупный остов заброшенного подъемного крана, проржавевшего и скособочившегося. А за ним странное нагромождение камней, которое никак не вписывалось в природный ландшафт. Бен обернулся ко мне и вытянул руку:

— Видал?

— Да, камни... Это от старого туннеля?

Он кивнул:

— Пошли вниз, покажу.

К моему разочарованию, смотреть было почти не на что. Вход в туннель сохранился, но шел вглубь всего на двадцать футов, а потом резко обрывался. Как будто мощный взрыв обрушил крышу и стены, закрыв проход многотонной осыпью.

Потом все прошли к утесу.

Вода была синяя-синяя. И, глядя вниз, я ощутил внезапное напряжение. А когда заговорила Карен, в ее голосе послышалось сдерживаемое волнение.

— Вот, значит, где это... Здесь «Гровенор» сел на мель... Она схватила меня за руку.— Посмотри на риф! Он там! Видишь, сквозь воду виднеется — такая черная длинная глыба. Наверное, судно на нее и наткнулось.

Я проследил за ее взглядом и согласно кивнул.

— Похоже на то. По крайней мере, полностью совпадает с рассказами спасшихся.

Доктор Инглби поджал губы и ехидно заметил:

— Если «Гровенор» затонул именно здесь, естественно предположить, что он сразу же разломился. Тогда сокровища могут быть рассеяны на такой обширной территории, что найти их теперь будет просто невозможно.

Поразмыслив, я попытался возразить:

— Если даже судно и разломилось, рифы не дали бы унести его останки в море. Но я все же надеюсь, что мы найдем его целехоньким. Дальше все зависит от морского дна. Если «Гровенор» опустился на толстый слой песка... тогда это значительно облегчит нашу задачу.

Карен нетерпеливо обернулась ко мне:

— Давай нырнем и посмотрим, что там, на дне?

Я улыбнулся, увидя такое рвение.

— Да, мысль отличная. Кстати, я и сам об этом подумывал. Пока мы здесь, нужно все обследовать самым тщательным образом.— Я взглянул на девушку: — Думаю, с работой ассистента ты справишься.

Глаза Карен сверкали.

— Когда начнем?

— Да хоть сейчас.

Мы вернулись к машине, надели подводное снаряжение и поплыли к утесу, где едва виднелись крошечные фигурки Бена и доктора Инглби, дружески примостившихся бок о бок. Время от времени я поглядывал на них, выдерживая направление. Карен тоже не выпускала их из виду. Мы плыли рядом. Она крикнула и призывно помахала рукой.

Вода сомкнулась над нами, поглотив ответный крик Бена, и в ту же секунду мы оказались в мире приглушенных красок и мелькающих теней. Убедившись, что Карен рядом, я ударил ластами и пошел на глубину. Она последовала за мной...

Когда мы всплыли, Бен, с риском свалиться в воду, перенулся через край утеса.

— Эй, ну как там, внизу? Что видели?

Карен сдвинула маску на лоб и весело ответила:

— Песок! Везде песок! И никаких скал! Может, к нам спуститься? Вода чудесная!

Бен фыркнул и замотал головой:

— Я тут столько наловил акул с крабами да осьминогов с муренами, что в море теперь — ни ногой! Ну вот если только «Гровенор» отыщем...

Доктор Инглби внимательно посмотрел на меня:

— Глубоко?

— Футов тридцать,— ответил я.— Но дальше, возможно, немного глубже. Надо бы посмотреть. Готова, Карен? Она кивнула, и мы снова нырнули.

Чтобы прочесать район, нам потребовалось добрых полчаса. Когда мы наконец поднялись на берег, чтобы дать подробный отчет о географии местности, то обнаружили, что Бен кипятит в котелке воду для чая.

— Как там? — спросил он, подняв брови.

— В целом неплохо,— ответил я.— Риф гораздо больше, чем я думал. Он идет почти по всей ширине залива, но, кроме него, нет никакого намека на скалу.

Едва мы успели покончить с завтраком, как Карен встала и огляделась.

— Ну что ж,— объявила она,— теперь можно приступать к работе. Сначала выберем место для стоянки. Помоему, стоит остановиться прямо здесь: во-первых, рядом пресная вода, а, во-вторых, до залива рукой подать.

День пролетел незаметно. После, оглядываясь назад, я вспоминал его как нечто совершенно особенное. Этот день словно знаменовал собой краткое затишье перед бурей, которая вскоре разразилась.

Конечно, отбросить все смутные страхи, убедить себя в том, что мои былые опасения — просто игра воображения, было несложно. По крайней мере, до тех пор, пока в тот вечер не пришел в свой номер. Я открыл дверь спальни и не поверил глазам: настужь распахнутые створки дверного шкафа, полувыдвинутые ящики, а все их содержимое в полном беспорядке вывалено на пол — одежда, обувь, постельное белье, аккредитивы и распотрошенный бумажник.

И вдруг я похолодел — исчез потрепанный портфель, который еще недавно принадлежал Гарри Проктору...

В вихре дел, который закружил меня в течение следующих нескольких дней, я почти забыл о пропавшем портфеле. Больше я ничего не мог сделать, поэтому, передав дело полиции, с ходу включился в бесконечную чехарду встреч, консультаций, телефонных звонков и неизбежной волокиты.

Постепенно все наладилось, однако прибытие первых ящиков с грузом совпало с новостью: оснащение спасательного судна требует моего присутствия в Дурбане.

Об этом сообщил Ривельд. Заодно он посоветовал мне занять каюту прямо на корабле, пока идет работа. Я уже было согласился, когда доктор Инглби предложил мне нечто лучшее.

— Почему бы вам не поселиться у нас? — спросил он. — Через денек-другой мы с Карен отправимся домой и пробудем в Дурбане по меньшей мере неделю. У меня появилось одно дело, а Карен наверняка захочет сделать кое-какие покупки. — Он помолчал и добавил: — Если хотите, можете поехать с нами.

На том и порешили. Тем временем Бену было поручено разбить лагерь в заливе Гровенора, и, как только прибыли палатки и провиант, он уехал, проклиная пыльную дорогу. Днем позже мы отправились в Дурбан.

Там я впервые увидел «Мэри-Джо».

Это было маленькое, неуклюжее на вид суденышко, с высоким застекленным капитанским мостиком и широким полукруглым носом — настоящее рыбацкое судно.

Едва мы с Карен ступили на его борт, навстречу шагнул высокий рыжеволосый молодой человек и протянул руку.

— Мистер Харви? А... это, вероятно, мисс Проктор? Добро пожаловать на борт! Я — Барри Ривельд. Сегодня утром я получил от отца радиограмму о вашем прибытии.

Общее сходство Барри с отцом было очевидно: те же бледные ресницы, голубые глаза, фигура. Однако сын был лишен солидной представительности своего отца. Он был выше ростом, изящнее, движения более быстрые и отрывистые. Говоря, он постоянно размахивал длинными тонкими руками и нервно посмеивался.

Барри медленно обвел меня глазами, потом с нескрываемым восхищением посмотрел на Карен.

— Я очень рад... Позвольте представить вам остальных членов экипажа... А... вот и шкипер. — Он повысил голос. — Ник! Можно тебя на минутку?

Когда появившийся на палубе смуглый человек повернулся, я мгновенно узнал его. Ник Суорт! Я невольно сжал кулаки.

Суорт переступил с ноги на ногу, взглянул на Барри, отвел глаза в сторону и кашлянул.

— Я хочу извиниться перед вами за то, что тогда произошло, — с трудом выговорил он.

Мне показалось, что эти слова Ник произнес нехотя: он не был похож на человека, который привык извиняться. Наверно, правила вежливости требовали спустить все на тормозах, сказать «ничего страшного» или что-нибудь в этом роде, но тогда я не чувствовал особого великодушия — слишком свежа была память о Гарри Прокторе.

— Рад, что вы раскаиваетесь, — резко заявил я. — Дратья со стариком — позор!

На скалах Суорта заходили желваки, он отвел глаза и пожал плечами.

— Знаете, как это бывает... всю неделю в море... первая ночь дома... мы с ребятами... у нас накопело. Но мы никого не хотели обидеть. И не думали даже. Просто так вышло.

Внезапно мне стало жаль Суорта. От его тогдашней чванливой бравады не осталось и следа. Мало того, мне

даже показалось, что за его внешней угрюмостью таится страх.

Я ехидно улыбнулся.

— Что ж, мистер Суорт, в следующий раз, когда вам придет охота подраться, советую выбрать противника по себе.

Он не ответил, а Барри весело рассмеялся.

— Ник — хороший парень, — сказал он. — А что погорячился — с кем не бывает? Уверен, что вы не будете держать на него зла. Шкипер он первоклассный, ручаюсь. Лучшего вам не сыскать. Кроме того, он профессиональный водолаз.

— Что ж, это неплохо. — Мне нечего было возразить. — Я человек благодарный, мистер Суорт, и, пока нас связывают деловые отношения, думаю, мы сработаемся. Как и вы, я заинтересован в том, чтобы работа была сделана — и сделана хорошо.

Я повернулся к Барри.

— Из слов вашего отца я понял, что под водой будут работать трое? Кто третий?

— Хендрик Фурье. Пойдемте, я вас познакомлю.

Мы прошли по палубе мимо работающей команды — лоснящихся от пота африканцев, которые, монотонно распевая, вручную двигали огромную упаковочную клеть. Потом пробрались через лабиринт клетей поменьше, и спустя мгновение я пожимал руки Хендрику Фурье и его брату Виллему.

Они были так похожи, что я и без Барри понял, что передо мной братья-близнецы. Но с первой же минуты знакомства Виллем произвел на меня странное впечатление. Его пальцы как-то вяло сжимали мои, взгляд был невыразителен. Шаркая, он отступил и встал позади брата.

Хендрик, напротив, произвел на меня впечатление человека сметливого, умного и абсолютно уверенного в себе.

Мы поболтали минут пять, а когда отошли, я спросил Барри о Виллеме.

— Значит, заметили? — Он искоса взглянул на меня. — Что ж, это сразу бросается в глаза. Виллем немного придурковат. Умственное развитие у него, как у восьмилетнего, но он вполне безобиден.

— Какой ужас! — воскликнула Карен. — И ничего нельзя сделать?

Барри покачал головой.

— Да, по-моему, пытались уже, да только все зря. Ужасно, конечно, но, думаю, могло быть гораздо хуже. По крайней мере, у него есть работа, с которой он в силах управиться, и, пока Хендрик рядом, он вполне счастлив.

— Он так привязан к брату? — спросила Карен.

Барри скривил рот в усмешке:

— Не то слово!

— Но есть ли необходимость держать такого человека на борту? — заметил я. — Его жаль, конечно, но нужно думать и о работе. Он может что-нибудь делать?

Барри откровенно рассмеялся.

— Делать? Видели бы вы его в работе! Он силен как бык, и хотя соображает медленно, но уж если что усвоит, никогда не забудет. Правда, он слушается только Хендрика, но слово брата для него — закон.

Неожиданно эта тема Барри наскучила:

— Хотите, покажу вам судно? Правда, смотреть особенно нечего. Кроме того, я должен заранее извиниться за беспорядок. Погрузка снаряжения еще не закончена.

Сначала он повел нас на мостик, а потом — вниз, к аккуратному ряду кают. Для рыболовецкого судна они были на удивление роскошными.

— Да, мы несколько отличаемся от остального флота, — объяснил Барри. — Это все отец придумал. Понимаете, он берет «Мэри-Джо» во время отпуска, если выберется, или когда с друзьями ходит на донный лов. К тому же он еще и гурман. Погодите, сейчас увидите камбуз — ахнете!

Камбуз и вправду был необыкновенный. Карен охала и ахала, рассматривая внушительное количество различных приспособлений. Потом Барри повел нас вниз и показал машинное отделение и рефрижераторный трюм. Мимоходом мы заглянули в каюты африканского экипажа и наконец вернулись на палубу.

Обращая наше внимание на работающую команду, Барри отметил:

— Все они местные. Пондо — прирожденные рыбаки, других таких нет. Парни они работающие, жалованье получают хорошее, дом рядом, так что сложностей у нас с ними практически не бывает. Их здесь восемь человек, и почти все они работают в компании не меньше пяти лет. Ну а Камбула (он у них — индуна, старший) — тот служит больше пятнадцати.

— Вот как? — Я лениво проследил за взглядом Барри. — Это вы о том высоком малом?

Барри кивнул.

Я снова посмотрел на Камбулу, но ничего такого, что выделяло бы его из толпы остальных негров, не заметил. В его волосах блестела седина, а зубы, которые он обнажал в улыбке, сверкали белизной. Я равнодушно отвернулся.

Потом мы попрощались с Карен и, став кружком, курили. В это время доковый кран опускал последнюю тяжелую упаковочную клеть. Пондо болтали, отпуская шуточки. Один из них, высокий, могучего сложения молодой человек, небрежно облокотившись на леер, зажег сигарету. Внезапно рейфер изменил направление и качнулся. Кто-то крикнул: «Берегись!» Но было поздно. Рейфер вскользь задел курящего, и в следующую секунду тот перелетел через леер и скрылся под водой.

Увидев это, все бросились к лееру. Раздались хриплые крики, несколько человек принялись стаскивать с ног башмаки, но, видимо, я оказался проворнее всех, потому что добежал первым. Одним прыжком я перемахнул через леер, секунду спустя после того, как вода сомкнулась над головой злощастного пондо.

В воде я нашел его без труда. Он опускался на дно лицом вниз, раскинув руки, и, когда я схватил его за рубашку, не оказал никакого сопротивления. На миг я с ужасом подумал, что пондо мертв, но, когда вытащил его на палубу, он замотал головой и стал очумело тарашиться по сторонам. Вокруг столпились его друзья. Сначала они улыбались, а потом стали смеяться, дав выход накопившемуся напряжению.

Я стоял, опершись на леер широко расставленными руками. С меня ручейками бежала вода, и я тяжело дышал. Вдруг я почувствовал, что кто-то стоит рядом.

— Нкози!

Я повернулся и увидел Камбулу. Он улыбался и в знак уважения поднял правую руку.

— Нкози, я хочу поблагодарить тебя. Ты спас недостойную жизнь, которая принадлежит сыну моего брата.

— Пустяки, — сказал я. — Любой на моем месте поступил бы точно так же.

Камбула улыбнулся еще шире:

— Но это ты, нкози, первым прыгнул в воду, ты вытащил его из моря. Я благодарю тебя, хотя Финнеас этого и не заслуживает. Он — никчемный человек. Но, может быть, то, что случилось, образумит его.

Я вступился за пондо.

— Это был несчастный случай. Он ничего не мог сделать. И едва ли его вина...

Камбула упрямо покачал головой.

— Несчастный случай — да. Но Финнеас должен был видеть кран, он должен был быть внимательнее, а его глаза были закрыты. Моему племяннику повезло. Так везет не каждому. Благодарю тебя, нкози. Благодарю от имени моего брата, от имени Финнеаса и от себя. Видишь ли, своих детей у меня нет.

Я был рад, что меня окликнул Барри: неудобно было слышать столько излишних похвал.

— Молодец, — сказал Барри через плечо Камбулы. — Теперь тебе надо переодеться. Пойдем ко мне в каюту, я дам тебе сухую одежду, у нас примерно один размер.

Благодарно улынувшись ему, я снова обратился к Камбуле, делая попытку пройти:

— Очень приятно было выслушать твои слова, но теперь мне нужно переодеться.

К моему удивлению, пондо не тронулся с места, заступая дорогу. И когда Камбула заговорил, в голосе у него зазвучала настойчивая нотка:

¹ Господин.

— Подожди, нкози... Пожалуйста, подожди...

— Ну, что еще? — нетерпеливо спросил я.

Камбула поднял глаза, потом быстро опустил их и, как зачарованный, стал пристально глядеть на мою руку. Я проследил за его взглядом, но так и не понял, что привлекло внимание пондо. Вдруг Камбула протянул руку и дотронулся до двух параллельных полосок, шедших вдоль моего предплечья.

— Шрамы? — мягко спросил он. — С тобой тоже случилось несчастье?

Я пожал плечами:

— Ах, это? Ерунда. Это было давно, так давно, что я даже и не помню. А теперь, прости... меня ждет мистер Ривельд.

Но Камбула все не отпускал меня:

— Подожди, нкози. Пожалуйста, скажи мне... это не займет много времени. Что это был за несчастный случай, от которого у тебя шрамы?

Нахмурившись, я сделал шаг вперед. Тогда Камбула поспешно продолжил:

— Два шрама, оба длинные и прямые. Редко увидишь такую отметину... Ты был маленьким мальчиком, нкози, когда произошел несчастный случай?

Я кивнул, чувствуя растущее нетерпение. Но потом, не желая обидеть Камбулу, ответил:

— Я был слишком мал и не помню, но мне говорили, что это укусы змеи.

Взгляд Камбулы шарил по моему лицу со странной настойчивостью:

— Змея? Но зубы змеи не оставляют таких следов. Может быть, кто-то разрезал тебе руку, глубоко разрезал ножом, чтобы вместе с кровью вытек и яд?

Это было скорее утверждение, чем вопрос, и я устоял на Камбулу, внезапно почувствовав острое любопытство. Было что-то особенное в его глазах, полуумоляющих, и я, не сдержавшись, выпалил:

— Ну да, так это и было. По крайней мере, мне так рассказывали... А откуда ты...

Камбула отступил на два-три шага. Потом быстро повернулся, чтобы уйти, и теперь уже я хрипло выкрикнул:

— Постой, Камбула, подожди!

Но он ушел.

Я смотрел ему вслед, борясь с желанием окликнуть вновь. И хотя я все еще пребывал в недоумении от странных вопросов пондо, ответ напрашивался сам собой: именно Камбула много лет назад разрежал мне руку ножом, и он точно знает, кто я на самом деле. Он помнил меня как сына Джона Фрейзера.

Эта мысль обеспокоила меня, но еще больше тревожило то, что наша случайная встреча не обрадовала его. В глазах Камбулы не было тепла — был только безумный страх.

«Почему это так? — спрашивал я себя. — Должна же быть какая-то причина?»

На этот вопрос не было ответа, и, покачав головой, я пошел в каюту Ривельда. Оставалось ждать. Может быть, завтра мне удастся поговорить с Камбулой и вызвать его на откровенность.

Но и завтра и все последующие дни Камбула явно избегал меня.

10

Все дни до отплытия я проверял наше снаряжение. Воздушный компрессор, гидрокостюмы, баллоны со сжатым воздухом, акваланги, насосы, моторы, рекомпрессионная камера — нужно было еще раз удостовериться, что все работает отлично.

Лихорадка приготовлений захватила и Карен. По мере того как приближался день отъезда, ей все труднее было скрыть нетерпение.

Однако доктор Инглби свалился с очередным приступом подагры, и Карен пришлось остаться с ним дома.

Отплывали мы на рассвете. Последнее, что я увидел, когда судно выходило из Дурбанской гавани, была одинокая хрупкая фигурка Карен. Она стояла на краю пирса и махала нам вслед.

Суорт взял курс на юг, и «Мэри-Джо» весело покачива-

лась на волнах, словно наслаждаясь вновь обретенной свободой.

— Хорошо идем, — сказал мне Барри. — Суорт считает, что, если погода не изменится, будем на месте задолго до наступления темноты — даже если сделаем крюк, чтобы зайти в Сент-Джонс.

Я и не заметил, как мы миновали залив Гровенора, обогнули мыс и перед нами отвесной стеной встал утес Водопадов. Полупрозрачное облако водяной пыли, пронизанное солнечными лучами, казалось распушенным хвостом гигантской экзотической птицы.

Но вот и водопад остался позади, а несколько часов спустя «Мэри-Джо» бросила якорь в устье Умзимвубу в Порт-Сент-Джонс.

Лукас и Ривельд уже ждали нас и, поднявшись на борт, бурно всех приветствовали. Особенно старался Лукас — дарил улыбки налево и направо, рассыпался в уверениях дружбы, скрепляя слова рукопожатиями. Добродушно похлопав Барри по спине, он осведомился, все ли прошло как надо. Потом пригласил всех в кают-компанию.

Когда Лукас предложил тост за успех предприятия, Суини поднял бокал, но было видно, что он не разделяет оптимизма Лукаса. И раза два я ловил на себе его холодный испытующий взгляд.

Пирушка явно не удалась. У Барри тоже вдруг резко изменилось настроение. Хватив лишку, он смеялся чаще и громче обычного и явно чувствовал себя не в своей тарелке, хотя я и не мог понять, в чем причина его нервозности. Возможно, на него угнетающе действовало присутствие Суини или отца.

Виллем Фурье сидел рядом с братом, утопив в огромном кулачище пустой стакан. Я заметил, как жадно он смотрит на бутылку бренди, но Хендрик шикнул на него, и тогда Виллем стал пристально изучать пол у себя под ногами.

Откинувшись на спинки стульев, Хендрик и Суорт вежливо беседовали с Лукасом, обращаясь к нему с подчеркнутым уважением и почтительно называя его «сэр». Барри они называли «мистер Ривельд», а он не забывал обращаться к ним «мистер Суорт» и «мистер Фурье».

Первым из-за стола поднялся Суорт. Он резко встал, сказав, что должен вернуться на мостик. Вслед за ним, как по команде, поднялись и остальные.

Но когда к двери направился Барри, его окликнул Лукас. — Останься на минутку, Барри, — сказал он небрежно. — У меня к тебе деловой разговор. Поди сюда, присядь. Это ненадолго.

Но разговор затянулся: ни Барри, ни Лукас, ни Суини не показывались наверху, пока мы не подошли к рукаву, ведущему в залив Гровенора.

В сумерках я различил тощую фигуру Бена: он ждал нас и отчаянно замахал рукой, когда мы подошли ближе. Перегнувшись через перила мостика, я помахал ему в ответ. Через минуту мы уже обнимали друг друга.

Место для лагеря было выбрано удачно. Спрятанный за ветвистыми деревьями, он расположился на берегу реки и, хотя до пристани можно было дойти пешком, находился достаточно высоко по течению, так что в воде не чувствовалось привкуса соли.

Бен с гордостью показал свои владения. Он был в отличном расположении духа. Но, когда тем же вечером я назвал ему имя капитана «Мэри-Джо», Бен заметно погрузнел.

— Ник Суорт — сволочь! — воскликнул он. — И о чем мы только думали, когда Лукас пришел покупать пай! Теперь-то уж что жаловаться: вяпались будь здоров. Мы теперь с ними повязаны — с Ником Суортом и со всеми остальными.

Мы с Беном еще долго сидели в тот вечер и болтали, потягивая ром. Около одиннадцати, когда все давно уже спали, я, пожелав Бену спокойной ночи, отправился к себе в палатку, освещая дорогу фонариком. Через полчаса я уснул.

Меня разбудил негромкий шуршащий звук, словно сквозь траву пробиралось маленькое животное. Я замер. Через секунду звук повторился, и мне стало не по себе. Со всех сторон меня обволакивала недвижная темнота,

густо-чернильная в дальнем углу палатки и млечно-белая в проеме двери. Я напряженно вслушивался, пытаюсь уловить новые звуки, но тщетно. Шли секунды, минуты... Я уже было расслабился, как вдруг услышал шорох, доносившийся из-под кровати, и легкое осторожное дыхание.

Напрягшись, я рывком откинул одеяло, но в этот момент чья-то рука крепко зажала мне рот. Я судорожно пытался вырваться, однако железные тиски сжимали меня все сильнее, и вдруг прямо над ухом я услышал взволнованный шепот:

— Нкози... тс-с... тс-с... не надо шуметь. Это я, Камбула... Нкози, пожалуйста, молчи, или мы оба умрем. Ты понимаешь, что я говорю?

Пондо не убирал руки, пока я не кивнул, потом он отступил на шаг и простерся ниц подле моей кровати. Я вскочил и уставился на него.

— Камбула! Что ты здесь делаешь, черт бы тебя побрал?!

— Тс-с... Тихо, нкози. Прости, но у нас мало времени. Слушай меня внимательно. Я пришел сказать тебе, что это место проклято. Здесь зло, много зла. Ты не должен оставаться здесь. Ничего хорошего из того, что ты собираешься делать, не выйдет. Уходи скорее, пока зло не достигло тебя... Я пришел предупредить, чтобы ты уходил, пока не поздно.

Поджавшись вперед, я нетерпеливо потряс Камбулу за плечо.

— Глупости. Как я могу уйти? Мы только приехали и завтра начнем работать. Лучше скажи, чего ты боишься.

Но Камбула молчал, словно все еще надеялся, что я изменю свое решение.

— Ну? — нетерпеливо настаивал я. — О чем ты хотел мне рассказать?

С минуту он не мог решиться, потом начал говорить, торопливо и сбивчиво:

— Я знаю, где твой отец. Да, нкози, твой отец — человек, которого называют Джон Фрейзер.

Я глядел на Камбулу, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Вдруг тишину разорвал крик козодоя. Камбула вскочил на ноги.

Несмотря на темноту, я увидел, как округлились от страха его глаза.

— Подожди! — хрипло выдохнул я. — Не уходи. Я должен знать... Ты должен сказать мне...

— Здесь нельзя разговаривать, — прошептал Камбула. — Я расскажу тебе все потом, в безопасном месте.

— Но где, когда?

— Есть одно место, нкози, на другом берегу реки. Там,

где в море падает большая вода. Ты знаешь, где это?

— Утес Водопадов, — кивнул я.

— Хорошо, — сказал он с удовлетворением. — Через два часа я буду ждать тебя в маленькой пещере за водопадом. Пусть только никто не видит, как ты покидаешь лагерь. Будь осторожен, нкози, будь осторожен!

Перед самым уходом Камбула дотронулся рукой до моего лба, и в слабом свете я увидел улыбку, на мгновение озарившую его лицо.

— Бааси, — прошептал он и с этим полуприветствием-полупрощанием исчез.

11

Я потянулся за сигаретой и только тут заметил, что у меня дрожат руки. Присев на край кровати, я глубоко затаился и попытался осмыслить услышанное.

Фрейзер был мертв. Я и мысли не допускал, что он здесь, в Южной Африке, и что Камбула знает, где он находится. Так не могло быть: я в это не верил и не хотел верить.

Я вырос с мыслью, что отца нет в живых. Тетя Ида не раз говорила, что, если он еще не умер, ему бы следовало это сделать. Дядя Чарли всегда считал его покойником, и даже мать говорила об отце только в прошедшем времени. Но — в сторону сантименты. Допустим, отец жив, однако только безумец мог вернуться сюда, в единственную на всем земном шаре точку, где его хорошо помнят и почти наверняка узнают. Нет, это лишено всякой логики. Хотя, с другой стороны, в последнее время произошло немало событий, которые мне трудно объяснить.

Главное, Камбула знает, кто я такой. Он назвал меня «бааси» — маленький господин. Очевидно, он называл меня так, когда я был ребенком. Значит, он служил у моего отца, и теперь бывшая преданность заставила его прийти ко мне глубокой ночью и предупредить... Но о чем? Камбула был смертельно напуган. Чего он боялся? Джона Фрейзера? Я покачал головой. Здесь кончались факты и начиналась область фантазии. Так, по крайней мере, подсказывал здравый смысл. Я сидел в палатке в полной темноте уже с час и все думал, думал...

Однако надо было собираться: до встречи оставалось совсем немного времени. Надев темную рубашку, черные брюки и альпинистские ботинки, я неслышно выскользнул из палатки. Все спали. Взошел бледный месяц и осветил лагерь — несколько палаток: одна, в центре, чуть побольше — кухня, с краю четким квадратом темнел фургон доктора Инглаби. Напротив палатки, где спали наемные рабочие, еще тлели угли костра.

Минут десять я шел лесом, потом свернул к реке. К счастью, брод был неглубок, и мне удалось перейти на другой берег, почти не замочив одежды. Поднявшись вверх, я остановился. Внизу ровным густым ковром темнела долина. Деревья росли у самой воды и почти скрывали ее от взгляда, но ближе к морю, там, где река разливалась широким рукавом, светилась спокойная гладь, на которой «Мэри-Джо» казалась черной тенью. Справа от меня высились горы — усыпанные галькой и изрезанные тысячами ущелий, они ступеньками восходили навстречу утесам.

Я выбрал безопасное место и начал осторожно спускаться по длинному крутому обрыву. Заняло это с полчаса. Оказавшись внизу, я достал фонарик и, выхватив из темноты тропинку, пошел вниз, на шум водопада. Старый Камбула удачно выбрал место встречи: здесь можно не бояться посторонних ушей. Даже расслышать друг друга будет нелегко. Вскоре я добрался до карниза: каменной лентой, чуть шире ладони, он опоясывал утес на высоте шести футов. Осторожно ступив на него, я начал пробираться к пещере. Передо мной белела в лунном свете стена воды. За водопадом темнела пещера.

Я зажег фонарик и, помедлив с минуту, позвал:

— Камбула!

Никто не ответил, звук голоса тонул в шуме падающей воды. Я нетерпеливо шарил лучом фонарика по огромным валунам, оставленным на полу пещеры древним камнепадом. Камбулы не было видно. Выругавшись про себя, я шагнул вперед.

И тогда я увидел его.

Привалившись спиной к стене пещеры, он сидел прямо передо мной, запрокинув голову. Глаза его были широко раскрыты, на лице застыла гримаса ужаса.

Камбула был мертв.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я очнулся от потрясения — может быть, секунда. Я отвернулся от мертвеца и похолодел: в углах пещеры зажглись фонари, лучи которых пересекались на сводах. Я был в ловушке! Попался так же, как и Камбула! Значит, и за мной следили... Я сразу понял, что меня ждет, но спустя мгновение страха сменился холодным бешенством.

Я выключил фонарик и перепрыгнул через мертвеца. Это дало мне секундную передышку: двое моих преследователей, видимо, ожидали, что я брошусь к выходу. По углам пещеры заметались лучи: негодяи потеряли меня из виду.

Когда в лицо мне ударил слепящий свет, я успел увидеть трезбего — того, кто убил Камбулу. Это был пондо. Его одежда была забрызгана кровью, алое лезвие ножа-панги занесено высоко над головой. Я инстинктивно выбросил вперед руку с фонариком. Послышался лягз металла, и фонарик отлетел в сторону.

Я остался жив! Но смерть стояла рядом. Раздумывать было некогда, но я знал, что, если попытаюсь бежать, меня прикончат, прежде чем я доберусь до карниза.

Человек с пангой ухмыльнулся. Должно быть, он подумал то же самое. Окровавленный и жуткий, пондо спокойно стоял в луче лежащего на земле фонарика и ждал, когда я побегу. И в этот короткий миг я нашел единственный выход: резким движением я схватил пондо за запястье и дернул на себя. Мы упали и покатались по земле. Одной рукой я изо всех сил молотил его куда попало, а другой стал выворачивать кисть, сжимавшую нож.

Пондо вскрикнул и попытался освободиться, но я удержал его и потянул за собой. У каменного карниза мы очутились одновременно с его друзьями. Передо мной мелькнули их ноги, потом один из них наклонился и с силой толкнул нас вниз.

Мой противник издал жуткий вопль и выпустил пангу. Когда над нами сомкнулась вода, пондо начал царапаться и лгаться, но я крепко держал его и потянул на глубину. Отчаявшись вырваться, он вдруг схватил меня за горло цепкими, необычайно сильными пальцами, но я продолжал тащить его вниз, пока глаза не заволокло кровавым туманом. И вдруг железные тиски, сжимавшие мое горло, ослабли. В последний раз дернув ногами, мой противник затих.

Легкие у меня разрывались, в ушах шумело. Держа

пондо за рубашку, я рванулся вверх. Вынырнул и долго не мог отдышаться. Рядом со мной лицом вниз всплыл пондо. Я не спускал с него глаз. Видимо, он был уже мертв, но рисковать не стоило.

Наконец я совсем пришел в себя и осмотрелся. Я плавал в заливе, который полукруглой стеной обступали утесы. Слева грохотали и пенились водопады. Подняв голову, я увидел наверху две светящиеся точки: мои преследователи методично и неторопливо осматривали поверхность воды.

Слепящий луч одного из фонариков ударил мне в лицо. Крика я не слышал — его поглотили скалы. Когда луч другого фонарика осветил тело мертвого пондо, я заметил, что наверху забеспокоились. Огни мигнули, а затем метнулись в сторону.

Прибрежные утесы манили укрыться, но я хорошо понимал, что там ждет меня верная смерть — те двое, наверху, наверняка продолжали следить за мной. Путь к утесам преграждали освещенные лунной водопады и темная цепь зубчатых скал.

Оставалось одно: выбраться на узкую площадку над каменным карнизом. Это был самый легкий путь, но, увидев, что именно туда направляются мои преследователи, я отказался от этой мысли. Конечно, можно было оставаться в воде. Они видели, что случилось с их товарищем, и вряд ли теперь решатся напасть на меня в воде. Но сколько удастся продержаться? У меня уже зуб на зуб не попадал от холода. Так что рано или поздно придется выбираться на берег.

Я взглянул вверх. Слева от карниза смутно вырисовывались отвесные громады утесов. Я вспомнил тропинку, по которой мы с Карен взбирались тихим вечером две недели назад, и ощутил слабый проблеск надежды. Если мне удастся опередить их — я спасен. Я снова взглянул вверх, затем повернулся и поплыл к площадке, делая вид, что собираюсь прорваться именно с этой стороны. Свет фонарей плясал над моей головой; два-три ложных рыбка заставили моих врагов осветить утес со всех сторон. Наконец ноги мои коснулись дна, и я стал выбираться на берег. Мои преследователи стояли на том же месте, до меня доносились взволнованные крики. Я остановился и, согнувшись, ждал, пока восстановится дыхание. Потом выпрямился и, ухватившись за торчащий из воды острый камень, подтянулся еще на несколько дюймов. Огни колебались и, оторвавшись от воды, устремились вверх. Я проследовал взглядом за лучом света и похолодел от страха. Триста футов отвесных зубчатых скал! На самом верху гигантской выпяченной губой нависала тяжелая плита. Но слева я заметил трещину. Только бы найти ее в темноте!

Нашупав еще один камень, я ухватился за него и высунился из воды по пояс.

Они предпримут какие-то действия, лишь убедившись, что я не поверну назад, — на это я и рассчитывал. Я продвигался мучительно медленно, останавливаясь на каждом шагу, как будто раздумывал, стоит ли идти дальше. Уловка удалась. Когда они наконец поняли, в чем дело, я уже проделал почти четверть пути вверх. По карнизу лихорадочно заплясали огни, но я уже не обращал на них внимания. Время для меня перестало существовать. Я судорожно карабкался вверх, дюйм за дюймом.

Мало-помалу звездное небо придвигалось ближе. Каменная громада отступила, и я увидел трещину, которую заметил еще раньше, — путь к спасению. Еще шесть футов, потом еще пять, и вот уже между скалами показались пучки травы. Последний рывок — и я у цели. Подтянувшись на руках, я огляделся — и едва не свалился вниз. Впереди меня уже кто-то поджидал. Он сидел, скорчившись, спокойный и неподвижный.

Я застыл, прижимаясь к скале. Казалось, прошла вечность. Не выдержав, я отвел взгляд и тут увидел других. Двое, трое, четверо... Боже, сколько же их? У меня перехватило дыхание...

Когда из-за облаков выплыла луна, я выбрался наверх и, в изнеможении опустившись на землю, истерически захохотал. Моими врагами были не люди. Аллоз! Это были всего лишь аллоз! Теперь я разглядел их стволы, пьяно

клонившиеся в разные стороны, увядшие прошлогодние листья по бокам, а наверху — шарообразный пучок новых побегов, который я в темноте принял за человеческую голову.

Волна слабости затопила меня. Лежать бы так всю жизнь, прижимаясь к земле, вдыхая ее запах. Как жаль, что не могу себе этого позволить! Я резко вскочил на ноги и увидел, что сжимаю в кулаке круглый булыжник. Не слишком внушительное оружие, но все же лучше, чем ничего. Быстро оценив обстановку, я повеселел. Низкорослые деревья, густые заросли кустов и огромные валуны — есть где укрыться. Я взвесил булыжник в руке. Посмотрим, кто кого!

Минут через пять показались мои преследователи. Подпустив их поближе, я выпрыгнул из укрытия, побежал, а потом нарочно споткнулся и упал. Вставать не спешил. Пусть думают, что я сильно ушибся. Уловка удалась. Раздался торжествующий крик, но я тут же вскочил и стремглав помчался к ближайшему укрытию. Затаившись в кустах, пропустил первого вперед и, дождавшись второго, швырнул камень ему в затылок. Раздался такой звук, словно раскололся орех. Преследователь рухнул как подкошенный, без единого стога. Подскочив к нему, я схватил фонарь и пангу и издал громкий, жуткий вопль. Бежавший впереди обернулся — это мне и нужно было. Я вскрикнул еще раз и высоко поднял фонарь, чтобы он освещал меня. Но едва преследователь рванулся ко мне, я выключил фонарь и отступил за валун.

Споткнувшись о тело своего друга, пондо чуть не упал. Тяжело дыша, он тихо выругался и наклонился над ним. В этот миг я приставил нож к его горлу.

— Руки! — зарычал я. — Подними руки! Бросай все, что у тебя есть! И руки вверх, живо!

Пондо заколебался, но от укулов острия панги мои слова приобрели для него удивительную доходчивость, и он бросил на землю сначала фонарь, а потом, с явной неохотой, и оружие.

— Отлично, — сказал я. — Вот так. А теперь повернись-ка, я на тебя посмотрю.

Лезвие по-прежнему кусало его в шею, а когда он повернулся, уперлось в кадык.

Я посмотрел ему в лицо и почувствовал, что силы оставляют меня. В склонившемся передо мной человеке я узнал племянника Камбулы!

— Финнеас, — сказал я хрипло. — Неужели это ты? Господи, да как же ты мог? Ведь Камбула всю жизнь заботился о тебе как отец!

Он закрыл лицо руками.

— Нет, господин... нет... пощади, пожалуйста...

— К черту! — заорал я. — Ты убил своего дядю и чуть не убил меня. Но теперь ты скажешь, за что собирался меня убить. Ну, шевелись, сукин сын, шевелись!

Я подтолкнул его, и он, спотыкаясь, двинулся назад, к краю пропасти.

— Все, стой! — приказал я. — А теперь выкладывай, да поживее. Мне много нужно узнать!

Глаза его испуганно округлились, но он молчал.

— Хватит прикидываться, — нетерпеливо сказал я, взмахнув ножом. — Я знаю, ты говоришь по-английски. Говори, или я душу из тебя вытрясу. Кто велел вам убить дядю? Тебе ведь велели убить его?

— Да, — охотно согласился он. — Мне... велели...

— Кто же, черт бы тебя побрал, кто?!

Он отчаянно замотал головой, прижимая руки к горлу.

— Нет, нет. Нельзя говорить. Зло... оно убьет меня. Пожалуйста, мой господин, пожалуйста...

— Ладно, — сказал я устало. — Пошли в лагерь. Может быть, мистеру Ривельду удастся добиться от тебя большего. Или полиции...

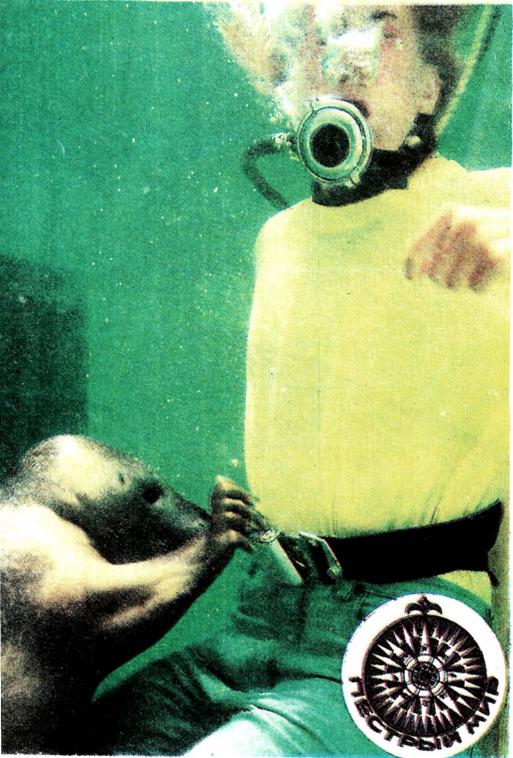
Я посторонился, пропуская его вперед. Но внезапно Финнеас метнулся в сторону и отчаянным прыжком перемахнул за край утеса.

Долгий, пронзительный вопль заставил меня содрогнуться. Потом наступила тишина. Я остался один в ночи.

Продолжение следует

Перевели с английского
Георгий и Чандрика ТОЛСТЯКОВЫ

ЭТЮД В КРАСНЫХ КРАБАХ

«Рождества остров... в восточной части Индийского океана, — читаем в «Энциклопедическом словаре», — под управлением Австралии. 156 км²... Крупные месторождения фосфоритов». О крабах — ни слова. Хотя десятиногие ракообразные — одна из главных достопримечательностей острова. Их здесь обитает пятнадцать видов. Самые крупные крабы — пальмовые воры. Эти вообще гиганты среди сухопутных крабов: их вес достигает трех килограммов. А самые многочисленные — красные крабы. Считается, что на острове их свыше 120 миллионов! То есть в среднем по крабу на каждый квадратный метр острова. Какие из этого можно сделать выводы? Во-первых, на острове Рождества чисто: красные крабы — уникальные санитары — поедают падаю листву, гниющие плоды фруктовых деревьев, отжившие цветы, не гнишаются гигантскими улитками и даже птичьими трунами. Во-вторых, почва острова плодородна: помет крабов — прекрасное удобрение. В-третьих, буквально невозможно ногой ступить, чтобы не раздавить зазевавшегося красного краба, особенно во время сезонных миграций, когда в течение 10 дней миллионы ракообразных движутся к побережью. Они ползут через дороги, железнодорожные линии, поселки, их давят машины, поезда, уничтожают местные жители (и все равно: потеря миллионов крабов за сезон — пустяк для популяции)... И, наконец, в-четвертых: нет ничего красивее, чем побережье острова Рождества во время миграции красных крабов. Пурпурные, багровые, алые скалы, усыянные ракообразными в ярких панцирях, кажутся наблюдателю с моря чудом света.

СТЕНЛИ ИДЕТ НА ПОМОЩЬ

Название этого учреждения может поставить вас в тупик. Если точно перевести с английского, то получается: Подводный институт Северного ветра (North Wind Undersea Institute). Еще большее недоумение может вызвать деятельность самого института. Среди прочих проблем здесь занимаются дрессировкой тюленей, но не простой дрессировкой. Предположим: в море падает самолет, пассажиры живы, но не смогли воспользоваться средствами спасения. Или: в реку сваливается автомобиль, а люди, находящиеся внутри, не могут справиться с замками ремней безопасности. В подобных случаях на помощь людям могут прийти обученные тюлени. Например, особи, получившие в Институте Северного ветра клички Сириус, Стенли и Расалаг, способны и расстегнуть ремни, и спустить под воду нуждающимся кое-какие инструменты, и даже доставить терпящим бедствие комплект первой необходимости с надувным жилетом и радиомаячком. Передние конечности обыкновенных тюленей (это не уничтожительное, а видовое название: *Phoca vitulina*) вполне приспособлены для таких операций. Если учесть, что отдельные особи (например, Стенли — он изображен на нашем снимке) могут находиться под водой до 20 минут, а скорость их передвижения достигает 17 узлов, легко сделать вывод о том, что с обыкновенными тюленями надо, конечно, дружить.

ВОДА МЕРТВАЯ И ЖИВАЯ

К величайшему сожалению, загрязнение окружающей среды охватило уже всю планету. Видимо, нет сейчас на Земле уголка, где жители не ощущали бы на себе результаты экологического кризи-

са. Вот, например, Республика Нигер. Самое сердце Африки. Пустынная местность. Медленно несет свои воды река, удаленная от промышленно загрязненных зон на тысячи километров. И тем не менее пить ее воду опасно. Вы рискуете здоровьем. Местные женщины выкапывают в прибрежной почве колодцы (порой просто-напросто руками) и набирают в различные сосуды скопившуюся на дне влагу. По их мнению, только вода, профильтровавшаяся сквозь почву, годится для питья.

ВЕЧНЫЙ БАРАН

На наш взгляд, фотография очень правдоподобна: на скале стоит баран. Стоит-то стоит, только он не настоящий, а каменный. Это памятник, поставленный в шотландском местечке Моффат. Он призван напоминать местным жителям (а также всем гостям и туристам) о той великой роли, которую сыграли овцы — поставщики отменной шерсти, мяса и жира — в истории Шотландии.

АВГУСТЕЙШИЙ АВГУСТ

Наверное, многим известна причина определенной асимметрии в нашем календаре: месяцы, содержащие 30 и 31 день, чередуются, но июль и август нарушают этот порядок. И все-таки для тех, кто не знает причины, напомним эту древнюю историю.

Июль назван по имени римского диктатора Гая Юлия Цезаря, который провел реформу календаря, получившего название юлианского (месяц Квинтилис, в который родился Цезарь, был переименован сенатом в Юлиус). В 27 году до нашей эры римским императором стал Август — внучатый племянник Цезаря. Он тоже внес изменения в календарь, и сенат счет необходимым увековечить и его: месяц Секстилис превратился в Августус. Однако Юлий Цезарь в свое время постановил, что продолжительность этого месяца должна равняться 30 дням. Август никак не мог смириться с данным фактом и чисто волюнтаристски увеличил продолжительность «своего» месяца на один день (за счет, кстати, февраля, который тогда-то и стал таким куцым), сравнив его с июлем. Самолюбие императора восторжествовало, а симметрия календаря оказалась нарушенной, и результаты этого августейшего повеления ощущались еще длительное время.

НА ПОЖАР!

Наверное, пожарное дело существует ровно столько же тысячелетий, сколько человек пользуется легковоспламеняющимися материалами. Очевидно, перейдя из пещер в хижины, люди стали тут же задумываться, как можно быстрее и эффективнее спасти жилище от огня. Однако технические средства тушения появились лишь в позднее средневековье. Пожарный насос был изобретен в Португалии в середине XVI века. Правда, слово «насос» здесь употреблено весьма условно: пожарные использовали большие шприцы, наполненные водой. Огонь тушили так: один пожарный держал шприц в руках, а второй давил на поршень. В XVII веке появились настоящие насосы, приводимые в действие вручную. Пожарные подтаскивали насос к самому огню и изо всех сил налегали на длинный рычаг. Увы, подобные насосы, бывало, загорались сами. Причина? Отсутствие гибкого шланга, который был изобретен только в 1690 году. А в 1859 году появилась первая пожарная машина на паровом ходу, получившая название «Паровой слон».

Со «слонами» дело обстоит не просто. Пожарная машина должна быть постоянно наготове, а для разжигания котла требуется время. Из положения выходили так: под котлом располагали газовую горелку, за счет чего постоянно поддерживалась весьма высокая температура. И тем не менее, когда объявлялась тревога, около двух минут уходило на то, чтобы поднять давление в котле до рабочего уровня. Куда более выигрышными были пожарные помпы на конной тяге. Получив приказ, дрессированные пожарные лошади в мгновение ока покидали стойла и сами вдевались в упряжь, хитроумно приспособленную для таких целей, — на все сборы уходило не более пяти секунд! В 1890 году стали использоваться педальные пожарные повозки, а дальше... Дальше наступила эра двигателей внутреннего сгорания, и пожарные экипажи превратились в хорошо нам знакомые пожарные машины.

ЭНЕРГИЯ — ИЗ НИОТКУДА

Конечно, непедагогично сообщать читателям факты, противоречащие принципам правового воспитания. И тем не менее есть курьезная информация, которую жалко хранить под сукном.

Один канадец (история умалчивает его имя) решил электрифицировать свой дом. Однако связываться с энергетическими компаниями не захотел. И поступил так: протянул параллельно высоковольтной линии электропередачи провод (соответствующей длины и на соответ-

ствующем расстоянии), который подсоединил затем к сети собственного дома. Далее в игру вступили законы электромагнитной индукции: ток, наведенный в проводе, поступал в дом и производил всю положительную работу: освещал помещение, давал тепло, обеспечивал работу радиоприемника и других устройств. Энергетическая компания и рада была бы содрать с предприимчивого канадца штраф, да не тут-то было: ни один закон не нарушен. Мы не призываем следовать принципу канадца и поэтому не приводим никаких цифр, однако смекалка технического человека конца XX века представляется нам достойной уважения.

АХ, РОЗЫ...

Вряд ли какой-нибудь другой цветок оказал столь мощное воздействие на литературу (чего стоит одна лишь «тысячелестковая роза» Данте!), живопись, культуру самых разных народов.

Известно, что человек начал культивировать розу в Северном полушарии, и первая цивилизация, которой это приписывается, была скорее всего минойская. Древние греки считали, что красавицу розу дала миру богиня Кибела — в пику Афродите, и так уж чересчур знаменитой своей красотой. Ранние христиане полагали розу прямым результатом грехопадения — иначе зачем же столь прекрасному цветку шипы?

В Китае роза была окружена почетом. Конфуций утверждал, что в его время в библиотеке императора насчитывалось 600 трудов, посвященных розе. Выращиванием этих цветов могла заниматься только знать, а пользоваться розовым маслом разрешалось лишь избранным.

В Древнем Риме для роз устраивали своеобразные теплицы: розовый куст окружали рвом, куда дважды в сутки заливали горячую воду. Поднимающийся пар и служил естественным «парником».

В XX веке ученые установили, что в плодах розы (роза, как и любое розоцветное растение, имеет свои плоды) витамина С содержится в четыре раза больше, чем в апельсинах.

Всем известны целительные свойства настоя и масла из плодов шиповника — дикого родственника розы. Однако есть еще одна область применения этого растения — чисто утилитарная. В Соединенных Штатах Америки раздвигательная полоса на шоссе в некоторых штатах засаживается именно шиповником. Это растение обладает свойством, спасительным для автомобилистов: машины не разбиваются о заросли шиповника, но и это самое важное — не рикошетируют от них.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

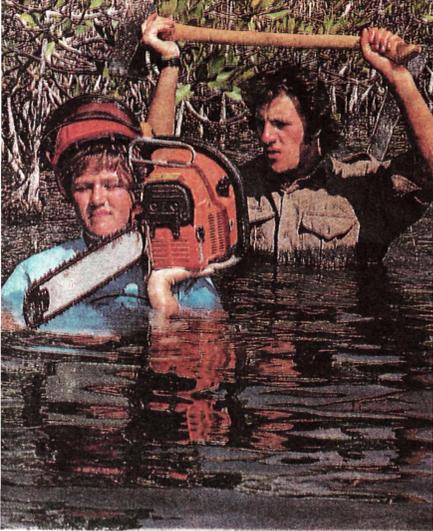
ХОРОШАЯ МИНА ПРИ ХОРОШЕЙ ИГРЕ

Это событие происходит с неизменной регулярностью вот уже более семисот лет. Каждый год — начиная с лета 1267 года — в английском городе Эгрмонте разворачивается Яблочная ярмарка. Набор мероприятий достаточно экзотический, хотя для данного праздника и традиционный: карабанье по намазанному жиром столбу, состязание бардов, исполняющих сентиментальные, комические и охотничьи песни. Однако гвоздь программы — Всемирный чемпионат рож. Не стоит негодовать — в этом термине ничего оскорбительного нет: в Эгрмонте на самом деле собираются со всего света те, кто умеет строить рожи. В прошлом году чемпионом стал Том Маттерсон — судя по фотографии, он действительно мастер гримас. Впрочем, любой, кто хочет его перещеголять, будет приветствоваться на старинной Яблочной ярмарке в Эгрмонте.

КРЫЛАТЫЙ, НЕЛЕТАЮЩИЙ...

Сколько крыльев может иметь самолет? Очевидный ответ — четыре (если вспомнить историю авиации). И лишь редчайшие знатоки самолетостроения сообщат, что были в свое время аэропланы, обладавшие куда большим количеством крыльев. Рекордсменом в этом плане, очевидно, может считаться самолет, сконструированный в 1906 году — на самой заре авиации — английским инженером Хорейшо Филлипсом. У его аэроплана, построенного по принципу «жалюзи», насчитывалось... 196 крыльев. Увы, эта сверхкрылатая конструкция не оправдала себя: подпрыгнув в воздух и пролетев несколько метров, «жалюзи» шлепнулись на землю и отказались впредь покорять воздушную стихию. Что же, будем считать это исключением из законов диалектики: количество не всегда переходит в качество.

На первой странице обложки: КОСТА-РИКА. Участники операции «Роли» переправляются через реку Рио-Кларо. Пока вброд, но скоро они соорудят здесь деревянный мост. Оказывается, путешествуя, можно не только вести наблюдения, делать научные открытия, вырабатывать характер, закалять себя физически, но и оказывать помощь местным жителям — строить мосты, прокладывать дороги. «Роли», добровольная западноевропейская организация молодых путешественников, на деле доказала это. После серьезных вступительных испытаний в составе отрядов «Роли» можно отправиться на раскопки в пустыню Атакама, или искать приключений на Багамских островах и в Гималаях, или, как вы видите на снимке, наводить переправу в Коста-Рике.

На третьей странице обложки: настоящий сикх, как известно, не стрижет волос и не бреет бороды. Как и в былые времена, многие сикхи являются профессиональными военными, сохраняя верность обычаям религиозно-воинской общины. Но если ты далек от ратных дел, то можно часами предаваться милому занятию — закручивать усы в замысловатую спиральку, мечтая о новом рекорде Гиннесса.

Художественный редактор М. Федоровская.
Макет Г. Комарова. Технический редактор И. Воробьева.

Сдано в набор 23.03.89. Подп. к печ. 28.04.89. А04792. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отг. 28,96. Учетно-изд. л. 11,4. Тираж 2 700 000 экз. Заказ 85. Цена 80 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

«Вокруг света», 1989, 1—64, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 70142.

© «Вокруг света», 1989 г.

ВОКРУГ **СВЕТА**

6 1989

Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК

Редакционная
коллегия:
В. И. АККУРАТОВ,
В. И. БАУЛИН,
А. К. ГЛАЗУНОВ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
Р. Ф. ИТС,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
Ю. Б. КАШЛЕВ,
В. А. ЛЕБЕДЕВ
(заместитель
главного редактора),
В. И. НЕВОЛИН,
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ
(ответственный секретарь),
Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
В. Н. СОЛОВЬЕВ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ

Наш адрес:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а.

Телефоны:
для справок — 285-88-83;
285-88-68;

отделы:
«Наша Родина» —
285-89-83,
иностраный —
285-89-85,
науки —
285-89-38,
литературы —
285-80-58,
писем —
285-88-68,
иллюстраций —
285-89-36,
приложение «Искатель» —
285-80-10,
секретариат —
285-88-25

Телетайп (внутрисоюзный) —
114167 ЭССЕ «Вокруг света»
Телекс (международный)
411261 ФАКЕЛ «Вокруг света»

По вопросам полиграфического
исполнения журнала обращаться в
типографию ИПО «Молодая гвар-
дия», тел. ОТК — 285-80-92.

- 2-я стр. обл.
Макетируем журнал
- 2 Вильям КРЕСПЕН
Игра в золотоискателей
- 5 Луис МАНСО
Вид на жительство среди кау-ньяро
- 8 Владимир ТОЛМАСОВ
Парусная вахта
- 12 Лидия ЧЕШКОВА
У порога родопского неба
- 18 С. БУРА
Голубая морфо с бумажным
туловищем
- 20 Виктор ГЕОРГИ
Беломорская петля
Комментарий П. Боярского
- 22 Ховард УОЛДРОП
Гадкие цыплята
Фантастический рассказ
- 28 Н. НЕПОМНЯЩИЙ
Шанс для додо
- 29 Евгений КУРОЧКИН
Самострелы на звериной тропе
- 34 Н. МАКСИМОВА
Берегись харкаров
- 36 Людмила БОГОСЛОВСКАЯ
Охотники Берингова пролива
- 43 Нина КРЮКОВА
Рожденные в море
- 45 Почтовый дилижанс
- 46 Дэвид ЭТТЕНБОРО
В Парагвай, за броненосцами
- 50 А. КУЗОВКИН, А. СЕМЕНОВ
Плазмиды? Водоробы? Термофаги?
Комментарий академика
В. Казначеева
- 54 Курьер
- 55 Оливер ГОФФ
Глаз павлина
Роман
- 62 Пестрый мир

ТО
ЧУДУ
ПОДОБНО

Над тесными изви-
листыми улочками
Гранады высится на
холме зубчатые сте-
ны средневековой ци-
тадели. Это Аламбра,
или, как ее еще назы-
вают, Альгамбра —
резиденция послед-
них мавританских
правителей на Пире-
нейском полуострове.

Вход во дворец гра-
надского эмира рас-
положен под самой
мощной башней. За
ней — небольшие дво-
рики. Посреди так
называемого Львино-
го дворика стоит мра-
морная чаша, кото-
рую поддерживают
двенадцать мрамор-
ных фигур, напоми-
нающих львов.

Из чаши журча сте-
кает прозрачная вода,
продельвая замысло-
ватый путь по особым
канавкам. Узор воды
сливается с узором
камня, и становится
понятной арабская
надпись на чаше:
«Здесь то ли вода
окаменела, то ли мра-
мор струится...»

Все бесчисленные
украшения дворца
выполнены из дерева
и стука — смеси але-
бастра и глины. И раз-
ве что с самими твор-
цами Аламбры мож-
но сравнить испан-
ских реставраторов,
которые поддержи-
вают первоизданный
вид одного из самых
выдающихся памят-
ников мировой куль-
туры.

М. ЕФИМОВ

Фото А. ГАРРИДО.
Предоставлено
посольством Испании
в СССР.

ISSN 0321—0669
Индекс 70142
Цена 80 коп.

